АКАДЕМИЯ НАУК СССР

А. Б. ШАПИРО

РУССКОЕ ПРАВОПИСАНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

А. Б. ШАПИРО

РУССКОЕ ПРАВОПИСАНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА—1951

ПРЕДИСЛОВИЕ

Одним из многих показателей расцвета культуры советского народа является сильно возросший в широких кругах советской общественности интерес к вопросам языка, в частности к вопросам письма (графики, правописания, пунктуации). В последнее время интерес этот особенно усилился в связи с проведенной в 1950 г. лингвистической дискуссией и опубликованием гениальных работ И. В. Сталина по языкознанию. Для удовлетворения общественных запросов в указанной области необходимы подготовка и издание разнообразной научно-исследовательской и научно-популярной литературы по всем важнейшим проблемам науки о языке и в первую очередь о русском языке.

Настоящая работа предназначается как для учителей, работников печати, студентов и аспирантов-филологов, так и для широких кругов советской интеллигенции — для всех, кто стремится не только овладеть практически русским правописанием, но и сознательно относиться к нему, а для этого — усвоить его теоретические основы, познакомиться с его системой и важнейшими этапами его истории.

Как известно, обстоятельный обзор русского правописания с историческими экскурсами был дан во второй половине прошлого столетия академиком Я. К. Гротом в его труде „Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне". За весь период, прошедший со времени выхода в свет этого труда, появились две небольшие работы, специально посвященные русскому правописанию: „Русское правописание" Д. Н. Ушакова (первое издание — 1911 г., второе — 1917 г.) и „Основы русской орфографии" А. Н. Гвоздева (первое издание — 1947 г., второе — 1950 г.). Книга Д. Н. Ушакова содержит краткий очерк дореформенного правописания и в значительной своей части посвящена доказательству необходимости упрощения русского письма. Брошюра А. Н. Гвоздева трактует в сжатой форме теоретические основы современного русского правописания, не давая систематического обзора его правил. Следует также отметить

работу И. А. Бодуэна-де-Куртенэ „Об отношении русского письма к русскому языку“ (1913 г.), в которой впервые была поставлена проблема взаимоотношения графики и системы фонем русского языка.

В настоящей работе система современного русского правописания рассматривается на широкой основе его взаимоотношения с фонетическим строем русского литературного языка, с одной стороны, и с теми графическими средствами, которыми располагает наше письмо после устранения из русского алфавита загромождавших его лишних букв („ятя“, „фиты“, *и* „десятиричного“, „твердого знака“ в конце слов) — с другой. Наряду с этим дается подробный обзор всех важнейших правил русского правописания с научно-историческим комментарием к ним и оценка их с точки зрения как теоретической, так и практической.

Работа ориентируется на действующее в настоящее время правописание; в ней не ставится вопрос об изменениях и тем более о радикальной перестройке правописания, к которым иногда склоняются работники школы и печати. Серьезный анализ всех сторон русского правописания, представляющего собой, как и русский литературный язык в целом, ценнейшее наследие многовековой культуры русского народа, приводит к заключению, что потребности в коренной ломке действующих норм русского письма в настоящее время не существует. Сторонникам радикальной перестройки русского правописания следует твердо помнить слова И. В. Сталина, в значительной мере применимые и к письму: „В самом деле, для чего это нужно, чтобы после каждого переворота существующая структура языка, его грамматический строй и основной словарный фонд уничтожались и заменялись новыми, как это бывает обычно с надстройкой?... Какая польза для революции от такого переворота в языке? История вообще не делает чего-либо существенного без особой на то необходимости“ („Марксизм и вопросы языкознания“, Госполитиздат, 1950, стр. 10). Однако это не означает, что отдельные недостатки, сохранившиеся при реформе правописания 1917—1918 гг., не подлежат устранению.

Работа по упорядочению русского правописания, как известно, производится, и касаться ее результатов в данной книге было бы преждевременно.

Институт языкознания Академии Наук СССР рассматривает данный труд как один из первых опытов приложения научной теории русского языка к запросам повседневной практики нашего культурного строительства.

Глава „Краткий очерк истории русского правописания“ написана доцентом Н. С. Рождественским.

I. ВВЕДЕНИЕ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ

§ 1. Русское письмо, как и письмо большинства народов мира, передает смысл речи путем обозначения звуковой стороны языка условными письменными знаками — буквами. Такой вид письма, в отличие от некоторых других видов, носит название звукового письма.

Примечание. Другие виды письма: рисуночное, или пиктографическое (передача мыслей соответствующими рисунками), идеографическое (передача целых понятий условными значками). Пользуясь в основном звуковым письмом, мы прибегаем в особых случаях к приемам рисуночного и идеографического письма: например, в геометрии мы пишем: △, ∠ и т. п., где △ — треугольник, ∠ — угол (упрощенные рисунки); знаками четырех арифметических действий условно обозначаем понятия сложения (+), вычитания (—), умножения (×), деления (:); другие примеры идеографии: цифры для обозначения чисел, черная прямоугольная рамка, в которую заключается фамилия умершего человека; три звездочки, обозначающие деление текста на части, и т. п. К области идеографии в известной мере относятся также знаки препинания.

Пиктография является одной из наиболее примитивных форм письма, так как при помощи ее возможно изображение почти исключительно предметов видимого мира, притом более простых по своему внешнему виду. Идеографическое письмо, обладая тем преимуществом, что его можно понимать, не зная соответствующего языка (так как письменный знак непосредственно передает понятие), однако очень трудно для усвоения: чтобы пользоваться этим видом письма, нужно располагать таким числом различающихся между собой знаков, которое равнялось бы числу известных и вновь возникающих понятий. Китайское письмо, которое, как известно, до сих пор является идеографическим, содержит в себе несколько десятков тысяч знаков (идеограмм), вследствие чего лишь очень незначительное число лиц, в результате длительного изучения письменности, усвоило полностью существующее в этом языке письмо. Широким народным массам идеографическое письмо в сколько-нибудь значительном объеме совершенно недоступно.

Звуковое письмо является наиболее удобным и доступным, так как при помощи его возможна передача любого

содержания человеческой речи, независимо от того, имеем ли мы дело с понятиями конкретными или абстрактными, простыми или сложными: все то, что находит выражение в слове (а слово облечено в звуки), может быть передано посредством звукового письма.

Звукам данного языка соответствует определенное количество букв, образующих в своей совокупности алфавит. Буквы в алфавите располагаются в определенном, твердо установленном порядке. Этот порядок складывается в результате исторического развития письменности и в настоящее время является большей частью традиционным, однако для всех пользующихся данным алфавитом обязательным.

Буквы, входящие в состав алфавита, как правило, обозначают отдельные звуки. Так, например, буквы русского алфавита *а*, *у*, *м*, *р*, *х* обозначают отдельные звуки. Но в русском же алфавите есть несколько букв, обозначающих сочетание звуков. Так, буквы *я*, *е*, *ю* в начале слога (*яма*, *ем*, *юг*, *зме-я*, *по-ем*, *по-ют*) обозначают сочетания звука „йот" со звуками *а*, *э*, *у* (см. § 21).

Посредством букв устная речь передается на письме с той степенью точности, какая необходима для передачи смысла. Соотношение между письмом и звучанием устной речи зависит от ряда условий: с одной стороны — от характера звуковой системы данного языка, с другой — от характера системы письма, количества букв в алфавите и их звуковых значений, а кроме того и другого — от правил употребления букв, или орфографии данного языка, которая в значительной степени определяет характер соотношений между системой письма и системой звуков в языке. Так как и звуковая система и система письма любого языка на протяжении веков изменяются, то и взаимоотношения между письмом и устной речью не остаются неизменными, а, наоборот, более или менее различны в разные эпохи жизни языка.

В тех языках, в которых звуковое письмо существует с давних времен, взаимоотношение между системой письма и системой звуков обычно гораздо сложнее, чем в языках, получивших письменность поздно или совсем недавно (в так называемых младописьменных языках). Ярким примером последних являются языки многих народов СССР, впервые получивших письменность на родном языке после Великой Октябрьской социалистической революции. Для этих народов были составлены алфавиты и правила письма, в максимальной степени соответствующие современной звуковой и грамматической системе их языков. Иначе обстоит дело с русским письмом: в нем используется алфавит, составлен-

ный еще в IX в., притом не для русского, а для другого славянского языка (так называемого старославянского — одного из наречий древнеболгарского языка), во многом от него отличавшегося. Уже в то время, когда для русского языка был принят алфавит старославянский, не все буквы этого алфавита соответствовали звукам русского языка. Но еще более важным явилось то, что звуковая система русского языка хотя и не всегда заметно, но все же непрерывно изменялась, между тем как письмо не могло подвергаться частым и коренным изменениям. Вследствие этого взаимоотношения между русским письмом и русским языком к нашему времени оказались совсем иными, нежели в начальный период существования русской письменности.

Из сказанного ясно, что для того, чтобы понять характер современного русского правописания в целом и разобраться в особенностях отдельных составляющих его правил, необходимо прежде всего получить представление, хотя бы общее, с одной стороны — о составе и системе звуков русского языка, а с другой — о составе и характере его алфавита и затем, на основе знания того и другого, уяснить себе взаимоотношения между русским письмом и русским языком в его устной форме.

ОБЫЧНОЕ ПИСЬМО И ФОНЕТИЧЕСКАЯ ТРАНСКРИПЦИЯ

§ 2. С первого взгляда может показаться, что чем точнее письмо отражает звуки речи, тем оно лучше выполняет свое назначение. На самом же деле это не так. Звуковая сторона любого языка, а русского языка, как будет показано далее, в особенности, чрезвычайно сложна. В русском языке большинство звуков имеет различные оттенки произношения; кроме того, многие звуки в одних и тех же словах, в зависимости от условий, в которых эти звуки находятся, заменяются другими звуками (см. §§ 8—15). Кроме этих явлений, наблюдаются еще значительные различия в произношении звуков по говорам отдельных местностей; существуют, наконец, и индивидуальные особенности произношения. Нужно ли для понимания смысла написанного, чтобы *все без исключения* оттенки звуков и *все случаи* замены в слове одних звуков другими отмечались на письме? Легче ли будет при этом понимать написанное или, может быть, труднее?

Точная запись звукового состава речи называется *фонетической транскрипцией*. Фонетическая транскрипция применяется во всех случаях, когда нужно показать точное произношение, например, при описании литературного произношения, особенностей местных говоров, индивидуальной

речи и т. п. Фонетическое транскрибирование требует от наблюдателя тонкого слуха и уменья безошибочно улавливать все звуковые различия говорящих, а кроме того — уменья употреблять при записи установленные для таких случаев дополнительные буквы, надстрочные и подстрочные значки и т. п. Так, например, в фонетической транскрипции литературного произношения слово *сестра* получает обозначение *с'иэстра́* (*с'* — мягкий согласный *с*, *иэ* — гласный, средний между *и* и *э*; кроме того, особым значком над буквой *а* показано, что последний слог — ударяемый); слово *город* получает обозначение *го́ръm* (во втором слоге — гласный, средний между *ы* и *а*, на конце — глухой согласный *т*; кроме того, показано, что первый слог — ударяемый). В северновеликорусских говорах те же слова оказались бы записанными так: *с'остра́*, *го́рот*.

Само собой разумеется, что фонетическая транскрипция трудна как для пишущего, так и для читающего. Для массового повседневного письма, для чтения и понимания читаемого вполне пригоден тот способ записывания слов, которым мы обычно пользуемся.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О ФИЗИОЛОГИИ ЗВУКОВ РУССКОГО ЯЗЫКА

§ 3. Из сказанного выше ясно, что между буквами и звуками речи нет полного соответствия. Звуки мы произносим, буквы пишем; звуки мы слышим, буквы мы видим, читаем. Звуков и их оттенков значительно больше, чем букв. Не для всех звуков нашего языка в русском алфавите существуют особые буквы: так, один и тот же согласный звук (мягкое долгое *ш* или звукосочетание *шч*) мы произносим на месте букв *щ* и *сч* в словах *щука*, *счастье*; то же мы произносим на месте букв *щ*, *сч*, *зч* в словах *пильщик*, *разносчик*, *грузчик*. С другой стороны, некоторые буквы нашего алфавита не обозначают никаких звуков: таковы буквы ъ и ь, имеющие в современном русском письме особое назначение (см. §§ 86, 87).

Наука о звуках речи называется ф о н е т и к о й. Раздел фонетики, в котором рассматривается образование звуков, существующих в данном языке, носит название ф и з и о л о г и и з в у к о в р е ч и.

Чтобы разобраться в вопросах правописания и его взаимоотношений с живой устной речью, необходимо усвоить наиболее важные сведения из области физиологии звуков речи.

Звуки речи образуются при прохождении воздушной струи, выдыхаемой легкими, через полость рта и, в некоторых

случаях, также через полость носа. В полости рта воздушная струя либо не встречает никаких препятствий, либо встречает более или менее значительные препятствия, вызываемые тесным сближением или смыканием таких органов, как язык и нёбо, язык и зубы, нижняя губа и верхняя, нижняя губа и верхние зубы. Во всех этих случаях, вследствие трения воздушной струи о края сближенных или сомкнутых органов речи или вследствие разрыва сомкнутых органов речи, получается шум. К этому шуму может примешиваться голос, получающийся тогда, когда идущий из легких воздух вызывает дрожание голосовых связок в гортани. При этом голос может преобладать над шумом либо шум может преобладать над голосом. Звуки, образуемые при отсутствии препятствий для выходящей из дыхательного горла воздушной струи, называются **гласными**. Звуки, образуемые путем преодоления воздушной струей какого-либо препятствия в виде сближенных или сомкнутых органов речи, называются **согласными**.

§ 4. В русском языке гласных звуков значительно меньше, чем согласных. Наиболее отчетливо гласные звуки произносятся в ударяемых слогах. В таком положении различаются следующие гласные звуки: *а*, *о*, *э*, *и*, *ы*, *у*.

Все гласные звуки могут быть разбиты на группы в зависимости от положения и взаимодействия органов речи, участвующих в их образовании. Так, при образовании одних гласных звуков губы вытягиваются вперед и округляются Такие гласные называются **лабиализованными** („огубленными"). При образовании других гласных губы не вытягиваются вперед и не округляются. Это гласные **нелабиализованные** („неогубленные"). К первым принадлежат гласные *у* и *о*, ко вторым — все остальные гласные. Далее, при образовании гласных звуков язык поднимается к нёбу то выше, то ниже. Различают три степени поднятия языка: верхний подъем, средний подъем и нижний подъем. К гласным **верхнего** подъема принадлежат *и*, *у*, *ы*, к гласным **среднего** подъема — *э*, *о*, к гласным **нижнего** подъема — *а*[1]. Независимо от степени поднятия, язык, поднимаясь, может приближаться то к передней, то к средней, то к задней части нёба; при этом поднимается соответственно то передняя, то средняя, то задняя часть языка. В связи с этим различают звуки переднего, среднего и заднего ряда. К первой группе принадлежат гласные *и*, *э*, ко второй — *ы*, *а*, к третьей — *у*, *о*. Как видно из сказанного, гласные заднего ряда являются вместе с тем и лабиализованными.

[1] Гласные звуки *у*, *э*, *о*, *а* обозначаются на письме как этими буквами, так, в определенных условиях, и буквами *ю*, *е*, *ё*, *я* (см. § 21).

Изложенную классификацию гласных звуков русского языка можно для наглядности представить в виде таблицы 1.

Таблица 1

Подъем	Ряд		
	передний	средний	задний
	(нелабиализованные гласные)		(лабиализованные гласные)
Верхний	и	ы	у
Средний	е		о
Нижний		а	

§ 5. Согласные звуки русского языка также могут быть разбиты на группы. Наиболее важными основаниями для группировки согласных являются: 1) место образования, 2) способ образования, 3) участие голоса, 4) твердость и мягкость.

1. По месту образования все согласные звуки русского языка делятся на две большие группы: а) губные — звуки, в образовании которых принимают участие нижняя и верхняя губы (например, *б*, *м*) или нижняя губа и верхние зубы (например, *в*); б) язычные — звуки, в образовании которых активное участие принимает язык, взаимодействующий при этом то с передней, то со средней, то с задней частью нёба; в зависимости от этого язычные согласные звуки делятся на переднеязычные (например, *д*, *ж*), среднеязычные (например, звук „йот", звук *к* в слогах *ке*, *ки*, ср. *руке*, *кислый*) и заднеязычные (например, *к* в слогах *ка*, *ку*, ср. *капля*, *куча*). (Об обозначении на письме звука „йот" см. § 22.)

Примечание. Среднеязычный согласный „йот" произносится в таких словах, как *мой*, *край* (на конце), а также в таких, как *моя*, *моё*, *края*, *краёв* и т. п., где он образует слог вместе с последующим гласным звуком. Слог, состоящий из „йота" и гласного звука, обозначается в русском письме одной буквой (в приведенных примерах — буквами *я*, *ё*). Звук „йот" в конце слога (например, в словах *мой*, *спокой-но*) и в начале неударяемого слога (например, в словах *мо-ет*, *ю-ла*) близок по произношению к гласному *и*, не образующему слога („*и* неслоговое"). Ввиду этого „*и* неслоговое" рассматривается в этой книге как „йот".

2. По способу образования согласные звуки русского языка делятся на две большие группы: а) смычные — звуки, при образовании которых два органа речи сперва плотно смыкаются (нижняя и верхняя губы, кончик языка и переднее нёбо и др.), а затем, под напором воздушной волны, размыкаются (например, *б*, *д*, *л*); б) фрикативные — звуки, при образовании которых взаимодействующие органы речи лишь сближены друг с другом и воздушная струя, проходя с некоторым затруднением через узкую щель, трется о сближенные органы речи (например, *в*, *ш*, *х*). Более сложным способом образуются согласные звуки *ц* и *ч*: сомкнутые органы речи размыкаются недостаточно быстро; после размыкания между ними на некоторое время образуется щель, как при фрикативных согласных, и происходит трение воздуха о сближенные органы речи. Эти согласные носят название слитных звуков, или аффрикат.

3. По участию голоса все согласные звуки русского языка делятся на две большие группы: 1) образуемые с участием голоса и шума, причем голос преобладает над шумом; такие согласные называются сонорными (*м*, *н*, *л*, *р*, „йот"); 2) образуемые без участия голоса или с участием голоса, но с преобладанием шума над голосом; такие согласные называются шумными. Согласные шумные в свою очередь распадаются на две подгруппы: а) образуемые без участия голоса — глухие (*к*, *п*, *ш* и т. п.), б) образуемые с участием голоса — звонкие (*г*, *б*, *ж* и т. п.).

4. Мягкость согласных является результатом того, что при образовании звука к деятельности органов речи, описанной выше, присоединяется еще один дополнительный прием: средняя часть языка поднимается к средней части нёба. Так образуются, например, согласные звуки в конце слов *моль* (ср. *мол*), *брать* (ср. *брат*), *весь* (ср. *вес*) и т. п. Такие согласные называются мягкими. Согласные, при образовании которых язык не поднимается средней своей частью к средней части нёба, называются твердыми. В русском языке много таких согласных, которые различаются только тем, что одни из них твердые, а другие мягкие. Это значит, что они принадлежат соответственно к одной и той же группе по месту и способу образования, а также по участию голоса, но различаются в отношении твердости и мягкости. Таковы, например, конечные согласные в словах *цел* и *цель*, *удар* и *ударь*, *кров* и *кровь*, согласные внутри слов *банка* и *банька*, *уголки* и *угольки*, *редко* и *редька*.

Изложенная классификация согласных звуков русского языка представлена в таблице 2.

Таблица 2

Способ образования	Место образования					
	губные		язычные			
			переднеязычные			
	губно-губные	губно-зубные	зубные	нёбно-зубные	средне-язычные	задне-язычные
Смычные	п б п' б' м м'		т д т' д' н н' л л'	р р'	к' г'	к г
Фрикативные		ф в ф' в'	с з с' з'	ш ж ш'[1] ж'[2]	х' „йот"	х
Аффрикаты			ц	ч		

КРАТКИЙ ОЧЕРК СИСТЕМЫ ЗВУКОВ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

§ 6. Если вслушаться в нашу речь, то нетрудно заметить, что многие существующие в нашем языке звуки произносятся не в любых положениях, а ограничены теми или иными фонетическими условиями. Условия эти не одинаковы для гласных и согласных звуков. Для гласных звуков имеют значение ударяемость или неударяемость слога, в котором они находятся (а при нахождении в неударяемом слоге — степень отдаленности от ударяемого слога), твердость или мягкость соседнего согласного звука и некоторые другие условия. Так, если от слова *во́лос*, в первом слоге которого под ударением произносится гласный *о*, образовать родительный падеж множественного числа, то в том же слоге, который здесь оказывается первым предударным *(воло́с)*, мы услышим гласный *а*. Если от того же слова образовать уменьшительное существительное *(волосо́к)*, то в первом же слоге, который здесь оказывается вторым предударным, мы услышим гласный звук, средний между *ы* и *а*. Такой же звук мы услышим в том же

[1] Имеется в виду долгое мягкое *ш*, произносимое многими в словах *щука*, *роща*, *плащ* и т. п.

[2] Имеется в виду долгое мягкое *ж*, произносимое многими в словах *вожжи*, *визжать*, *дождик* и т. п. на месте буквосочетаний *жж*, *зж*, *жд*.

слоге, если последний окажется в положении послеударного (*за́ волосы*). В результате наблюдений подобного рода мы придем к выводу, что гласный звук *о* в литературном языке, как правило, произносится только в ударяемых слогах, в слогах же неударяемых заменяется другими гласными звуками.

Такого же рода ограничения условий произношения можно наблюдать и относительно многих согласных звуков. Так, звонкие согласные (*б*, *з*, *г* и др.) произносятся только тогда, когда за ними непосредственно следуют гласные, звонкие или сонорные согласные: *глаза*, *глазной* (произносится *з*), но *глазки* (произносится *с*); *подотчетный*, *подвластный*, *подручный* (произносится *д*), но *подпольный*, *подкожный* (произносится *т*).

В результате существования таких ограничений получается, что в одних и тех же морфологических частях слова, в зависимости от тех фонетических условий, в которых они оказываются, на одном и том же месте часто произносятся различные гласные и различные согласные звуки.

В основе этого явления лежат определенные закономерности, свойственные современному литературному русскому языку и известные из опыта всем говорящим по-русски; замена одних звуков другими не нарушает смыслового единства слов и их составных частей, разнящихся частично друг от друга по своему звуковому составу. Так, каждый знающий русский язык нисколько не сомневается в том, что *стол* и *столы* — это разные формы одного и того же слова, хотя в первом произносится *о*, а во втором *а*, но что *столы* и *стал* — разные слова, ничего общего по значению не имеющие, хотя в обоих произносится звук *а*; также ясно, что *плоды* и *плод* — разные формы одного и того же слова, (хотя в первом произносится *д*, а во втором *т*), а *плоты* — другое слово, ничего общего с первыми двумя не имеющее.

Такие закономерные замены одних звуков другими в одинаковых морфемах, которые вызываются фонетическим положением звука в речи, называются позиционными чередованиями. На основании приведенных выше примеров можно сделать вывод, что в современном литературном русском языке существуют позиционные чередования гласных *о* (под ударением) — *а* (в первом предударном слоге) — звук, средний между *ы* и *а* (в других неударяемых слогах), чередования звонкого *д* (перед гласным, перед сонорным и перед звонким согласным) с глухим *т* (во всех других положениях).

Позиционные чередования гласных и согласных образуют систему звуков, характеризующую фонетический строй современного литературного русского языка.

Система гласных звуков. Общие замечания

§ 7. Качественные различия гласных звуков в одних и тех же морфологических частях слова зависят главным образом от ударяемости и неударяемости слога, в котором находится гласный звук, и от характера согласного звука, непосредственно предшествующего или следующего за гласным. Кроме того, на качество гласного звука оказывают влияние некоторые дополнительные факторы, о которых будет сказано далее.

Для систематического обзора рассмотрим гласные звуки в такой последовательности: 1) не после мягких согласных, твердых шипящих и *ц*: а) в ударяемом слоге, б) в первом предударном слоге, в) в остальных неударяемых (предударных, послеударных) слогах; 2) после мягких согласных: а) в ударяемом слоге, б) в первом предударном слоге, в) в остальных неударяемых слогах; 3) после твердых шипящих и *ц*: а) в ударяемом слоге, б) в первом предударном слоге, в) в остальных неударяемых слогах[1].

Гласные звуки не после мягких согласных, не после твердых шипящих и *ц*

§ 8. В положении не после мягких согласных, не после твердых шипящих и *ц* могут произноситься следующие гласные звуки:

1. В ударяемом слоге: 1) *а*: *сад, пла́та, а́ист, а́дрес*; 2) *о*: *ход, стро́ить, о́стрый*; 3) *э*: *э́тот, э́кий, э́хо* (также в немногих заимствованных словах: *поэ́т, э́ра, э́тика, пате́тика, диаде́ма*; 4) *и* (только в начале слога): *и́гры, и́щем*; 5) *ы* (только после согласного): *сы́пать, мыть, гры́зть*; 6) *у*: *груз, круг, у́чит*.

2. В первом предударном слоге: 1) *а* на месте ударяемых *а* и *о*: *сады́, плати́ть, ходи́ть* (произносится „хади́ть“), *строи́тель* (произносится „страйтель“), *остри́ть* (произносится „астри́ть“); 2) *э*: *поэти́ческий, эта́ж, деко́рум* (произносится „дэко́рум“), *дема́рш* (произносится „дэма́рш“); 3) *и* (только в начале слога): *игра́, ищу́*; 4) *ы* (только после согласного): *посыпа́ть, мытьё, грызу́*; 5) *у*: *грузи́ть, круи́, учи́ть*.

3. В остальных неударяемых слогах: 1) гласный звук, средний между *ы* и *а* (условно обозначаемый буквой ъ), — на месте ударяемых *а* и *о*, которым предшествует согласный звук: *садово́д* (первый слог произносится как „съ“), *ходово́й*

---

[1] В данном обзоре не рассматривается влияние на качество гласных характера согласного звука, непосредственно следующего за гласным, так как оно не отражается на письменном обозначении звука.

(первый слог произносится как „хъ“), *выплатить* (второй слог произносится как „плъ“), *выстроить* (второй слог произносится как „стръ“); если гласный начинает собой слог, то он в данном положении произносится как *а*: *адреса́, аистёнок, остроу́мный, переосмысля́ть* (в начальном слоге трех первых слов и в третьем слоге последнего слова произносится гласный *а*); 2) э: *этажи́, опоэтизи́ровать, девальва́ция* (в первом слоге последнего слова произносится „дэ“); 3) *и* (только в начале слога): *игроки́, вы́-игрыш, вы́-ищем*; 4) *ы* (только после согласных): *мылова́р, грызуны́, на́сыпь*; 5) *у*: *грузово́й, вы́грузить, учени́к, вы́учить*.

Гласные звуки после мягких согласных

§ 9. В положении после мягких согласных, в число которых входит также „йот“, могут произноситься следующие гласные звуки:

1. В ударяемом слоге: 1) *а*: *пля́ска, пло́щадка, я́сный*; 2) *о*: *увёл, чёрный, ёлка;* 3) э: *те́сный, е́здить*; 4) *и*: *пить, пи́сьма, чист;* 5) *у*: *лю́ди, чу́до, ю́ный*.

2. В первом предударном слоге: 1) гласный, средний между *и* и э (условно обозначаемый буквой ь), — на месте *а, о* и э: *пляса́ть* (первый слог произносится как „пль“), *площадно́й* (второй слог произносится как „щьд“), *ясне́е* (первый слог произносится как „йьс’“), *тесне́е* (первый слог произносится как „т’ьс’“), *езда́* (первый слог произносится как „йьз“); 2) *и*: *питьё, письмо́, чиста́*; 3) *у*: *люде́й* (первый слог произносится как „л’у“), *чуде́с* (первый слог произносится как „ч’у“), *юнцы́* (первый слог произносится как „йун“).

3. В остальных неударяемых слогах: 1) гласный, средний между *и* и э (обозначаемый буквой ь), — на месте *а, о* и э: *плясово́й, вы́плясать, пло́щадь, ясновидя́щий, вы́яснить, теснота́, вы́теснить, ездово́й, вы́ездить*; 2) *и: питьево́й, вы́пить, письмена́, вы́пись, чистота́, вы́чистить*; 3) *у*: *людое́д, чудеса́*.

Примечание. Наряду с описанным произношением гласных на месте *а, о* и э в неударяемых слогах в литературном языке наблюдается также произношение в этом положении гласного, почти совпадающего с *и* („плиса́ть“, „тиснота“, „йизда“ и т. п.).

Гласные звуки после твердых шипящих и после *ц*

§ 10. В положении после твердых шипящих (*ж* и *ш*) и после *ц* могут произноситься следующие гласные:

1. В ударяемом слоге: 1) *а*: *жар, ша́пка, шаг, царь*; 2) *о*: *жёлтый, жёлоб, шёлк, цо́кот*; 3) э: *жесть, шерсть, це́лый*; 4) *ы*: *жив, ширь, цирк, ци́фра*; 5) *у*: *жу́лик, шум, цу́гом*.

2. В первом предударном слоге: 1) на месте *а* — после *ж* и *ш* произносится гласный *ы*, склонный к *э*, либо *а*: *жара́* (первый слог одни произносят как „жы[э]“, другие — как „жа“), *шаги́* (первый слог одни произносят как „шы[э]“, другие— как „ша“); после *ц* — гласный *а*: *цари́* (первый слог всеми произносится как „ца“); 2) на месте *о* — после *ж* и *ш* гласный, средний между *ы* и *э*: *желте́ть* (первый слог произносится как „жы[э]л“), *шелка́* (первый слог произносится как „шы[э]л“)[1]; 3) *ы*: *жива́* (первый слог произносится как „жы“), *широ́кий* (первый слог произносится как „шы“), *цифи́рь* (первый слог произносится как „цы“); 4) *у*: *жулье*, *шуме́ть* (в первых слогах этих слов произносится гласный *у*)[2].

3. В остальных предударных слогах: 1) после *ж* и *ш* на месте *а*, *о*, *э* — гласный, средний между *ы* и *э*: *жаркова́то* (первый слог произносится как „жы[э]р“), *шарови́дный* (первый слог произносится как „шы[э]“), *шерстяно́й* (первый слог произносится как „шы[э]р“); после *ц* — на месте *а*, *о*, *э* — гласный, средний между *ы* и *а* (обозначаемый буквой *ъ*): *царедво́рец*, *цокота́ть*, *целико́м* (во всех этих словах первый слог произносится как „цъ“); 2) *ы*: *животво́рный*, *широко́*, *цифрово́й*, *по́жил*, *ду́шит*, *па́льцы* (произносятся слоги „жы“, „шы“, „цы“); 3) *у*: *жуликова́тый*, *шумово́й* (произносятся слоги „жу“, „шу“)[3].

Выводы о системе гласных звуков

§ 11. Из сделанного обзора гласных звуков, произносимых в различных фонетических условиях, можно сделать следующие выводы:

1. Больше всего гласных звуков может произноситься в ударяемом слоге. В этом положении возможны гласные *а*, *о*, *э*, *и*, *ы*, *у*. Следует отметить, что гласный *и* при этом возможен только в слоге, не начинающемся твердым согласным звуком, гласный *ы* — только после твердого согласного. Таким образом, смысловая различаемость слов, в которых звуковой состав целиком, за исключением одного гласного звука, совпадает, является наибольшей в тех слу-

---

[1] Таких слов, в которых ударяемый слог *цо* мог бы оказаться в положении первого предударного, не встречается.

[2] Таких слов, в которых ударяемый слог *цу* мог бы оказаться в положении первого предударного, не встречается.

[3] Такие слова, в которых ударяемый слог *цу* мог бы оказаться в положении второго, третьего и т. п. перед ударением или в положении послеударного, встречаются крайне редко (ср. приводимое в „Толковом словаре русского языка“ под ред. Д. Н. Ушакова слово *цугово́й*, прилаг. к *цуг*).

чаях, когда этот смыслоразличающий гласный находится в ударяемом слоге.

2. Неударяемость слога является условием, ограничивающим в той или иной мере возможность произношения в них определенных гласных (*а*, *о*, *э*).

3. При неударяемости слога мягкость согласного, предшествующего гласному, в некоторых случаях также является фактором, ограничивающим возможность употребления тех или иных гласных. Такую же роль играют твердые шипящие и *ц*. Так, после мягких согласных и после твердых шипящих *ж*, *ш* в неударяемых слогах возможно произнесение только четырех гласных звуков (см. § 10).

Примеры, показывающие степень смысловой различаемости слов в связи с изменением фонетических условий, в которых находятся гласные звуки:

После твердого согласного:
- *вол* (произносится *о*) — *вал* (произносится *а*)
- *волы́* (произносится *а*) — *валы́* (произносится *а*)

После мягкого согласного:
- *свят* (произносится *а*) — *свет* (произносится *э*)
- *посвяти́ть* (произносится *ь*) — *посвети́ть* (произносится *ь*)
- *часть* (произносится *а*) — *честь* (произносится *э*)
- *части́ть* (произносится *ь*) — *чести́ть* (произносится *ь*)
- *смёл* (глагол; произносится *о*) — *смел* (кр. прилаг.; произносится *э*)
- *смела́* (глагол; произносится *ь*) — *смела́* (кр. прилаг.; произносится *ь*)

Система согласных звуков. Общие замечания

§ 12. Согласные звуки русского языка, подобно гласным звукам, также ограничены в отношении возможности их употребления известными фонетическими условиями. К числу таких условий относятся: соседство согласного со следующим за ним гласным, качество следующего за согласным другого согласного звука, наличие или отсутствие после согласного паузы.

Перед гласными звуками могут произноситься почти все согласные звуки. (О немногих случаях невозможности сочетания некоторых согласных с некоторыми гласными см. § 15.) Точно так же все согласные звуки могут произноситься

перед всеми сонорными согласными, а также перед *в*. Следовательно, в указанных положениях смысловая различаемость слов, в которых звуковой состав, за исключением одного согласного звука, полностью совпадает, является наибольшей. Ср. *бал — вал — дал — жал — зал — мал — пал; бор — вор — гор — мор — нор — сор — хор — шор; жечь — лечь — печь — речь — сечь — течь; был — выл — мыл — ныл — пыл — рыл — тыл; бил — вил — мил — пил — сил — хил; бук — жук — лук — мук — пук — рук — сук — тук — щук* и т. п. Ср. также *гну — жну — мну; брать — врать — драть — жрать; бью — вью — лью — пью — чью — шью; двоих — твоих — своих* и т. п.

Невозможность произношения некоторых согласных звуков в определенных фонетических условиях (см. § 15) приводит к тому, что одни согласные звуки заменяются в таких случаях другими согласными в соответствии с установившимися в языке закономерностями. Таким образом, в области согласных также существуют позиционные чередования звуков в одних и тех же морфемах.

Позиционные чередования звонких и глухих согласных

§ 13. Все согласные звуки русского языка в отношении звонкости и глухости могут быть разделены на две группы. В одну группу входят все звонкие и те глухие согласные, которые образуют звуковые пары с соответствующими им звонкими. Согласные, образующие звуковую пару, одинаковы по месту и способу образования, а также с точки зрения твердости и мягкости и различаются только тем, что один из них образуется без участия голоса (глухой), а другой с участием голоса (звонкий). Таковы, например, начальные звуки в словах *балка — палка (б-п), гора — кора (г-к), жар — шар (ж-ш), день — тень (д'-т')*, начальные звуки второго слога в словах *коза — коса (з-с), забор — запор (б-п), сгинуть — скинуть (г'-к')*.

В другую группу входят те глухие согласные, которые соответствующих звонких не имеют и, следовательно, в звуковые пары не входят. Это согласные *х, ц, ч*. Также не входят в звуковые пары сонорные согласные, так как не имеют соответствующих глухих. Это согласные *м* и *м'*, *н* и *н'*, *р* и *р'*, *л* и *л'* и звук „йот“.

Перед гласными звуками, перед сонорными и перед *в*, как уже сказано выше, возможны как звонкие, так и глухие согласные звуки. Непосредственно перед звонкими согласными (кроме *в*) возможны только звонкие согласные. Поэтому в тех случаях, когда согласный глухой оказывается

непосредственно перед звонким, он заменяется соответствующим звонким: *просьба* (ср. *просить*) — мягкое глухое *с* перед звонким *б* заменяется в произношении мягким звонким *з*; *молотьба* (ср. *молотить*) — мягкое глухое *т* перед звонким *б* заменяется в произношении мягким звонким *д*; *отгрыз* (ср. *откусил*) — глухое *т* перед звонким *г* заменяется в произношении звонким *д*. Непосредственно перед глухими согласными, а также в конце слова перед паузой возможны только глухие согласные. Поэтому в тех случаях, когда согласный звонкий оказывается непосредственно перед глухим или в конце слова перед паузой, он заменяется соответствующим глухим: *рыбка* (ср. *рыба*) — звонкое *б* перед глухим *к* заменяется в произношении глухим *п*; *травка* (ср. *трава*) — звонкое *в* перед глухим *к* заменяется в произношении глухим *ф*; *подпустить* (ср. *подбросить*) — звонкое *д* перед глухим *п* заменяется в произношении глухим *т*; *нож* (ср. *ножи*) — звонкое *ж* в конце слова перед паузой заменяется глухим *ш*.

Примечание. Сонорные согласные (кроме „йота") также могут произноситься без голоса в некоторых положениях, а именно: 1) в конце слова после глухого согласного, если далее следует пауза: *лохм*, *песнь*, *вопль*, *театр*, *внутрь* (конечные согласные произносятся здесь без голоса); 2) перед глухими согласными того же слога: *мхи*, *ртом*. Сонорный согласный „йот", хотя и может оказаться в положении, указанном в п. 2 (*рейс*), тем не менее всегда произносится с голосом.

Указанные чередования согласных звонких и глухих приводят к тому, что в известных фонетических условиях становится невозможной смысловая различаемость слов, в которых звуковой состав, кроме одного согласного звука, совпадает, например: *прядки* (ср. *пряди*) — *прятки* (ср. *прятать*), *пруд* (ср. *пруды*) — *прут* (ср. *прутья*), *изморозь* — (ср. *морозить*) — *изморось* (ср. *моросить*), *луг* (ср. *лугом*) — *лук* (ср. *луком*).

Позиционные чередования твердых и мягких согласных

§ 14. В отношении твердости и мягкости все согласные звуки русского языка делятся на две группы: 1) одни из них являются парными по твердости и мягкости, т. е. образуют звуковые пары, внутри которых звуки одинаковы по месту и способу образования, а также по участию голоса, но различаются тем, что один имеет дополнительный признак — мягкость (см. § 5), а другой этого признака не имеет; 2) остальные звуки, являясь одни твердыми, а другие мягкими, соответствующих парных в отношении данного признака не имеют. Примеры согласных первой группы: *л*—*л'* (*мел*—*мель*), *н*—*н'* (*стан*—*стань*), *м*—*м'* (*мал*—*мял*), *п*—*п'* (*пыл*—*пил*).

Примеры согласных второй группы: твердые, не имеющие парных мягких, — *ж* (*жар*, *жесть*, *жир*), *ш* (*шелк*, *шум*), *ц* (*цепь*, *цирк*); мягкие, не имеющие парных твердых, — „йот" (*яма*, *юный*, *своя*, *твоё*), *ч* (*речь*, *чай*, *лучи*). Некоторые согласные образуют пары по твердости и мягкости, однако ограничены при этом определенным положением в слове: так, например, к твердым *г*, *к*, *х* имеются соответствующие мягкие согласные (*г'*, *к'*, *х'*), но последние возможны только в сочетании с гласными *э* и *и* (*гений*, *ноге*, *гибель*, *беги*, *кем*, *руке*, *кинуть*, *пеки*, *сохе*, *хитрый*). Есть в литературном языке также мягкие *ж* и *ш*, но они всегда при этом обладают еще одним качеством — долготой, вследствие чего не образуют пар с твердыми *ж* и *ш*. Мягкие долгие *ж* и *ш* можно услышать в словах *вожжи*, *брюзжать*, *щука*, *считать* и т. п. Впрочем, в последнее время в литературном языке широко распространилось вместо *ж* и *ш* долгих мягких произношение звукосочетаний *ж'д'* („дож'д'ик") и *ж* долгого твердого („вожжы"), а также *ш'ч'* („ш'ч'ука").

§ 15. Рассмотрим, в каких фонетических условиях возможны те или иные твердые и мягкие согласные звуки.

1. Перед гласными *а*, *о*, *у* возможны все согласные звуки, как твердые, так и мягкие.

2. Перед гласным *э* возможны: 1) все согласные, непарные по твердости и мягкости: *женский*, *шерсть*, *ценный*, *есть* (в последнем слове *е* обозначает слог, состоящий из „йота" и гласного *э*), *позже* (*зж* может произноситься в этом слове как мягкое долгое *ж*), *щепка*, *резче* (*щ*, *зч* могут произноситься в этих словах как мягкое долгое *ш*); 2) мягкие *г*, *к*, *х* (*гетман*, *кедр*, *сохе*); 3) из числа парных по твердости и мягкости — как твердые, так и мягкие — только в словах, ранее заимствованных из других языков: *тема*—*темп* (в первом *т* мягкое, во втором *т* твердое), *деспот*—*дельта* (в первом *д* мягкое, во втором *д* твердое); только мягкие—в исконно русских словах: *берег*, *деньги*, *медлить*, *предки*.

3. Перед гласным *и* возможны только мягкие согласные, а перед гласным *ы* — только твердые: *вил*, *гибель*, *вози*, *кислый*, *коли*, *мил*, *носи*, *хищный*, *чиж*, *щит*, но: *выл*, *возы*, *колы*, *мыл*, *носы*, *жизнь* (произносится „жы"), *шип* (произносится „шы"), *цифра*, *концы* (в обоих словах произносится „цы").

4. В конце слога возможны: 1) как твердые, так и мягкие согласные из числа парных по твердости и мягкости: *был*—*быль*, *вес*—*весь*, *съем*—*семь*, *пуст*—*пусть*, *вер-теть*—*верь-те*, 2) только твердые *г*, *к*, *х*: *порог*, *ляг-те*, *песок*, *пастух*.

5. Перед заднеязычными и губными согласными возможны как твердые, так и мягкие согласные из числа парных по твердости и мягкости: *тонко—Тонька, горка—горько, призма—Вязьма, столбы—мольбы*. Твердое и мягкое *л* возможны перед всеми согласными, как твердыми, так и мягкими: *полка—полька, полтина—пальто, молчать—мальчик, полшага—Польша*.

6. В некоторых фонетических положениях твердые согласные из числа имеющих парные мягкие не произносятся и заменяются соответствующими мягкими согласными, в связи с чем установилось чередование некоторых согласных, а именно: 1) перед мягкими губными твердые губные, зубные и нёбно-зубные (кроме *л*) заменяются соответствующими мягкими: *бомба* (перед твердым *б—м* твердое)—*бомбить* (перед мягким *б—м* мягкое), *ботва* (перед твердым *в—т* твердое)—*ботвинья* (перед мягким *в—т* мягкое), *стравил* (перед твердым *т—с* твердое)—*стянул* (перед мягким *т—с* мягкое); 2) перед мягкими зубными твердые зубные заменяются соответствующими мягкими: *красный* (перед твердым *н—с* твердое)—*красненький* (перед мягким *н—с* мягкое), *поезд* (перед твердым *д—з* твердое)—*в поезде* (перед мягким *д—з* мягкое), *смертный* (перед твердым *т—р* твердое)—*смерть* (перед мягким *т—р* мягкое); 3) перед „йотом" твердые заменяются соответствующими мягкими (это чаще всего можно наблюдать в приставках): *сдал* (*с* твердое)—*съел* (*с* мягкое), *обломал* (*б* твердое)—*объявил* (*б* мягкое); то же в словах *листья* (ср. *лист*), *деревья* (ср. *дерево*); 4) перед *ч* и *щ* твердое *н* заменяется соответствующим мягким: *коленчатый* (с *н* мягким—ср. *колено*), *бубенчик* (с *н* мягким—ср. *бубен*), *женщина* (с *н* мягким—ср. *жена*), *корзинщик* (с *н* мягким—ср. *корзина*).

Следует, однако, иметь в виду, что указанные здесь чередования согласных в настоящее время наблюдаются лишь у носителей так называемого старого московского произношения. У многих эти чередования имеют место лишь частично, а у довольно большого числа лиц вовсе отсутствуют: мы то и дело слышим твердые согласные в таких словах, как *бомбить* (твердое *м*), *ботвинья* (твердое *т*), *две* (твердое *д*), *снег* (твердое *с*), *смерть* (твердые *с* и *р*), *коленчатый* (твердое *н*), *женщина* (твердое *н*). Единственно, что соблюдается всеми,— это замена твердых зубных и нёбно-зубных соответствующими мягкими перед „йотом", т. е. произношение таких слов, как *битье, вранье, платье, варенье, ободья, прутья, каменья, полозья, колосья* и т. п. с мягкими *д, т, н, з, с* (наряду с твердыми согласными *б, п, м, с* перед „йотом"

в таких словах, как *дубье, тряпье, съел, объявил, зубья, струпья, комья*).

Из всего сказанного следует, что смысловая различаемость слов на основании твердости и мягкости согласных возможна лишь в тех случаях, когда эти согласные принадлежат к числу парных по данному признаку и находятся в таком положении, когда твердые согласные не заменяются соответствующими мягкими (мягкие согласные твердыми никогда не заменяются).

Двойные согласные звуки

§ 16. Кроме долгих мягких согласных, о которых говорилось выше (*ж*, *ш*), в русском литературном языке встречаются и другие долгие согласные звуки (не только мягкие, но и твердые). Это, во-первых, долгое *с* в слове *ссора*. Далее, это долгие согласные в заимствованных словах, в частности в некоторых именах собственных, например: *ванна, гамма, миссия, месса, Анна, Васса*. Наконец, это долгие согласные, образующиеся в определенных случаях на стыке грамматических составных частей слова, например: *ссыпать* — в результате слияния приставки *с* с начальным *с* корня; *сшить*—приставка *с* при слиянии с начальным *ш* корня уподобляется этому согласному, в результате чего получается долгий согласный *ш*; *отцепить* — при слиянии согласного *т* приставки с начальным *ц* корня получается долгий согласный *ц*. То же происходит и при слиянии суффиксов с корнями, например: *конный* (в результате слияния конечного *н* корня с суффиксом *н* получается долгий твердый согласный *н*); *спасся* (в результате слияния конечного *с* корня с согласным *с* возвратной частицы получается долгий согласный *с*). Долгие согласные произносятся нередко в середине некоторых слов, когда в непосредственном соседстве оказываются согласные *тц, дц*, например: *отцы, братцы, молодцы, колодцы, двадцать*.

Примечание. В немногих словах сочетания конечных *з* и *с* корня и *с* суффикса, состоящего из сочетания согласных, произносятся как *с* без долготы, например: *французский, русский, яузский, искусство*. Вообще же в подобных образованиях произносится долгое *с*, например: *андалузский, фризский, эльзасский, арзамасский, миусский*.

Не следует ли рассматривать долгие согласные звуки, о которых здесь идет речь, как единые звуки, подобные долгим мягким согласным *ж* и *ш* в словах *вожжи, щука* и т. п.?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо рассмотреть слова, содержащие в себе долгие согласные, по установленным выше типам:

1. Слово *ссора* представляет собой в русском литературном языке едва ли не единичное явление, и поэтому его можно не принимать вовсе во внимание[1].

2. Наличие долгих согласных в части заимствованных слов также не может служить основанием для признания типичности этого явления для русского языка. Это подтверждается весьма убедительно тем фактом, что круг заимствованных слов, сохраняющих в произношении долгие твердые согласные, по мере освоения их русским языком все более и более суживается; ср. такие, еще недавно произносившиеся с долгими согласными, слова, как *аппетит*, *оперетта*, *перрон*, *профессор*, *режиссер*, *грамматика* и т. п., в настоящее время заметно утрачивающие долготу согласных.

3. В тех случаях, когда долгота твердого согласного является результатом слияния двух согласных, мы имеем дело с долготой лишь с точки зрения физиологической (т. е. образования звука органами речи) и акустической (т. е. восприятия звука нашим слухом), но не с точки зрения роли звука как различителя значения слова: с этой стороны мы осознаем в слове не один звук, а два, или, точнее, двойной звук, части которого принадлежат к различным грамматическим составным частям слова: приставке и корню, корню и суффиксу и т. п.

Слитные звуки из сочетаний согласных на стыке морфологических частей слов

§ 17. На стыке приставки и корня, корня и суффикса могут, при слиянии в произношении некоторых согласных звуков, получаться слитные звуки: глухое *ц* (твердое и мягкое) и звонкое *д͡з* (твердое и мягкое).

Так, если приставка оканчивается согласным *т* или *д*, а корень начинается твердым *с*, то в сочетаниях *т* + *с* и *д* + *с* на месте *т* и *д* произносится твердый согласный *ц*, например: *от+сыпать*, *под+садить* произносятся „оцсыпать“, „поцсадить“. Если такие же приставки прибавляются к корням, начинающимся мягким *с*, то на месте *т* и *д* может произноситься мягкий согласный *ц*, например: *от+сечь*, *под+сечь*

[1] В последнее время в русском литературном языке распространяется произношение долгого твердого согласного *ж* в таких словах, как *вожжи*, *визжать* и т. п. С этим фактом приходится считаться, поэтому можно к слову *ссора* прибавить еще небольшую группу слов с долгим твердым согласным *ж*. Тем не менее явление долготы твердых согласных не на стыке морфологических частей слов в исконно русских словах нельзя признать типичным.

произносятся „оц'сечь", „поц'сечь". Если же приставка присоединяется к корню, начинающемуся твердым или мягким *з*, то конечный согласный приставки изменяется в произношении в согласный *д͡з*, причем перед мягким *з* согласный *д͡з* может произноситься либо твердо, либо мягко, например: *от+звонил*, *под+зуживать* произносятся „од͡ззвонил", „под͡ззуживать"; *от+звенел*, *под+земный* произносятся „од͡ззвенел", „под͡зземный" (*д͡з* может быть и мягким). Если такие же приставки присоединяются к корням, начинающимся согласными *ш*, *ж*, *щ*, то конечный согласный приставки соответственно изменяется в произношении в согласный глухой *ч* или звонкий *д͡ж*, например: *от+шумел*, *под+шил*, *под+считал* произносятся „очшумел", „почшил", „почш'итал"; *от+жил*, *под+жог* произносятся „од͡жжил", „под͡жжог".

Примечание. Наряду с описанным здесь произношением приставочных слов приведенного типа у многих лиц наблюдается сохранение конечного согласного приставки и начального согласного корня, т. е. произношение, близкое к написанию соответствующих слов.

На стыке корня и суффикса сочетание согласных *т+с*, *д+с* дает в произношении *ц*, например: *солдат+ский* произносится „солдацкий", *город+ской* произносится „гороцкой".

Пропуск некоторых согласных в группах согласных

§ 18. В сочетаниях *стн*, *здн* обычно не произносится средний согласный (*т*, *д*), например: *честный*, *местность*, *известно* (произносится „чесный", „месность", „извесно"), *поздно*, *праздник*, *звездный* (произносится „позно", „празник", „звезный").

В сочетании *стл* в некоторых словах не произносится *т*, например: *счастливый*, *участливый*, *завистливый* (произносится „счасливый", „учасливый", „зависливый").

Обычно не произносятся: первый согласный *в* в словах *здравствовать*, *чувствовать* и производных от них, согласный *л* в слове *солнце*, согласный *д* в слове *сердце*.

РУССКАЯ ГРАФИКА В ЕЕ ОТНОШЕНИИ К СИСТЕМЕ ЗВУКОВ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Состав алфавита

§ 19. Современный русский алфавит состоит из 33 букв. Каждая буква употребляется в виде прописной (большой) и строчной (малой). Как в своем печатном, так и в рукописном виде

около одной трети прописных букв по рисунку отличается от соответствующих строчных букв, в чем нетрудно убедиться из рассмотрения алфавита.

Буквы русского алфавита

Печатные		Рукописные		Печатные		Рукописные	
прописные	строчные	прописные	строчные	прописные	строчные	прописные	строчные
А	а	*А*	*а*	Р	р	*Р*	*р*
Б	б	*Б*	*б*	С	с	*С*	*с*
В	в	*В*	*в*	Т	т	*Т*	*т*
Г	г	*Г*	*г*	У	у	*У*	*у*
Д	д	*Д*	*д (д)*	Ф	ф	*Ф*	*ф*
Е	е	*Е*	*е*	Х	х	*Х*	*х*
Ё	ё	*Ё*	*ё*	Ц	ц	*Ц*	*ц*
Ж	ж	*Ж*	*ж*	Ч	ч	*Ч*	*ч*
З	з	*З*	*з (з)*	Ш	ш	*Ш*	*ш*
И	и	*И*	*и*	Щ	щ	*Щ*	*щ*
Й	й	*Й*	*й*	Ъ	ъ	*Ъ*	*ъ*
К	к	*К*	*к*	Ы	ы	*Ы*	*ы*
Л	л	*Л*	*л*	Ь	ь	*Ь*	*ь*
М	м	*М*	*м*	Э	э	*Э*	*э*
Н	н	*Н*	*н*	Ю	ю	*Ю*	*ю*
О	о	*О*	*о*	Я	я	*Я*	*я*
П	п	*П*	*п*				

Примечания. 1. Буквы *ъ*, *ы*, *ь* употребляются в прописном виде только в тех случаях, когда слово, содержащее в своем составе такую букву, пишется целиком прописными буквами.

2. Буква ё введена в качестве обязательной для школьной практики в 1943 г. приказом народного комиссара просвещения. Эта буква принята также некоторыми издательствами для специальных видов литературы.

§ 20. Простое количественное сравнение звукового состава русского языка с буквенным составом русского алфавита говорит о том, что букв у нас гораздо меньше, нежели звуков. Это объясняется тем, что не все произносимые в различных фонетических положениях звуки обозначаются особыми буквами. И в самом деле, если бы для каждого произносимого звука имелась в алфавите особая буква, то это означало бы, что все пишущие пользовались бы фонетической транскрипцией, о сложности и трудности которой говорилось выше (§ 2). Но то, что при большом количестве звуков в речи число букв алфавита сравнительно невелико, требует, чтобы взаимоотношение между звуковой системой и графической покоилось на определенном и достаточно разумном принципе.

Несмотря на то, что наша графика имеет почти тысячелетнюю давность и за этот длительный период сравнительно мало подвергалась изменениям, она в силу своих исключительно высоких качеств и в настоящее время вполне удовлетворительно обслуживает наш письменный язык.

Обратимся к рассмотрению того, как звуки современного литературного русского языка обозначаются буквами нашего алфавита.

Обозначение гласных звуков

§ 21. Нам известно (§ 11), что наибольшее количество гласных звуков произносится в ударяемых слогах.

Для обозначения гласных звуков в ударяемых слогах в нашем алфавите имеются следующие буквы:

1. Для звука *а:* а) не после мягких согласных звуков, а также после мягких шипящих (об обозначении на письме мягких долгих шипящих см. § 22) — буква *а: бак, жар, рука́, а́дрес, а́лый, чан, визжа́ть, беспоща́дно;* б) после мягких согласных, кроме мягких шипящих, — буква *я: вя́нуть, дитя́.* В тех случаях, когда звук *а* следует за мягким согласным „йот“, такой слог обозначается буквой *я: я́мы, пья́ный, друзья́.*

2. Для звука *о:* а) не после мягких согласных звуков, а также после мягких шипящих, кроме особых случаев (см. § 33), — буква *о: рот, кусо́к, тепло́, о́сень, зао́чный, обжо́ра, крыжо́вник, книжо́нка, вожжо́й, шов, чо́порный, парчо́й, трущо́ба, плащо́м;* б) после твердых и мягких шипящих в окончаниях глаголов, в суффиксах глаголов и причастий, отглагольных и отпричастных существительных, а также в корнях и суффиксах некоторых других слов — буква *ё:*

бережёшь, *лжёшь*, *затушёвывать*, *напряжённый*, *отягчённый*, *освещённый*, *затушёвывание*, *напряжённость*, *жёлтый*, *жёрнов*, *шёлк*, *чёлн*, *пощёчина*, *дирижёр*, *ретушёр*, *(о) чём*, *нипочём;* в) после мягких согласных из числа парных по твердости и мягкости — буква *ё: вёл*, *нёс*, *утёс*, *всё*. В тех случаях, когда звук *о* следует за мягким согласным „йот", такой слог обозначается буквой *ё: ёлка*, *водоём*, *пьёт*, *бельё*.

3. Для звука *у:* а) не после мягких согласных звуков, а также после мягких шипящих — буква *у: тут*, *жук*, *шум*, *бер́ут*, *ид́у*, *ч́увство*, *визж́у*, *щ́ука;* б) после мягких согласных, кроме мягких шипящих, — буква *ю: тюк*, *р́юмка*, *всю*. В тех случаях, когда звук *у* следует за мягким согласным „йот", такой слог обозначается буквой *ю: ́юбка*, *по́ют*, *лью*.

4. Для звука *э:* а) в начале слога — буква *э: э́тот*, *э́кий*, *э́то*, *э́ра*, *э́тика*, *поэ́т*, *Суэ́ц;* б) после твердых согласных в немногих заимствованных словах—буква *э: пенснэ́*, *мэр* (то же в некоторых иноязычных именах собственных: *Тэн*, *Мадлэ́н* и т. п.); большей же частью в тех случаях, когда согласный в таких словах произносится твердо, гласный *э* обозначается буквой *е: темп*, *де́мпинг*, *Шопе́н*, *Мюссе́;* в) после твердых шипящих и после *ц* — буква *е: жесть*, *шерсть*, *уже́*, *душе́*, *цех*, *овце́;* г) после мягких согласных — буква *е: бе́лый*, *ве́ра*, *де́ло*, *кем*, *лес*, *те́ло*, *честь*, *ще́дрый*. В тех случаях, когда звук *э* следует за мягким согласным „йот", такой слог обозначается буквой *е: ем*, *пое́здка*.

5. Для звука *и* — буква *и: и́ва*, *наи́вно*, *бил*, *си́ла*, *ги́ря*, *поки́ну*, *чи́сто*, *щи*, *соловьи́*, *ручьи́*.

6. Для звука *ы*: а) после твердых согласных звуков, имеющих парные мягкие, — буква *ы: был*, *выл*, *мыл*, *пыл*, *возы́*, *плоды́;* б) после шипящих *ж*, *ш* — буква *и: жир*, *шип*, *ножи́*, *камыши́;* в) после *ц* — в суффиксах — *и*, в окончаниях — *ы: фальсифици́ровать*, *квалифици́ровать; концы́*, *огурцы́*, *овцы́;* в корнях слов после *ц* гласный звук *ы* обозначается в одних словах буквой *ы* (*цы́почки*, *цы́кать*, *цы́бик* и др.), в других — буквой *и* (*цирк*, *цинк*, *ци́фра*).

Для обозначения гласных звуков в неударяемых слогах, могущих стоять под ударением, употребляются те же гласные буквы, что и в соответствующих ударяемых слогах. (О некоторых отступлениях от этого принципа см. § 41.)

Для обозначения гласных звуков, произносимых в слогах неударяемых, не бывающих под ударением, в русском алфавите нет особых букв. Для обозначения таких гласных звуков также используются те буквы, что и для гласных в ударяемых слогах.

Правила обозначения гласных звуков в неударяемых слогах будут рассмотрены в разделе правописания гласных.

Таким образом, для обозначения всех гласных звуков, произносимых во всех фонетических положениях и отличающихся большим разнообразием со стороны физиологической и акустической, наше письмо пользуется десятью буквами: *а, о, э, у, и, ы, я, ё, е, ю*.

Обозначение согласных звуков

§ 22. Для обозначения твердых согласных звуков, парных по звонкости и глухости, в русском алфавите существуют особые буквы для звонких и глухих согласных: *б — п, в — ф, г — к, д — т, ж — ш, з — с*.

1. Для обозначения мягких согласных звуков из числа парных по твердости и мягкости в русском алфавите особых букв нет. Мягкость этих согласных обозначается: 1) на конце слова или внутри слова перед согласным — буквой *ь*: *пыль, пыльца, гирь, гирька, плеть, плетьми*, 2) перед гласными *а, о, э, у* — тем, что эти гласные звуки обозначаются буквами *я, ё, е, ю*.

Примечание. Мягкие согласные звуки могут сочетаться только с гласным звуком *и* (а не с *ы*), что и обозначается написанием буквы *и*.

2. Согласный звук „йот“ обозначается особой буквой *й*: 1) когда им заканчивается слог (в таких случаях „йоту“ всегда предшествует гласный звук): *дай, дайте, лей, лейка, нищий, куйте*, 2) когда им начинается слог — в некоторых словах иноязычного происхождения: *йод, майор, район, фойэ*. Во всех других случаях согласный звук „йот“ вместе со следующим за ним гласным *а, о, э, у* обозначается буквами *я, ё, е, ю*: *яблоко, кальян, ёлка, объём, ехать, поеду, юбка, поют*.

Примечание. Сочетание „йота“ с гласным звуком *и* обозначается на письме двумя буквами *ьи*: *чьи, соловьиный, по-медвежьи, Ильин, Марьин*.

3. Для обозначения долгих согласных, за исключением долгого мягкого *ш*, в русском алфавите особых букв нет. Долгое мягкое *ш* (как и соответствующее ему в произношении многих звукосочетание *ш'ч'*) обозначается в корнях некоторых слов, а также в суффиксах имен существительных и причастий буквой *щ*: *щука, пища, умерщвлять, пильщик, барщина, женщина, лежащий*. Правила обозначения долгих согласных другими способами будут рассмотрены в разделе правописания.

Правила обозначения чередующихся звонких и глухих согласных звуков, а также мягких согласных звуков, заменяющих соответствующие твердые в порядке позиционного чередования, также будут рассмотрены в разделе правописания.

Общая характеристика русской графики

§ 23. В итоге обзора русской графики в ее взаимоотношении с звуковой системой русского литературного языка нужно сделать следующие выводы о характере русского алфавита:

1. Для всех гласных звуков, произносимых в ударяемых слогах, в русском алфавите имеются особые буквы, что позволяет читающему на основе зрительного образа узнавать значения слов, состав которых различается только одним гласным звуком, ср. *мал*, *мол*, *мул*, *мыл* и т. п.

2. Наличие в алфавите букв *я*, *ё*, *е*, *ю* для обозначения слога, состоящего из согласного „йот" и, соответственно, гласных *а*, *о*, *э*, *у*, позволяет обозначать эти слоги одной буквой вместо двух (согласный „йот" плюс буква для гласного звука), как это имеет место в ряде других языков, например, в немецком.

3. Употребление этих же букв, а также буквы *ь* для обозначения мягкости предшествующего согласного позволяет обходиться без особых букв или особых диакритических знаков для обозначения мягкости согласных из числа парных по твердости и мягкости (таких дополнительных букв понадобилось бы 15 — для мягких согласных звуков *б*, *в*, *г*, *д*, *з*, *к*, *л*, *м*, *н*, *п*, *р*, *с*, *т*, *ф*, *х*).

Примечание. Затруднения относительно того, обозначают ли буквы *я*, *ё*, *е*, *ю*, *и* только мягкость предшествующего согласного или наличие перед *а*, *о*, *э*, *у*, а также перед *и* звука „йот", устраняются при помощи написания при наличии „йота" букв *ъ* или *ь* перед указанными буквами, ср. *съел* — *сел*, *белью* — *белю*, *копья* — *копя*, *третьи* — *трети* и т. п.

4. В русском алфавите имеется всего лишь три буквы с добавочными значками, требующими при письме отрыва руки (между тем как в большинстве алфавитов таких букв значительно больше). Это буквы *й*, *ё*, *э* (последняя, как известно, употребляется редко).

5. В русском алфавите, за единичными исключениями, каждый отдельный звук обозначается одной буквой, в то время как во многих других алфавитах для обозначения как гласных, так и согласных звуков часто употребляются сочетания из двух и даже трех букв, ср. немецкое *ch* для звука „х", немецкое *sch* для звука „ш", французское *au*, *eau* для звука „о" и т. п. В русском письме лишь в немногих отдельных словах находим обозначение одного звука двумя буквами (например, обозначение мягкого долгого *ж* сочетаниями букв *зж*, *жж*, *жд*: *визжать*, *вожжи*, *дождик*).

6. Внешний вид букв русского алфавита, особенно в их печатном виде, достаточно прост и отчетлив и благодаря этому нетруден для усвоения. Это обстоятельство послужило одной из основных причин перехода на русскую графику в свое время болгар и сербов, а после Великой Октябрьской социалистической революции — громадного большинства тех народов СССР, которые ранее пользовались арабским, а затем — в течение некоторого времени — латинским алфавитом.

II. СОВРЕМЕННОЕ РУССКОЕ ПРАВОПИСАНИЕ

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ПРАВОПИСАНИЯ

§ 24. Прежде чем приступить к характеристике основного принципа русского правописания, необходимо разъяснить, что понятие принципа применяется здесь лишь по отношению к приемам написания отдельного слова, а не таких речевых единиц, в состав которых входит два или несколько слов. Таким образом, например, вопрос о слитном и раздельном написании слов, составляющий весьма важный раздел русского правописания, не может определяться тем же принципом, на котором строится написание целого слова. В основе правил о слитном и раздельном написании, как увидим ниже, лежит иной принцип, находящийся в соответствии с современными понятиями отдельного слова и словосочетания в русском языке. Точно так же на особом принципе строятся правила об употреблении прописной буквы, связанные с понятиями имени собственного и имени нарицательного, о чем также будет речь впереди. Вполне возможно такое положение, когда при различных принципах написания отдельного слова (в разных языках или в одном и том же языке) правила о слитном и раздельном написании слов и об употреблении прописной буквы одинаковы, равно как и наоборот: при одинаковом принципе написания отдельного слова правила о раздельном и слитном написании и об употреблении прописной буквы могут быть различны.

К правописанию обычно относят также правила о переносе слов из строки в строку и о сокращении слов. Правила эти важны и необходимы, но они, понятно, в еще меньшей степени имеют отношение к основному принципу правописания, действующему в данном языке.

§ 25. Основной принцип правописания при звуковом письме характеризуется тем, какой из языковых элементов,

составляющих слово, является единицей, имеющей устойчивое обозначение при письменной передаче речи. Такой единицей может быть: 1) отдельный звук или отдельное звукосочетание (например, слог) в их реальном в каждом конкретном случае произношении; 2) отдельная морфема, т. е. составная значащая часть слова (корень, приставка, суффикс, окончание); 3) целое слово.

Хотя абсолютно последовательного осуществления единого принципа правописания нельзя найти ни в одной письменности, тем не менее в каждом языке правописание, если не полностью, то в известной своей части руководствуется каким-либо определенным принципом. Проведение того или иного единого принципа имеет особенно важное значение для написания словообразовательных морфем, глагольных и именных окончаний и т. п. Чрезвычайно важно также наличие единого принципа правописания для написания вновь образуемых слов, число которых все более и более возрастает во всех языках.

В соответствии со сказанным, в языках, пользующихся звуковым письмом, можно установить наличие следующих принципов правописания:

1. Фонетический, т. е. такое письмо, в котором отдельно обозначаемой языковой единицей является реально произносимый в каждом конкретном случае звук (либо звукосочетание).

В русском письме по фонетическому принципу должны были бы найти отражение все различия в произношении звуков, связанные с позиционными чередованиями, например: *носит* — „нашу“, *море* — „маря́“, *мясо* — „мьсной“, *губа* — „гупка“, *сказочка* — „скаска“, *лавочка* — „лафка“, *плоды* — „плот“, *ножи* — „нош“, *мост* — „мосьтик“, *графин* — „графиньчик“, *разный* — „разьница“.

2. Морфологический, т. е. такое письмо, в котором отдельно обозначаемой языковой единицей является морфема — значащая часть слова; одинаковые морфемы при этом пишутся всегда одинаково, независимо от того, как они произносятся. Так, в русском письме корень *вод*-, согласно морфологическому принципу, всегда обозначается этими тремя буквами, хотя в различных фонетических положениях произносится по-разному, например: *вод-а́* (произносится „вада́“), *во́д-ный* (произносится „во́дный“), *водяно́й* (произносится „въдьнс́й“), *вод* (например, в словосочетании „весенних вод“ — произносится „вот“). Приставка *от* по морфологическому принципу всегда пишется через *о* и через *т*, хотя может произноситься и с *а* и с *д*, например: *о́тпуск* (произносится *о* и *т*), *отре́з* (произносится *а* и *т*), *о́тзыв* (произносится *о*

и *д*), *от-бо́й* (произносится *а* и *д*); по этому же принципу всегда пишутся одинаково приставки *под*, *над*, *пред* и нек. др. (о правописании приставок, оканчивающихся на *з*, см. § 76). Суффикс существительных *ок*, в соответствии с тем же принципом, всегда пишется через *о*, хотя и произносится с гласным, обозначаемым в транскрипции буквой ъ (когда находится в послеударном слоге), ср., например: *мот-о́к*, *завит-о́к*, но: *свёрт-ок*, *спи́с-ок*, *переле́с-ок*. Окончания дательного и предложного падежей существительных женского рода единственного числа на *-а*(*-я*) пишутся всегда через *е*, хотя в них произносится то э (под ударением), то *и*ᵊ или *ы*ᵊ (не под ударением), например: *гроз-е́*, *о гроз-е́*, *шле-е́*, *на шле-е́*, *душ-е́*, *в душ-е́*, но: *ва́з-е*, *в ва́з-е*, *ше́-е*, *на ше́-е*, *ка́ш-е*, *в ка́ш-е*.

Письмо по морфологическому принципу возможно лишь в таких языках, в которых слова (по крайней мере большинство их) состоят из морфем, входящих со своими постоянными значениями в состав разных слов. Так, корень *-вод-* входит в качестве составной части во многие русские слова (*вод-а*, *вод-ный*, *вод-яной*, *под-вод-ный*, *на-вод-нение*, *обез-вод-ить*, *па-вод-ок*); суффиксы *ок*, *ик*, *ишк*, *ушк* и др. встречаются в качестве составных частей многочисленных русских существительных; суффиксы *ан*, *енн*, *ин* и др. — в качестве составных частей многих прилагательных. То же относится и к приставкам и в еще большей степени к окончаниям. В правописании языков аморфных, в которых слова не образуются путем соединения в одно целое отдельных морфем, а представляют собой целые неразложимые на значащие части единицы, морфологический принцип в правописании не может иметь места.

Для овладения правописанием, основанным на морфологическом принципе, необходимо: 1) уметь разбираться в составе слов, т. е. правильно разлагать слова на составные значащие части, 2) знать звуковую систему языка, т. е. закономерности позиционных чередований гласных и согласных звуков.

Примечание. Правописаний, в основе которых лежал бы принцип единообразного обозначения целого слова как языковой единицы, реально не существует. Частично, в отношении написания корневых морфем, к этому принципу близко правописание английского языка.

§ 26. Кроме описанных принципов, на которых может строиться правописание того или иного языка, известны также некоторые приемы написаний, обычно не характеризующие всю систему письма в целом, а лишь дополняющие ее отдельными чертами частного характера. Сюда относятся:

1. Различия в написании одинаково звучащих, но различных по значению слов (так называемых омонимов), например:

компания (группа лиц, общество) и *кампания* (ряд мероприятий для осуществления какой-нибудь общественно-политической или хозяйственной задачи), *бал* (большой танцевальный вечер) и *балл* (цифровая отметка при оценке знаний учащихся), *копчик* (косточка в оконечности позвоночника) и *кобчик* (название птицы). Таких двояких написаний, помогающих зрительно различать слова с разными значениями, в русском письме очень мало, и они никакой заметной роли в нем не играют[1].

К этому приему частично примыкает употребление прописной буквы в именах собственных: речь идет о таких словах, которые, вообще являясь именами нарицательными, могут быть употреблены и как имена собственные, а именно в качестве названий населенных пунктов, рек, имен, фамилий и прозвищ людей, кличек животных и т. п., например: *Орел*, *Горки* (населенные пункты), *Зима*, *Грязи* (ж.-д. станции), *Прут*, *Юг* (реки), *Сила*, *Роман*, *Лев* (имена), *Железняк*, *Коробочка* (фамилии), *Вешатель* (прозвище царского министра Муравьева), *Пальма*, *Пчелка* (клички собак).

2. Написания, указывающие на различия грамматического характера. Таково, например, в русском правописании употребление *ь* после шипящих на конце существительных женского рода единственного числа (*рожь*, *мышь*, *ночь*, ср. *нож*, *камыш*, *луч*), во 2-м лице повелительного наклонения (*плачь*, ср. существительное *плач*) и в неопределенной форме (*сечь*, ср. род. п. мн. ч. существительного *сеча* — *сеч*). Этот прием в современном русском правописании играет очень незначительную роль[2].

3. Написания традиционные, т. е. такие, которые не подходят ни под одну из вышеприведенных категорий, а сохраняются до настоящего времени в том виде, в каком некогда были установлены, например: *собака* (с буквой *о* в первом

---

[1] Ср., например, во французском письме, где этот прием распространен очень широко. Грот приводит для иллюстрации его следующие примеры: cinq, saint, sain, sein, ceint, seing, т. е. шесть одинаково произносящихся слов с различным значением и различным написанием („Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне“, СПб., 1899, стр. 623). В нашем правописании до реформы 1917—1918 гг. таких случаев было довольно много, например: *міръ* (вселенная) и *мир* (спокойствие, тишина), *лечу* (передвигаюсь по воздуху) и *лѣчу* (оказываю медицинскую помощь) и нек. др.

[2] В нашем правописании до реформы 1917—1918 гг. написаний, указывавших на ту или иную грамматическую форму, было довольно много: так, например, одни формы различались буквами *е* и *ѣ* (*на море* — вин. п., *на морѣ* — предл. п., *синее* — им. п. ед. ч. ср. рода, *синѣе* — сравн. степень), другие — буквами *е* и *я* (*белые* — муж. р., *белыя* — ж. и ср. р., *ее* — вин. п., *ея* — род. п.), третьи — буквами *и* и *ѣ* (*они*, *одни* — муж. и ср. р., *онѣ*, *однѣ* — ж. р.).

слоге), *тормоз* (с буквой *о* во втором слоге), *снеток* (с буквой *е* в первом слоге), *вокзал* (с буквой *к*).

§ 27. На каком же из указанных принципов основано современное русское правописание? Что должно служить основанием для решения этого вопроса?

Так как в русском правописании можно найти правила, из которых одни основаны на фонетическом, другие — на морфологическом принципе, то иногда высказывается мнение, что русское правописание построено не на одном каком-либо, а на различных принципах, что оно, следовательно, разнопринципно. И в самом деле, наряду с теми примерами, которые были приведены для пояснения морфологического принципа, можно привести и иные, противоречащие ему, например: написания *свадьба* через *д* (при общем корне с глаголом *сват-ать*), *лестница* через *с* (при общем корне с глаголом *лез-у*), *затхлый* через *т* (при общем корне с глаголом *задох-нуться*), написание приставок *из, воз, низ, раз, без, через* перед глухими согласными через *с* и ряд других подобных. Не дает ли все это основания для утверждения о наличии в основе русского правописания также и фонетического принципа? Для решения поставленного здесь вопроса иногда применяют метод подсчета с целью установления, каких написаний — фонетических или морфологических — у нас больше, а каких меньше. При этом подсчет производится чисто внешним образом: например, утверждается, что такие слова, как *дом, кол, мост*, поскольку их буквенный и звуковой состав полностью совпадает, пишутся целиком по фонетическому принципу; такие, как *дома, колы*, в которых из четырех букв три полностью соответствуют звукам (*д, м, а; к, л, ы*), а один не соответствует, пишутся на 75% по фонетическому принципу и на 25% по морфологическому принципу; такие, как *мосты*, по тем же мотивам, пишутся на 80% по фонетическому принципу и на 20% по морфологическому и т. д.

Как первый, так и второй подход к решению вопроса об о п р е д е л я ю щ е м современное русское правописание принципе следует решительно отвергнуть. Признать, что в нашем письме существуют на равных началах написания, основанные на различных принципах, значит все же оставить нерешенным вопрос о том, какой из этих принципов следует считать о с н о в н ы м, н а и б о л е е х а р а к т е р н ы м, о т л и ч а ю щ и м р у с с к о е п р а в о п и с а н и е о т п р а в о п и с а н и й д р у г и х я з ы к о в. Между тем именно это важно установить при рассмотрении вопроса о характере правописания. Без правильного ответа на этот вопрос

невозможно разрешение такой чрезвычайно важной практической задачи, как приемы написания вновь образуемых слов (известно, что новообразования в языке — это процесс непрерывный, а в нашу, советскую эпоху — особенно интенсивный). Например, о правописании сербском, подвергшемся в начале XIX столетия радикальной реформе, связанной с именем Вука Караджича, как ее автора, или, например, о правописании белорусском, установленном в советский период, можно с полным основанием говорить как о правописаниях фонетических[1], так они были принципиально задуманы и реально построены, и это сказалось, как и следовало ожидать, в том, что одни и те же значащие составные части слов этих языков пишутся в соответствии с их произношением и потому часто неодинаково. Так, например, существительное *ср'бин* („серб") пишется через *б*, а образованное от него существительное *ср'пкина* („сербка"), в котором звонкий согласный *б* перед глухим, как и в русском языке, оглушается, пишется через *п*. Другие примеры: *назеб* („простуда") — *назепсти* („простудиться"), *вршидба* („молотьба") — *вршити* („молотить"). Примеры из белорусского письма: *прасíць* („просить") — *прóсиць* („просит"), *галавá* („голова") — *галóўка* („головка"), *ляжáць* („лежать") — *лéжень* („лежебок"). Правописание этих языков не дает возможности читателю узнавать во всех случаях одинаковые морфемы в едином графическом их обозначении. Фонетический и морфологический принципы правописания взаимно противоположны и, следовательно, взаимно друг друга исключают. Построение русского правописания в равной степени на том и другом принципе, если бы оно имело место, не дало бы возможности установить сколько-нибудь твердые правила письма и служило бы непреодолимым тормозом при усвоении грамотности, а также усложнило бы восприятие содержания читаемого текста, иначе говоря, явилось бы серьезным препятствием на пути овладения культурой широкими народными массами. Итак, в качестве основного, ведущего возможен какой-либо один из этих двух принципов: либо фонетический, либо морфологический, что не исключает наличия некоторого количества написаний, отступающих от основного принципа. В упомянутом выше сербском, а также белорусском письме, при господстве фонетического принципа, находим отдельные написания, отступающие от этого принципа.

Чисто внешний подсчет написаний, встречающихся в русском письме, по методу, описанному выше, приводит, как

[1] Отдельные отступления от этого принципа (например, в отношении слов, заимствованных из других языков, в белорусском письме) не колеблют его в целом.

этого и можно было ожидать, к выводу о количественном преобладании фонетических написаний. Но следует ли из этого, что основным для русского правописания является фонетический принцип?

Прежде всего необходимо решительно отвергнуть метод подсчета написаний, основанный на сопоставлении отдельных звуков слова с употребляемыми для их обозначения буквами. Этот метод может быть применен только к такому языку, в котором слово всегда выступает как цельный, неразложимый на значащие части (морфемы) звуковой комплекс. Громадное же большинство слов русского языка содержит в себе значащие части, входящие одновременно во множество других слов. Так, слово *дом*, содержащее в себе одну значащую составную часть, ассоциируется как по значению, так и по слуховому и графическому образу с такими словами, как *дом-á*, *дом-ов*, *дом-ишко*, *без-дом-ный*, *дом-аш-ний* и т. п.; слово *мост*, также содержащее в себе одну значащую составную часть, ассоциируется как по значению, так и по слуховому и графическому образу с такими словами, как *мост-ы*, *мост-ик*, *мост-очек*, *по-мост*, *мост-овая* и т. п. Написание *о* в словах *дом*, *мост* и т. п. нельзя рассматривать в отрыве от того, что эта же буква сохраняется на письме во всех других словах, имеющих тот же корень, и тем самым служит зрительным показателем языковой близости этих слов, основанной на их образовании от одного корня. Поэтому языковое значение буквы *о* в *мост* состоит не только в том, что ею обозначается реально произносимый в этом слове определенный гласный звук, но в не меньшей мере еще и в том, что эта буква есть принадлежность о д н о й и т о й ж е значащей части (морфемы) ряда слов, образующих родственную группу по своему значению. Вот почему слова *дом*, *мост* и т. п., буквенный состав которых хотя полностью соответствует их звуковому составу, все же следует считать написанными по морфологическому принципу. Никто не будет отрицать того, что в этих и им подобных словах все звуки обозначены „своими" буквами и что, следовательно, в этом смысле можно утверждать, что они пишутся по фонетическому принципу. Но необходимо иметь в виду, что слово существует в языке не как изолированная единица, а входит в очень сложную лексико-грамматическую систему и поэтому осознается говорящими на данном языке в его многообразной связи со всеми другими членами этой системы. В рассматриваемых и подобных им словах языковой единицей, имеющей соответствующее устойчивое письменное обозначение, является цельная морфема, а не отдельные звуки.

Из сказанного ясно, что вопрос о том, на каком принципе основаны те или иные написания слов русского языка, гораздо более наглядно может быть разрешен на примерах не таких слов, у которых звуковой состав полностью совпадает с буквенным составом, а таких, в которых произношение расходится с написанием. Некоторые написания окажутся при этом дифференцирующими (в отношении значения слов или их грамматических форм), некоторые — чисто традиционными; встретятся и фонетические написания, но написание основной массы слов будет основано на морфологическом принципе.

Описанный выше характер современной русской графики — то, что буквами русского алфавита, как было показано, обозначаются, за очень немногими исключениями, лишь те звуки, которые произносятся в условиях наибольшей различимости, с одной стороны, и многообразная заменяемость этих звуков другими в зависимости от различных фонетических условий (позиционные чередования), приводящая к тому, что одна и та же морфема может выступать в различных звуковых вариантах, с другой стороны, — как раз и являются теми решающими факторами, которыми обусловливается морфологический характер нашего современного правописания. Основным, господствующим принципом нашего письма является сохранение внешнего вида морфемы, в каком бы слове и в какой бы комбинации с другими морфемами она ни употреблялась, независимо от того, как она, в силу тех или иных фонетических условий, произносится. Исключения из этого основного правила очень немногочисленны и ни в какой мере не колеблют морфологического принципа, лежащего в основе русского правописания.

Правописание гласных. Общие замечания

§ 28. Употребление гласных букв потребовало установления большого количества правил. Одни из этих правил касаются случаев, когда гласные звуки находятся в неударяемом положении; другие относятся к таким положениям гласных в слове, которые определяются факторами другого рода (см. §§ 29—39). Для удобства изложения раздел гласных целесообразно начать с употребления гласных букв в условиях, когда наличие или отсутствие ударения на соответствующих звуках не влияет на качество последних: такой порядок избавит от необходимости двукратного рассмотрения некоторых вопросов, неизбежного в том случае, если начать с неударяемых гласных.

Гласные буквы после шипящих

§ 29. После *ж* и *ш* всегда пишутся *а*, *у* (*жар*, *кожа*, *шар*, *ноша*, *жук*, *лежу*, *шуба*, *кошу*). Буквы *я*, *ю* после *ж* и *ш* никогда не пишутся[1]. Это правило вполне соответствует тому факту, что *ж* и *ш* в современном русском языке принадлежат к числу согласных твердых, не имеющих соответствующих мягких, и что, следовательно, никогда не бывает надобности в обозначении посредством гласных букв *я*, *ю* мягкости предшествующего *ж* и *ш*.

Как следует оценить существующее правило о том, что после *ж* и *ш* следует писать *и*, а не *ы*? Ведь если эти согласные всегда тверды, то они не могут сочетаться в произношении с *и*, и, следовательно, буква *ы* после них обозначала бы тот гласный звук, который действительно здесь произносится. Но, как уже известно, наше правописание вовсе не построено на принципе точного обозначения во всех случаях отдельных звуков, из которых состоит слово. Для обозначения характера согласных, парных по твердости и мягкости, мы употребляем букву *ы* для указания на твердость предшествующего согласного, а букву *и* — для обозначения мягкости его. В тех же случаях, когда согласный не имеет парного по твердости и мягкости (кроме *ц*, о чем см. § 34), употребляется буква *и*, служащая для обозначения звука, произносимого в менее ограниченных фонетических условиях по сравнению с *ы* (например, в начале слога: *ива*, *поить* и т. п., в качестве отдельного слова — ср. союз *и*).

§ 30. После *ж* и *ш* всегда пишется *е*, а не *э*. Согласно общему действующему принципу об употреблении букв для обозначения гласных звуков, в таких слогах следовало бы ожидать буквы *э*, так как *ж* и *ш* — согласные твердые, не имеющие парных мягких. Однако положение с буквами *э* и *е* представляет собой известное своеобразие по сравнению с другими парными гласными буквами, обозначающими твердость и мягкость предшествующего согласного звука: так как из числа согласных, парных по твердости и мягкости, перед *э* в русских словах (не заимствованных) возможны только мягкие, то фактически за буквой *э* осталось употребление ее в „неприкрытом" слоге немногочисленных русских слов (*этот*, *поэтому*, *этакий*, *экий*, *эк*, *эй*, *эх* и т. п.), а также в начальных и внутренних „неприкрытых" слогах

[1] Единичные исключения из этого правила касаются отдельных заимствованных слов (*брошюра*, *парашют*, *Жюль*, *жюри* и нек. др.) и основного принципа не нарушают.

заимствованных слов, например: *экзамен, эра, этаж, элемент, поэт, статуэтка*, и в единичных заимствованных и редко употребляемых словах после согласных, например: *мэр, сэр, пэр*. Таким образом, в подавляющем большинстве случаев после согласных употребляется буква *е*, чем и объясняется то, что она пишется и после *ж* и *ш* и, как увидим дальше, и после других согласных, непарных по твердости и мягкости[1].

§ 31. После *ч* и *щ*, по существующим правилам, также следует писать *а, у, и*, а не *я, ю, ы*. Если неупотребление *ы* после *ч* и *щ* можно приписать тому, что мягкие *ч* и *щ* не могут сочетаться в произношении с *ы*, то с этой же точки зрения следовало бы ожидать неупотребления написаний *ча, ща, чу, щу* и, наоборот, требования писать *чя, щя, чю, щю* ввиду того, что *ч* и *щ* обозначают мягкие согласные звуки. Но и здесь приходится напомнить, что указание посредством гласной буквы на твердость или мягкость предшествующего согласного требуется только тогда, когда согласный может быть и твердым и мягким. Так как согласные звуки, обозначаемые буквами *ч* и *щ*, могут быть только мягкими, то специального обозначения этого их признака не требуется. Поэтому после них пишутся гласные буквы *а, у, и*, которые обозначают соответствующие гласные звуки в менее ограниченных, по сравнению с *я, ю, ы*, фонетических условиях (например, в начале слога: *алый, адрес* и т. п., в качестве отдельного слова — ср. союз *а*, междометие *а*).

§ 32. Иначе (и довольно своеобразно) обстоит дело с употреблением *о* и, соответственно, *ё* после шипящих.

Мы встречаемся здесь с несколькими одновременно действующими правилами:

1. Под ударением мы находим в ряде морфем, в том числе и корневых, написание *о*. Таково написание окончаний существительных, прилагательных и наречий (*ножо́м, шалашо́м, мячо́м, плащо́м, плечо́м, межо́й, душо́й, свечо́й, пращо́й, чужо́й, большо́й, свежо́, хорошо́, горячо́*), суффиксов существительных (*дружо́к, пушо́к, кулачо́к, борщо́к, медвежо́нок, мышо́нок, волчо́нок, книжо́нка, душо́нка, клячо́нка*), суффиксов прилагательных после *ж* и *ш* (*ежо́вый, грошо́вый*), а также написания в корнях некоторых слов (*обжо́ра, жом, шо́рох, шов,*

---

[1] Стоит отметить, что в течение XVIII и XIX вв., т. е. с введения гражданского шрифта и вплоть до реформы нашего правописания 1917—1918 гг., в многочисленных проектах об улучшении нашего письма то и дело фигурировало предложение об исключении из алфавита буквы *э*.

чо́каться, чо́порный). Но в ряде подобных же случаев принято писать *ё*, например, в корнях слов *жёг, жёлтый, чёлн, чёрный, отчёт, щётка, шёл* и нек. др.

2. Под ударением же мы находим в ряде других случаев всегда *ё*. Сюда относятся: личные глагольные окончания (*бережёшь, сечёшь*), глагольный суффикс *ёвыва* (*размежёвывать, затушёвывать, перекочёвывать*), отглагольные существительные с суффиксом *ёвк* (*размежёвка, растушёвка, ночёвка, перекочёвка*), страдательные причастия на *-ённ* и образовавшиеся от них прилагательные на *-ён*, а также образовавшиеся от таких причастий и прилагательных наречия и существительные (*напряжённый, напряжённо, напряжённость; просвещённый, просвещённость; учёный, учёность; жжёный, жжёнка*), иноязычные по происхождению существительные с суффиксом *ёр* (*дирижёр, ретушёр*).

3. Наконец, в ряде слов, в корневой части, мы то и дело встречаемся с колебаниями в написаниях. Таковы написания: *жо́лудь* и *жёлудь, дешо́вый* и *дешёвый, решо́тка* и *решётка, кошо́лка* и *кошёлка, чорт* и *чёрт* и нек. др. Обычно так обстоит дело с теми словами, в которых *о* после шипящих бывает в одних формах и образованиях ударяемым, а в других неударяемым.

§ 33. Таким образом, приходится признать, что в области употребления *о* и *ё* после шипящих существует значительный разнобой.

В самом деле, можно было бы допустить, например, написание после *ж* и *ш*, как согласных твердых, всегда *о*, а после *ч* и *щ*, как согласных мягких, всегда *ё*. Это явилось бы, правда, отступлением от принципа, применяемого к гласным *а* и *у* после шипящих (как известно, эти гласные буквы пишутся после в с е х шипящих, как твердых, так и мягких, ввиду того, что шипящие согласные звуки не имеют парных по твердости и мягкости), тем не менее это было бы с известной точки зрения последовательно. Но, как видно из сказанного выше, этот принцип не соблюден (ср. в корнях: *жёг* и *ожо́г, чёлн, чорт, чо́боты*; в суффиксах и окончаниях глаголов — *ё*, а в суффиксах и окончаниях существительных и прилагательных *о*; в суффиксе наречий — то *о*, то *ё*, например: *горячо* и *общё*).

Можно было бы допустить иной принцип: писать под ударением всегда *о*, не под ударением — всегда *ё*, т. е. писать „жо́лудь", „жо́лтый", „жо́сткий", „жо́ны", „жог", „шо́пот", „шолк", „решо́тка", „шол", „чолн", „чорт", „щоголь", „щоки", но: „желуде́й", „желтизна́", „жесткова́тый", „жена́", „вы́жег", „шепта́ть", „шелкови́стый", „решето́", „вы́шел",

„челнóк“, „чертя́м“, „щеголевáтый“, „щекá“. То же — и во всех суффиксах и окончаниях (что в настоящее время применяется к суффиксам и окончаниям существительных и прилагательных, ср. *чижóм*, *душóй*, *парчóй*, *плащóм*, *чужóго*, *большóго*, но: *мýжем*, *кáшей*, *тýчей*, *товáрищем*, *ры́жего*, *бóльшего*). И тогда это следовало бы распространить и на все другие случаи и писать: „ретушóр“, „дирижóр“, „на чóм“, „нипочóм“. На самом деле и этот принцип у нас, как известно, не проводится.

Что же мы находим в существующей практике, и что нужно считать помехой проведению как того, так и другого из изложенных выше принципов (или, быть может, еще какого-нибудь иного)? Как уже сказано, раздел, касающийся написания *о* и *ё* после шипящих, в настоящее время является одним из наиболее неупорядоченных в нашем правописании. Мало того, что в различных частях данного раздела действуют р а з н ы е п р и н ц и п ы, но вдобавок к этому в ряде отдельных случаев мы имеем дело с написаниями, не подходящими н и п о д к а к о й п р и н ц и п (главным образом в написании корней слов). Объясняется это многими причинами; из них важнейшие следующие:

1. В ряде случаев неударяемый вариант корня может быть соотнесен не с одним, а в равной мере с двумя ударяемыми вариантами, например: *вы́жечь* — с *жёг* и с *жечь; женá* — с *жёны* и с *жéнский*, *жéнщина; шептáть* — с *шóпот* и с *шéпчет; вы́шел* — с *шёл* и с *ушéдший; чертя́м* — с *чорт* и с *чéрти* и т. п. Следовательно, правило „пиши в неударяемом слоге после шипящего *о*, если в том же слоге под ударением произносится *о*“, не может быть, как ясно из только что приведенных примеров, применяемо во всех случаях. Если сохранить это правило для тех слов, которые имеют ударяемые варианты только с *о* (например: *жерновá* — *жёрнов*, *шелкá* — *шёлк*), то, во-первых, это потребовало бы от всех пишущих уменья быстро и уверенно подбирать все возможные образования от данного корня, чтобы убедиться, что среди них нет варианта с ударяемым *е*, а во-вторых — очень усложнило бы характер самого правила.

2. Различное написание многих слов (притом большей частью очень употребительных) — одних с *о* после шипящих, других с *ё* — к нашему времени настолько закрепилось, что пишущие, несомненно, предпочтут сохранить и впредь привычное написание, нежели изменить его, хотя бы и в угоду какому-либо единому принципу. Сюда относятся из числа слов с написанием *ё* в корнях такие, например, как *жёсткий*, *чёлн*, *печёнка*, *бечёвка*, *щётка*, *о чём*, *дирижёр*, *ретушёр*, а из слов с написанием *о* — такие, как *ожóг*, *поджóг* (существи-

тельные), *жонглёр*, *шоколад*, *шоссе*, *шовинизм*, *шофёр*, *шокировать*. Сюда же относятся написания с *ё* личных окончаний глаголов 1-го спряжения (*бережёшь*, *печёшь* и т. п.) и суффиксов причастий и образовавшихся от них прилагательных и существительных (*заражённый*, *лишённый*, *испечённый*, *смущённый*, *лужёный*, *учёный*, *заражённость*, *смущённость*, *учёность* и т. п.), прочно поддерживаемые постоянным написанием *ё* во всех без исключения личных окончаниях остальных глаголов 1-го спряжения и в причастных формах аналогичного типа (*несёшь*, *заплетёшь*, *берёшь* и т. п., *принесённый*, *заплетённый* и т. п.). Этот фактор, наоборот, не действует с такой общеобязательностью по отношению к суффиксам и окончаниям существительных, где употребление *о* и *ё* не после шипящих связано с твердостью и мягкостью конечного согласного основы (*дном* — *днём*, *столо́м* — *кулём*, *уголо́к* — *уголёк*, *кусо́к* — *гусёк*).

3. В значительной степени возможность написания после шипящих в одинаковых фонетических условиях как *о*, так и *ё* поддерживается тем, что именно такое положение, прочно закрепленное традицией, имеет место в области имен собственных, главным образом в фамилиях на *-ёв* и *-ов* с ударением на конце, например: *Чернышёв*, *Лихачёв*, *Сычёв*, *Горбачёв*, *Хрущёв* и др. (с *ё*), но: *Чижо́в*, *Ежо́в*, *Рыжо́в*, *Кондрашо́в*, *Кудряшо́в*, *Кулешо́в*, *Борщо́в* и др. (с *о*).

Описанное положение с употреблением *о* и *ё* после шипящих ставит пишущего во многих случаях перед необходимостью обращаться за справкой к орфографическому словарю, чего можно было бы избежать, если бы этот раздел нашего правописания, подобно большинству остальных, соответствовал основному (морфологическому) принципу, на котором построено наше современное письмо.

Все изложенное относительно употребления гласных букв после шипящих распространяется полностью и на те случаи, когда буква *ж* в сочетании с предшествующей буквой *з* или *ж* произносится (многими говорящими на литературном языке) как *ж* долгое мягкое, т. е. на такие слова, как *уезжаю*, *визжу*, *визжишь*, *жужжать*, *дрожжами*, *жжёнка*. Таким образом, решающую роль здесь играет не твердость или мягкость шипящего согласного, а то, что гласная буква следует за согласной *ж*.

Гласные буквы после *ц*

§ 34. По существующему правилу, после *ц* пишутся *а*, *о*, *у* (не пишутся *я*, *ё*, *ю*). Это находится в полном соответствии с тем, что *ц* — твердый согласный, не имеющий парного мягкого.

Примечания. 1. Случаи написания после *ц* букв *я*, *ю* крайне редки и нисколько не меняют основного правила, так как они встречаются только в географических названиях, притом главным образом в иноязычных, например: *Свенцяны*, *Цюрих*, а также в некоторых фамилиях, например: *Цявловский*, *Хоцянов*, *Коцюбинский* и др.

2. В корнях ряда слов, в частности в существительных, оканчивающихся на *-ия*, *-ий* и производных от них, в глагольном суффиксе *ирова* и производных от таких глаголов после *ц* пишется *и* (хотя произносится, конечно, *ы*). Таковы слова: *цикорий*, *цинк*, *цирк*, *медицина*, *бацилла*, *цифра*, *цитадель*, *цитрусы*, *цикада*, *циклон*, *цилиндр*, *цистерна*, *цитата* и ряд других, все слова типа *станция*, *порция*, *грация*, *традиция*, *секция*, *революция*, *позиция*, *кальций*, *патриций*, *нунций* и т. п., типа *фальсифицировать*, *музицировать*, *тарифицировать*, *электрифицировать*. Только незначительное число слов пишется с *ы* после *ц* в корне. Это слова: *цыбик*, *цыган*, *цыгарка*, *цыкать*, *цынга*, *цыновка*, *цыпка*, *на цыпочках*, *цыпленок*, *цыц*, *панцырь*. Встречаются единичные слова с колеблющимся написанием, например: *цирюльник* и *цырюльник*, *цимлянское* и *цымлянское* (первый вариант теперь более распространен). Написание *и*, а не *ы* в подавляющем большинстве корней слов, вероятно, связано с тем, что во многих из этих слов, некогда заимствованных из других языков, согласные звуки, на месте которых мы произносим *ц*, были мягкими и полумягкими (это, несомненно, относится к словам на *-ция*, *-цировать*, ср. франц. station — наше *станция*, нем. musizieren — наше *музицировать*) Но независимо от этого написание *и* после *ц* более целесообразно: поскольку *ц* — звук всегда твердый (не имеющий парного мягкого), нет никакой нужды буквой для гласного звука отмечать качество предшествующего согласного (буква *ы* после согласной обычно указывает на то, что данный твердый согласный имеет парный мягкий, ср. *был* — *бил*, *возы* — *вози* и т. п.).

§ 35. Этот принцип, однако, не осуществлен в отношении суффиксов и окончаний прилагательных и окончаний существительных — здесь полностью господствует фонетический принцип. Так, мы пишем *сестриц-ын*, *лисиц-ын*, *куц-ый*, *белолиц-ый*, *овцы́*, *о́вцы*, *пальцы*, *огурцы* и т. п., хотя и при написании *и* мы произносили бы эти слова с твердым *ц*, как произносим твердое *ц* в словах *цирк*, *цифра*, *станция* и т. п. Известно, что звук *ц* (равно как и *ж* и *ш*) в древнерусском языке был мягким, следовательно, после него могло произноситься только *и*, а не *ы*. Звук *ц*, по данным истории русского языка, отвердел позднее, нежели *ж* и *ш*. В это время в русском литературном языке уже было довольно много заимствованных слов со слогом *ци*. Эти слова, вероятно, произносились с мягким *ц*, в то время как в русских словах *ц* было уже твердым (даже в наше время еще можно иногда услышать „манерное“ мягкое *ц* в словах на *-ция* и некоторых других из числа заимствованных).

Но какова бы ни была история употребления *и* и *ы* после *ц*, мы в настоящее время оказываемся перед несомненной трудностью в области написания слов с сочетанием звуков

ц и *и* в корнях: чтобы не сделать ошибки, приходится либо твердо запомнить те слова, которые пишутся с *ы*, с тем чтобы все остальные слова писать с *и*, либо всякий раз, при необходимости написать подобного рода слово, обращаться за справкой к орфографическому словарю.

§ 36. После *ц* всегда пишется *е* (а не *э*), что следует объяснить так же, как и употребление этой буквы после шипящих *ж* и *ш* (см. § 30).

Особо следует остановиться на вопросе о написании *о* или *е* после *ц* в неударяемых слогах. Если под ударением выбор между *о* и *е* зависит от того, какой гласный звук реально произносится (ср. *танцóр*, *лицó*, *цóкать*, но: *цéлый*, *цéнный*, *цéпь*), то в отношении неударяемых слогов дело обстоит не так просто. Так, в окончаниях существительных не под ударением всегда пишется *е* (*полотéнце*, *сóлнце*, *гóрцем*, *гóрцев*, ср. *лицó*, *крыльцó*, *отцóм*, *отцóв*). В неударяемых окончаниях прилагательных мы встречаемся с колебаниями в написаниях: *круглолúцое*, *кýцое*, *круглолúцого*, *кýцого* и т. д. и *круглолúцее*, *кýцее*, *круглолúцего*, *кýцего* и т. д.[1] В суффиксах прилагательных — также разнобой: все сходятся на написании *сúтцевый*, *квáрцевый*, *лицевóй*, *молодцевáтый* и некоторых других, но в то же время мы находим *глянцовый*, *глянцовúтый* и *глянцевый*, *глянцевúтый*[2]. Особенно велик разнобой в области глагольных суффиксов и, соответственно, в образованных от глаголов с такими суффиксами существительных и прилагательных: мы встречаем написания *танцовать* и *танцевать*, *вальцовать* и *вальцевать*, *гарцовать* и *гарцевать*, *лицовать* и *лицевать*, *спринцовать* и *спринцевать*, *кольцовать* (редко) и *кольцевать*, *фальцовать* и *фальцевать*, *лупцовать* и *лупцевать* и нек. др.[3] (в соответствии с этим — *танцовщúк*, *танцовáльный* и *танцевщúк*, *танцевáльный*; *кольцовáние* и *кольцевáние*; *фальцовáльный* и *фальцевáльный*). Этот разнобой мог бы быть устранен в двух различных направлениях: если исходить из того, что в одной и той же морфеме всегда,

---

[1] Словари нашего времени указывают для прилагательных этого типа написания с *е*, см. „Толковый словарь русского языка" под ред. Д. Н. Ушакова (*круглолицее*, *куцее*, но, видно, по недосмотру, *белолицое*); см. также „Словарь русского языка" С. И. Ожегова (*кýцее*; слово *круглолúцый* дано без родовых форм).

[2] Первое — в „Толковом словаре" под ред. Д. Н. Ушакова, второе — в „Словаре русского языка" С. И. Ожегова.

[3] Для первых трех глаголов „Толковый словарь" под ред. Д. Н. Ушакова предлагает написание с *о*, „Словарь" С. И. Ожегова — с *е*; остальные глаголы в обоих словарях предлагается писать с *е*.

как под ударением, так и не под ударением, после твердого согласного должна писаться буква, обозначающая тот звук, который произносится под ударением, то во всех приведенных выше словах, где мы имеем дело с одинаковыми окончаниями либо с одинаковыми суффиксами, следовало бы писать *о*, т. е. следовало бы писать: „полотéнцо“, „сóлнцо“, „полотéнцом“, „сóлнцом“, „гóрцом“, „гóрцов“, „круглолúцое“, „кýцое“, „круглолúцого“, „кýцого“, „сúтцовый“, „квáрцовый“, „лицовóй“, „молодцовáтый“, „глянцовый“, „глянцовúтый“ (ср. *крестцóвый*, *песцóвый*, *вальцóвый* и т. п.), „танцовáть“, „вальцовáть“ (ср. многократные формы от этих глаголов: *облицóвывать*, *вытанцóвывать*, ср. также существительные, образованные от основ этих глаголов: *вальцóвка*, *облицóвка*, *спринцóвка*, *фальцóвка* и т. п.). Это было бы вполне последовательным решением вопроса, так как подвело бы написания рассматриваемых типов слов под общий, морфологический принцип нашего правописания. Но, как показывают приведенные, соответствующие этому принципу, написания, введение их в практику оказалось бы довольно значительным новшеством, в особенности в области падежных окончаний существительных. Другим выходом из нынешнего положения могло бы явиться доведение до конца того правила, которое существует относительно написания *о* и *е* после шипящих и *ц* в суффиксах и окончаниях существительных (писать *о* под ударением и *е* не под ударением), т. е. полное распространение этого правила и на прилагательные и на глаголы. Это реально означало бы необходимость писать с *е* прилагательные „глянцевый“, „глянцевúтый“, „молодцевáтый“ и некоторые другие подобные и глаголы „танцевáть“, „вальцевáть“, „гарцевáть“, „лицевáть“, „спринцевáть“, „кольцевáть“, „фальцевáть“, „лупцевáть“ и т. п. и образованные от них существительные и прилагательные с соответствующими неударяемыми суффиксами („танцевщúк“, „танцевщúца“, „танцевáльный“, „кольцевáние“, „фальцевáльный“ и т. п.)[1]. Этот путь вызвал бы значительно меньше изменений в существующей практике письма, но зато ослабил бы морфологический принцип нашего правописания.

Примечание. Написания с *о* после *ц* в неударяемых слогах мы находим в настоящее время в слове *цокотýха* (ср. родственное слово *цóкот*), а также в заимствованных *палáццо*, *скéрцо*, *мéццо* и некоторых других подобных.

---

[1] Такие написания мы находим в „Словаре русского языка“ С. И. Ожегова.

Гласные буквы *ы* и *и* после приставок

§ 37. В соответствии с основным принципом русского правописания, после приставки, оканчивающейся на согласную и слившейся в одно целое с корнем или с другой приставкой, начинающимися звуком *и*, следует писать букву *ы*. Эта буква соответствует тому гласному звуку, который произносится после твердого согласного. Таким образом, *от + искать* дает на письме *отыскать*, *с + играть* дает *сыграть;* написание *сызнова* получилось в результате соединения приставки *с* с приставкой *из*.

Примечание. Единственное слово *взимать*, в котором произносится *и*, а не *ы*, образовано с такой приставкой, которая в древнем языке не имела на конце ъ (ср. сов. вид *взять*, а не „взъять", но: *подымать* — *подъять* и т. п.). Это слово сохраняет и соответствующее написание (ср. *взимать плату, налоги*). Все другие приставочные образования с тем же корнем пишутся, в соответствии с произношением, с *ы* (если только приставка не принимает на конце согласного *н*): *изымать, подымать*, просторечные *сымать, отымать* и т. п.; ср. *обнимать, поднимать, снимать* и т. п.

Это правило распространялось ранее и на приставочные образования с иноязычными корнями, т. е. на такие слова, как *безыдейный, безынтересный*. Однако стремление сохранить в словах этого типа без изменений внешний вид корня привело к написаниям *безидейный, безинтересный, симпровизировать* и т. п., прочно вошедшим в практику последних лет.

То же по существу относится и к таким случаям, когда иноязычная приставка присоединяется к русскому слову (*контр + игра*) или к какому-нибудь широко употребляющемуся иноязычному по происхождению слову (например, *суб + инспектор*). Но так как образований этого типа немного (это главным образом существительные) и есть полное основание утверждать, что этот тип образований очень мало продуктивен, то можно не возражать против сохранения в них после приставок буквы *и*.

Примечание. Вопрос о написании *и* или *ы* в словах рассматриваемого типа имеет важное значение для правильного литературного произношения. Такие написания, как *безидейный, предистория, контригра*, как это можно довольно часто наблюдать, вызывают в устной речи смягчение конечного согласного звука приставки; произносят в точности так, как написано: не „безыдейный" (с твердым *з* и *ы* после него), а „безидейный" (с мягким *з* и *и* после него), не „предыстория", не „контрыгра", а „предистория", „контригра" и т. п. А произносить „безидейный", „контригра" так же неправильно, как произносить „подитожить", „розигрыш", „обиск" и т. п. Это обстоятельство могло бы также явиться

основанием в пользу сохранения написания с *ы* всех образований с приставками, оканчивающимися твердым согласным, когда они присоединяются к слову, начинающемуся с *и*[1].

Буква *э*

§ 38. Буква *э*, как уже сказано выше, употребляется сравнительно редко. Это объясняется тем, что в русском языке из числа согласных, парных по твердости и мягкости, перед гласным *э* за немногими исключениями, о которых речь шла выше (§ 15), произносятся мягкие согласные. А для обозначения мягкости таких согласных употребляется не буква *э*, а буква *е* (подобно тому как для той же цели употребляется *я*, *ю*, *ё*). После твердых шипящих *ж*, *ш*, как уже сказано, принято писать *е*, а не *э*. Таким образом, для буквы *э* остаются только слова, в которых содержатся „неприкрытые" слоги со звуком *э*. Но таких слов крайне мало. Только немногие из них — исконно русские слова (перечень их дан выше, § 30). Остальные — слова, в разное время заимствованные из западноевропейских языков и уже в значительном своем большинстве обрусевшие.

Так как слова второй категории входили в состав русского языка в разные исторические эпохи и притом различными путями, то обозначение в них звука *э* оказалось неодинаковым: одни из них стали писаться с буквой *э*, другие — с *е*. В результате этого установилось и соответствующее различие в произношении. Это можно нагляднее всего показать на примерах слов, начинающихся греческим элементом *эв* (εὐ) (по-русски равнозначным корням слов *благо*, *хорошо*): мы пишем (и соответственно произносим) *эвритми́я* (равномерность ритма в музыке), *эвфеми́зм* (более мягкое

---

[1] В связи с затронутым вопросом о влиянии написаний с *и* на произношение небесполезно обратиться к подобному же явлению в области сложносокращенных образований. Такие сложносокращенные слова, как *Госиздат*, *мединститут*, *Совинформбюро*, *Коминтерн* и т. п., в которых конечный согласный первой составной части должен произноситься твердо, а после него должно звучать *ы*, нередко произносятся с мягким согласным и последующим *и*. Это реже наблюдается в тех словах данного типа, состав которых более ясен (чему, между прочим, способствует то, что наряду с сокращенным наименованием употребляется и полное наименование, например: *мединститут* — *медицинский институт*, *Совинформбюро* — *Советское Информбюро*), и чаще в словах, редко употребляющихся в „развернутом" варианте, например *Коминтерн* (*Коммунистический Интернационал*). Что касается лиц, для которых русский язык не является родным, то они большей частью произносят слова данного типа в точном соответствии с написанием, так что от них можно услышать не только мягкое *с* в *Госиздат*, мягкое *д* в *мединститут*, но и мягкое *л* в *облисполком* (чего в устах хорошо владеющих русским языком обычно не наблюдается).

выражение вместо грубого или непристойного), *эвфони́я* (благозвучие), но: *ева́нгелие* (буквально: радостная весть), *евге́ника* (реакционное учение об улучшении „человеческой породы“ биологическим путем). То же наблюдается в словах, начинающихся приставкой *эпи* (ἐπί) (по-русски равнозначно *на, над, после*): мы пишем (и соответственно произносим) *епи́скоп, епитимья́* (церковное наказание), *епитрахи́ль* (часть облачения священника, носимая на шее), но: *эпигра́мма* (буквально: надпись), *эпиде́рма* (наружный поверхностный слой кожи животных), *эпило́г* (послесловие). Ряд других некогда заимствованных слов также содержит в начале или внутри то *э*, то *е* безотносительно к тому, как они произносились и писались в тех языках, откуда они заимствованы, например: с одной стороны — *Европа, гее́нна, ре́квием* и нек. др., в которых на месте произносимого нами (в соответствии с написанием) *йэ* в греческом и латинском языках произносился гласный *э;* с другой стороны — *э́ллин, э́ра, поэ́т, фаэто́н, маэ́стро* и нек. др., в которых мы и пишем и произносим *э* (такой же гласный произносился и произносится в этих словах в соответствующих иностранных языках). В результате всего этого у нас теперь нет твердого правила относительно употребления *е* и *э* в словах рассматриваемого типа. Те из них, произношение которых прочно установилось в литературном языке, мы пишем согласно с произношением, например: *Европа, епископ, траектория, геенна, эра, эллин, экзамен.* Те же, в произношении которых наблюдается колебание, пишутся большей частью по установившейся недавней традиции (и об их написании приходится справляться в орфографическом словаре), например: *проект* (ср. *объект, субъект,* образованные от корня того же латинского глагола)[1], *реестр* и нек. др. (хотя наряду с произношением с *йэ* известно также произношение с *э:* „проэкт“, „реэстр“ и т. п.). Различное написание находим в тех словах данной категории, в которых звуку *э* предшествует гласный *и:* наряду с *гигие́на, гие́на, ре́квием, квиети́зм* нам известны *диэ́та, диэ́з, пиэми́я, пиэте́т.* В русском языке между *и* и *э* обычно развивается звук „йот“, почему, по мере распространения слов с сочетанием *иэ* в русской речи, более соответствующим их произношению является написание *ие.* Ввиду того что в написании слов рассматриваемого типа нет единообразия, о них в случае сомнения приходится справляться в орфографическом словаре.

---

[1] Jaceo, jeci, jactum, jacĕre (при присоединении приставки третья, „главная“ форма этого глагола — jactum — меняет гласный *a* на *e*: projectum, objectum и т. п.; от основы этой формы и образованы существительные *проект, объект* и т. п.).

Разнобой встречается в написании *э* и *е* внутри слов, заимствованных из других языков, также после согласных, парных по твердости и мягкости. Так, известны написания *бэмоль, портмонэ, кафэ, пэр, мэр, бэкон,* раньше также *лэди* и др. Особенно часты такие написания в именах собственных: *Альфонс Додэ,* система *Тэйлора, Па-де-Калэ* и т. п. По-русски имена нарицательные указанного типа произносятся все чаще и чаще с мягким согласным. Это процесс совершенно нормальный, поскольку русскому языку вообще не свойственны сочетания гласного *э* с предшествующим согласным из числа парных по твердости и мягкости. Мы давно и без колебаний произносим перед гласным *э* мягкие согласные в словах *тема, театр, литература, депутат, девиз, ребус, медик, режим, секция* и мн. др. То же имеет место во многих существительных, которые не склоняются, как, например, *депо, меню, метро, скерцо* и др. Поэтому наблюдаемое распространение написаний с *е* вместо *э* в словах указанной категории следует считать явлением прогрессивным и заслуживающим поощрения. К сожалению, в словарях еще удерживаются написания с *э* после согласных в таких словах, где эта буква перестает опираться на современное произношение, например в „Толковом словаре" под ред. Д. Н. Ушакова: *бэкон* (правда, с добавлением в скобках „или бекон"), *лэнч* (полдневный, второй завтрак в Англии), *мэр* (также с добавлением „или мер") и нек. др. Написания с *э* имеет смысл сохранять только в таких словах, где безусловно, по тем или иным соображениям, необходимо добиваться сохранения твердого произношения предшествующего звуку *э* согласного. Это, конечно, преимущественно относится к именам собственным. Там же, где в этом надобности нет, настаивать на написании *э* нет никакого смысла, тем более, что твердость согласного перед *э* наблюдается, к сожалению, и в таких словах, в которых прочно установилось написание с *е*, например, в существительных *депо, тема, профессор, дебош, текст* и др. (произносят „дэпо", „тэма", „профэссор", „дэбош", „тэкст"). Несомненно, что подобное „манерное" произношение нет никакой надобности охранять, в особенности если иметь в виду общераспространенное произношение с мягким согласным таких слов, как *дебаты, делегат, велосипед, мелодия, меню, пергамент, перламутр, пессимист, реабилитация, реализм, реванш, регистрация, регламент, редакция, режиссер, резервы, ремонт, секрет, ферма* и многих других, глубоко вошедших в словарный состав русского языка.

Буква *э* пишется внутри слов в тех случаях, когда к слову, начинающемуся этой буквой, присоединяется приставка,

а также в словах сложных и сложносокращенных, когда вторая, третья и т. д. часть таких слов начинается буквой э. Например: *сэкономить*, *этакий-разэтакий*, *адэкватный* (латинские приставка и основа), *проэкзаменовать*, *многоэтажный*, *двухэлементный*, *квинтэссенция*, *госэкзамены*.

Примечание. Слова с иноязычными приставками и корнями, начинающимися звуком *э*, пишутся, в зависимости от установившейся традиции, также и с буквой *е*, например: *анестезия* (обезболивание, греч. приставка αν), *анемия* (малокровие; та же приставка), *синергия* (содружественное действие; греч. приставка σύν), ср. пишущиеся с *э* слова *адэкватный*, *анэлектрон*. О правописании всех таких слов необходимо поэтому справляться в орфографическом словаре.

Буква *ё*

§ 39. В настоящее время буква *ё* считается самостоятельной буквой в нашем алфавите, число единиц которого поэтому равно 33, между тем как со времени реформы правописания 1917—1918 гг. до 1943 г. оно равнялось 32. В школе теперь считается обязательным писать букву *ё* во всех случаях, когда нужно обозначить звук *о* с предшествующим звуком „йот“ (*ёлка*, *поёт*, *моё*, *бельё*), после предшествующего мягкого согласного (*вёл* — ср. *вол*, *нёс* — ср. *нос*, *тёмный* — ср. *томный*), после шипящих в определенных словах и грамматических формах (см. § 32). Потребность в особом обозначении звука *о* в указанных положениях ощущалась, как известно, в русском письме уже много столетий назад, со времени начала процесса замены звуком *о* звука *э*, стоявшего под ударением не перед мягким согласным, например: *нес* — *нёс*, *орел* — *орёл*, *мое* — *моё* и т. п.

В течение долгого времени, особенно в рукописных текстах, звук *о* после мягких согласных обозначался либо попрежнему буквой *е*, либо, иногда, буквой *о*, в первую очередь после шипящих, но также и после других согласных, ср. написания „рублов“, „притеробы“ (вм. *рублёв* — рублей, *притерёбы* — известные участки земли). Когда, в связи с распространением книгопечатания, назрела потребность в упорядочении правописания (в XVIII в.), для звука *о* в соответствующих положениях предлагались сочетания букв *ьо*, *йо*[1]; довольно долго *о* после мягких согласных обозначался сочетанием ió, и только Карамзин, наконец, ввел *ё* для обозначения *о* после мягких согласных и после „йота“. Востоков, принципиально поддержавший это нововведение,

[1] Так предлагал писать Сумароков („Семьонъ“, „йожъ“).

признал, однако, что оно „некоторыми не одобряется, будучи признаваемо излишним там, где можно писать *е*"[1].

Не останавливаясь здесь на дальнейшей истории буквы *ё* в нашем письме[2], отметим, что всеобщего и безусловного признания и равноправия эта буква так и не получила в течение всего XIX в. и далее, вплоть до наших дней.

Казалось бы, что раз в нашем алфавите существуют особые буквы для обозначения гласных звуков в положении после мягких согласных и после „йота", то это должно распространяться на все без исключения гласные. В таком случае наряду с *я*, *е*, *ю*, повидимому, необходима особая буква и для *о* в соответствующем положении. Необходимость такой буквы кажется важной еще и потому, что звук *о*, о котором идет речь, всегда ударяем, и, следовательно, обозначение его особой буквой могло бы выполнять одновременно двоякую функцию: указывать, что слово произносится с *о*, а не с *э* и что ударение в слове падает на слог, содержащий этот гласный. Так, например, обозначение особой буквой гласного *о* в последнем слоге кратких причастий типа *перенесён*, *переведён*, *заплетён* указывало бы читателю, что в этом слоге нужно произносить *о*, а не *э* и что этот слог должен быть ударяемым (неправильное произношение таких причастных форм, как „перенéсен", „перевéден" и т. п., приходится слышать довольно часто). Наоборот, в формах женского и среднего рода и множественного числа написание в тех же причастиях буквы *е* указывало бы, что их следует произносить с гласным *э* неударяемым (ударение должно быть на окончании): *перенесенá*, *переведенá*, *переплетенá*, *перенесенó*, *перенесены́* и т. д. (диалектные „перенесёна", „переведёна", „перенесёно", „переведёно", „перенесёны", „переведёны" и т. п. также нередко переносятся в литературную речь). Даже люди, вполне владеющие литературным языком, нередко встречаются в печати со словами незнакомыми (новыми, заимствованными, а также с географическими названиями, фамилиями и т. п.), которые, будучи написанными без точного обозначения гласных звуков *э* и *о*, могут быть прочитаны и потом усвоены с неправильным произношением: таковы, например, слова *контроллер*, *бульдозер*, *геликоптер*, *глиссер*, *Олекма* (река), *Пет* (река), фамилии *Бокарев*, *Лихарев*, *Склезнев* и мн. др. Хорошо известны случаи ошибочного произношения слов

---

[1] „Русская грамматики, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная", изд. 7-е, 1848, § 163.

[2] Сведения об этом можно найти в „Спорных вопросах русского правописания" Я. К. Грота (отд. II).

шофёр, вáхтер, атлéт, трéнер, филúстер и даже таких давно уже употребляющихся в нашем языке, как *гравёр, афёра, манёвры*. Поскольку слова этого типа постоянно встречаются в печати, различение в обозначении гласных *э* и *о* имело бы решающее значение для усвоения правильного их произношения. Особенно важно все это для учащихся в начальной и средней школе, а также для граждан наших национальных республик и для иностранцев, изучающих русский язык как второй язык после своего родного. И тем не менее употребление буквы *ё* до настоящего времени и даже в самые последние годы не получило в печати сколько-нибудь широкого распространения. Это нельзя считать случайным явлением. Чем же это можно объяснить? Более общей причиной является то, что вообще всякое увеличение установившегося числа букв в алфавите воспринимается с большими затруднениями. Оно обременительно прежде всего для полиграфической промышленности, так как требует расширения размера наборных касс (при ручном наборе) и дополнительного расхода металла на изготовление соответствующих литер. Известной реконструкции и расширения клавиатуры потребовали бы также наборные типографские машины и пишущие машинки. Значительные трудности создает обязательное употребление буквы *ё* и для учеников и учителей, так как требует от первых усвоения навыка постоянно различать в речи как самые звуки *э* и *о*, так и отсутствие и наличие ударения, а от вторых — более тщательной проверки письменных работ, и без того являющейся очень трудным видом педагогической работы. Далее, самая форма буквы *ё* (буква и две точки над ней) представляет собой несомненную сложность с точки зрения моторной деятельности пишущего: ведь написание этой часто употребляемой буквы требует трех раздельных приемов (буква, точка и точка), причем нужно каждый раз следить за тем, чтобы точки оказались симметрично поставленными над знаком буквы. Для прописной буквы постановка сверху двух точек связана с еще бóльшим неудобством (*Ёж, Ёлка*), особенно в печатном тексте, где довольно часто приходится набирать слова сплошь прописным шрифтом. В общей системе русского письма, почти не знающего надстрочных знаков (у буквы *й* надстрочный знак проще, чем у ё), буква *ё* составляет весьма обременительное и, видимо, поэтому не вызывающее к себе симпатии исключение.

Все изложенное свидетельствует о том, что вопрос об употреблении буквы *ё* еще нельзя считать окончательно разрешенным; он требует еще дополнительного изучения, после чего должен быть твердо разрешен с тем, чтобы

принятое решение проводилось в печати в обязательном порядке.

Примечание. Следует отметить, что в некоторых словах иноязычного происхождения ударяемый звук *о* после „йота“ обозначается особым образом: если звуку „йот“ предшествует согласный звук, то такой слог обозначается буквами *ьо*, например: *бульон, батальон, павильон, гильотина, шампиньон, компаньон, карманьола;* если звуком „йот“ начинается слово или этому звуку предшествует гласный звук, то такой слог обозначается буквами *йо*, например: *йод, йота, майор, район.*

Правописание неударяемых гласных

§ 40. Если оставить в стороне сказанное выше относительно правописания гласных после шипящих и после *ц*, то для всех остальных случаев существует одно основное правило обозначения неударяемых гласных, заключающееся в том, что в неударяемом положении должна писаться буква того гласного звука, который произносится в той же значащей части слова (в том же корне, в той же приставке, в том же суффиксе, в том же окончании), когда эта часть слова находится под ударением. Это одно из тех основных правил, в котором находит свое выражение морфологический принцип современного русского правописания.

Если все же принято говорить о правилах правописания неударяемых гласных, то при этом имеют в виду: 1) приемы установления того, какой именно звук произносится под ударением в тех случаях, когда выяснение этого важного вопроса связано с известными трудностями; 2) случаи неприменения морфологического принципа (хотя применение его в этих случаях было бы возможно); 3) случаи невозможности применения морфологического принципа.

Следует иметь в виду, что практически затруднения в области обозначения неударяемых гласных касаются преимущественно гласных *о — а* после твердых согласных, гласных *о — е* после шипящих и *ц*, гласных *я* (после шипящих *а*) —*е—и* после мягких согласных и после „йота“. Только в немногих случаях могут возникать сомнения при выборе одной из двух гласных: *о—ы, у—ы* после твердых согласных и, соответственно, *ю — и* — после мягких согласных.

Необходимо сразу же, чтобы далее не возвращаться к этому вопросу, предупредить, что в русском языке имеется довольно много слов с неударяемыми корневыми гласными, никогда не оказывающимися под ударением. В отношении небольшой части таких слов может оказать помощь знание их этимологического состава (например, полногласие в таких

словах, как *корова, солома*, морфологический состав таких заимствованных слов, как *форпост, президиум, комбайн* и т. п.), однако знание этого доступно далеко не всем пишущим. К тому же для многих слов этой категории установилось написание, не соответствующее их этимологии, например: *паром, каравай, полымя* (должно бы быть „пором", „коровай", „поломя"). Вот почему для слов, в которых неударяемый гласный не может быть поставлен под ударение, правил в нашей орфографии нет; для установления правильного написания слов этой категории приходится обращаться за справкой к орфографическому словарю.

Что касается тех случаев, когда возможна и необходима постановка соответствующего гласного под ударением, то относительно их должен быть сделан ряд существенных замечаний.

Неударяемые гласные в корнях

§ 41. В корнях слов сопоставление гласных в ударяемом и неударяемом положениях в некоторых случаях затрудняется тем, что под ударением может оказаться не один гласный, а — в различных образованиях — различные гласные, и тогда пишущий оказывается перед необходимостью выбирать один из возможных вариантов, часто не зная, на каких основаниях. С подобным случаем мы уже столкнулись ранее при рассмотрении вопроса о написании *о* (*ё*) и *е* после шипящих (*жена́* — при *жёны* и *же́нский*, *шепта́ть* — при *шо́пот* и *ше́пчет* и т. п.). Затруднения такого же рода возникают при написании слова *заря́* (ср. от того же корня *зо́рька, зо́ри* и *за́рево, лучеза́рный*), *расти́* (ср. *рост, подро́сток* и *выра́щивать*), *вы́равнять* (ср. *ро́вный* и *ра́вный*), *горе́ть* (под ударением всегда *а*: *гарь, зага́р*) и нек. др. Сюда же относятся и корни глаголов *полага́ть* (ср. *поло́жим*), *скака́ть* (ср. *вско́чит* и *ска́чет*), *клони́ться* (ср. *покло́нится* и *кла́няться*) и нек. др.

Все эти и некоторые им подобные случаи, которые могут показаться на первый взгляд однородными, на самом деле неодинаковы. Иногда мы имеем дело с несомненно различными по значению в современном русском языке корнями; таковы: *ровня́ть* — „делать ровным, прямым" (корень *ровн-*) и *равня́ть* — „делать равным, приравнивать" (корень *равн-*). В форме несовершенного вида с суффиксом *ива* оба глагола совпадут и будут иметь в корневой части ударяемое *а*: *сра́внивать, подра́внивать* (ср. *смотре́ть* — *высма́тривать, лома́ть* — *выла́мывать* и *ката́ть* — *прока́-*

тывать, бранить — побранивать). Правда, этот случай (*равнять — ровнять*) среди всех здесь рассматриваемых — единственный, во всех остальных значения корней одинаковы. Так что если *равнять* и *ровнять* целиком подходят под общее правило, то все остальные случаи должны быть расценены по-иному. Так, варианты *зор- — зар-* отражают уже почти исчезнувшие различные оттенки значений, бывших, очевидно, более ощутимыми в древнерусском языке (образования с корнем *зор-* и сейчас еще кажутся менее книжными, нежели образования с корнем *зар-*, ср. *лучезáрный, светозáрный*, а также употребление слова *заря* в переносном значении, например: „на заре жизни", „заря счастья" и т. п.) Варианты *рост- — раст-* ведут свое начало первый — от исконной русской лексики, второй — от старославянской. Никаких серьезных доводов в пользу сохранения второго из этих вариантов в современном русском языке привести нельзя, так как *раст-* под ударением не встречается. То, что в несовершенном виде с суффиксом *ив* произносится под ударением *а* (*выращивал, отращивал*), ни в какой мере не означает, что во всех других образованиях должно писаться *а:* как уже было только что показано на глаголах *смотреть* и *ломать*, корневое *о* чередуется с ударяемым *а* в приведенном типе несовершенного вида. Поэтому написание *а* в *расти, растение, отрасль* и т. п. приходится рассматривать как укрепившееся в нашем правописании ничем не оправдываемое нарушение основного орфографического принципа, к тому же и не выдерживаемое до конца, так как наряду с *растéние* мы пишем *ростóк* (в обоих словах первый слог неударяем), а наряду с *пóросль, зáросль* пишем *óтрасль* (во всех трех словах второй слог неударяем). Было бы вполне последовательно, если бы в образованиях от данного корня писалось *а* только в тех словах, в которых этот гласный находится в ударяемом слоге, во всех же остальных писалось бы *о* („рости" „ростение", „возрост", „произростать", „отросль" и т. п.).

Что касается двойственности написаний глагольных основ в словах типа *полагáть — положúть, касáться — коснýться, скакáть—подскочúть, клáняться—поклонúться, макáть—мочúть*, то исторически она объясняется принадлежностью этих основ к различным видам (несовершенному и совершенному) или подвидам (несовершенному с оттенком длительности и без этого оттенка). На этом основании в более старые эпохи существовали написания *раждáть*, ср. *родúть, гарáть*, ср. *горéть* и т. п. В настоящее время в одних глагольных парах, как видно из приведенных примеров, указанное различие сохраняется, причем в некоторых поддержи-

вается соответствующими образованиями с ударением как на *а*, так и на *о*, например: *скáчет—вскóчит*, *кла́няется — поклóнится*, в остальных же не поддерживается: в глаголах *полагáть*, *касáться* корневое *а* никогда ударяемым не бывает. Но есть глаголы того же типа, в которых на письме всегда видим *о*, например: *рождáть—родúть*. Наконец, есть и такие случаи, когда в глагольных формах пишется всегда *о*, а в соответствующих отглагольных существительных на корневой гласный *а* падает ударение и он обозначается буквой *а* (*сгорáть — горéть*, ср. *гарь*, *загáр*, *нагáр*).

Таким образом, вся эта группа глаголов и производных от них слов дает чрезвычайно пеструю орфографическую картину. Подвести какое-нибудь единое теоретическое основание под эту пестроту невозможно. В практике обучения правописанию обычно выделяются в одну группу образования с гласным *а* (*я*) после корня (в таких глаголах корневая часть пишется с *а*) и в другую группу образования без такого гласного (и пишущиеся с *о* в корне): *полагáть*, *предлагáть*, *слагáть*, *безотлагáтельно*, *касáться*, *прикасáться*, *макáть*, но: *заложúть*, *предложéние*, *сложéние*, *прикоснýться*, *прикосновéние*, *мочить* и т. п. Но это — чисто практический прием, не вскрывающий по-настоящему сути дела, да и прием не вполне обеспечивающий правильное написание всех без исключения образований, ср., например, *поклоня́ться*, *намокáть*, которые пишутся с *о*, хотя в соответствии с указанным правилом, как имеющие после корня *а* (*я*), они должны были бы писаться с *а* в корне. Относительно существительных с корнем *гар-* —*гор-* приходится руководствоваться при письме особым правилом: слова, имеющие в своем составе после корня гласный *е*, пишутся с *о* (*горéние*, *горéлка*), не имеющие этого гласного пишутся с *а* (*úзгарь*, *прúгарь*, *вы́гарки*).

В известной степени к рассматриваемой категории слов примыкают также образования от вариантов глагольного корня *плав-* — *плыв-* — *плов-*. В самых глаголах написания с *а*—*ы* различаются на слух (*плáваю—плывý*), трудности же возникают относительно именных образований, где мы встречаемся с тремя гласными в неударяемой корневой части: *поплавóк*, *плавнúк*, *сплавнóй* (с *а*), *пловéц*, *пловýчий* (с *о*), *плывуны́*— сырой грунт, обильный водой (с *ы*). О написании образований этого рода приходится справляться в орфографическом словаре.

§ 42. Выбор букв *я*—*е*—*и* в неударяемых слогах корней слов в подавляющем большинстве случаев решается методом

постановки соответствующего слога под ударение. Этот прием наглядно подтверждается такими сопоставлениями, как *посвятить* и *посветить* (*святость* и *свет*), *разрядить* и *разредить* (*разрядка* и *редкий*), *спеши* и *спиши* (*спешка* и *спишешь*) и т. п.

Особые случаи, требующие некоторых дополнительных приемов распознавания:

а) Чередование неударяемого *и* с большей частью неударяемым *е* в глагольных основах типа *постилаю—постелю*, *избираю—изберу*. Сюда относятся такие глаголы, у которых один вариант основы (с *и*) употребляется всегда с приставкой и имеет после корня гласный звук *а*: *постилать* (*расстилать*, *выстилать* и т. п.), *зажигать* (*поджигать* и т. п.), *разбирать* (*набирать*, *отбирать* и т. п.), *раздирать* (*выдирать* и т. п.), *отпирать* (*напирать* и т. п.), *считать*[1] (*вычитать* и т. п.), а другой вариант содержит в корневой части беглый гласный, исчезающий у одних глаголов в основах прошедшего времени (*разостлал*, *собрал*, *разобрал*, но: *расстелю*, *соберу*, *разделю*), у других — в основах настоящего времени (*отопру*, *протру*, *умру*, *зажгу*, *вычту*, но: *отпер*, *протёр*, *умер*, *зажёг*, *вычел*). Глаголы как с первым, так и со вторым вариантом основы дают образования с ударением на корневом гласном, и эти образования, конечно, могут быть использованы для установления правильного обозначения на письме гласного при безударности последнего, например: *подстилать—подстилка*, *придираться—придирка*, *притирать—притирка*, *вычитать—вычитывать*.

б) Чередование *и* и *е* в корневой части глаголов *сидеть—сесть*, *блистать—блестеть*. В первой паре буква *и* в *сидеть* легко выясняется из таких слов, как *сидя*, *сидень* (ср. „*сиднем* сидеть“). Во второй паре приходится опираться на личные формы: *блестеть* имеет личные формы *блещешь*, *блещет* и т. д. (преимущественно в значении „выделяться какими-нибудь качествами“, например: „*блещет* умом“), где ударение падает на корневую часть слова; *блистать* дает личные формы *блистаю*, *блистает* и т. д., и здесь всюду пишется *и*.

Неударяемые гласные в приставках

§ 43. В приставках также осуществляется принцип обозначения неударяемого гласного звука в соответствии с тем,

[1] Хотя у глагола *считать* значение приставки *с* не сознается (ср. *сдирать*, *стирать* и т. п.), однако она все же выделяется на основании сопоставления данного глагола с образованными от того же корня глаголами *вычитать*, *учитывать* и т. п.

какая гласная буква пишется, когда данный слог бывает под ударением. Таким образом, никаких особых трудностей здесь возникать не должно. Отдельные затруднения однакоже возможны.

а) В отношении ряда слов может идти речь о наличии в них приставки только с точки зрения этимологической. Таковы, например, слова *востóк*, *воспитáние*, *отворúть*, *обязáть*, *облéчь*, *разорúть*, *водрузúть*, *предмéт*, *надоéсть*, *нарóд*, *охóта*, *побéда*, *погóда*, *подóбный* и мн. др. Но выяснение этимологии слова без достаточных филологических познаний и при отсутствии соответствующей справочной литературы недоступно большинству пишущих. Поэтому во всех случаях сомнений относительно написания гласного в первом слоге подобных слов приходится обращаться к орфографическому словарю.

б) Встречаются случаи, когда наличие приставки несомненно, но неясно, какая из двух возможных приставок содержится в данном слове.

Сюда относится трудный вопрос о различении неударяемых приставок *пре* и *при*. Прежде всего необходимо иметь в виду, что во многих употребляемых в русском литературном языке словах имеется иноязычная (латинская или французская) приставка *пре*. Таковы слова *презúдиум*, *прелиминáрный*, *прелюдия*, *препарáт*, *прерогатúва*, *претéнзия*, *преферáнс*, *прецедéнт* и т. п. Иноязычной приставки *при* нет, поэтому в словах иноязычного происхождения может писаться только *пре*. Что касается русских приставок *пре* и *при*, то они достаточно резко различаются по тем значениям, которые ими вносятся в образуемые при помощи их слова. Следует помнить, что приставка *пре* является по происхождению неполногласным вариантом приставки *пере* (ср. *чрез—через*, *пред—перед*) и в настоящее время принадлежит к числу малопродуктивных. Поэтому слова с приставкой *пре* отличаются книжным характером, к некоторым из них существуют русские параллели, полностью или частично совпадающие с ними по значению, например: *претерпéть—перетерпéть*, *прервáть—перервáть* (ср. *перерыв*), *преступúть* (*преступлéние*)—*переступúть*, *преставáть* (ср. у Пушкина: „Свой пистолет тогда Евгений, не *преставая* наступать, стал первый тихо поднимать“)—*переставáть*. Архаическим характером приставки *пре* и объясняется то, что значения, ею вносимые, далеко не всегда так отчетливо сознаются в слове, как значения, вносимые приставкой *при*. Важнейшие значения последней: а) пространственная близость, смежность, добавление (*придвúнуть*, *пристрóить*, *придáть*, *приписáть*, *присмотрéть*, *прибрéжный*, *приозéрье*, *привéсок*, *приплáта*);

б) совершение действия в направлении или в интересах кого-нибудь (*приберéчь*, *припрятать*); в) полнота, исчерпанность действия (*прикóнчить*, *придýмать*, *приобрести́*); г) совершение действия не в полном объеме или на ограниченный срок (*приоткры́ть*, *приспусти́ть*, *призадýматься*, *приостанови́ть*, *приумóлкнуть*). Важнейшие значения приставки *пре*: а) у прилагательных — высшая степень качества (*преспокóйный*, *премýдрый*, *препроти́вный*; то же у немногих глаголов: *преуспевáть*, *превозноси́ть*, *преисполня́ть*); б) значение, сходное с тем, которое вносится приставкой *пере* (*прервáть*, ср. *перервáть*; *пресéчь*, ср. *пересéчь*; *препоручи́ть*, ср. *перепоручи́ть*). Значение приставки *пре*, указанное в п. *а*, можно вскрыть, но уже с некоторым усилием, в таких словах, как *превосходи́ть*, *пренебрегáть*, *прекрáсный* (старое значение слова *красный*—„красивый", ср. *красная девица*, *лето красное*), *преимýщество*; значение, указанное в п. *б*, — в таких словах, как *преéмник* (тот, кто перенимает), *превращáть*, *препровождáть*, *преходя́щий*. Но во многих словах с этой приставкой ни одно, ни другое значение в настоящее время уже не сознаются, и в сущности такие слова для современного русского языка являются бесприставочными. Таковы, например: *пребывáть* (в значении „находиться"), *прегрешéние*, *предéл*, *презирáть*, *преклони́ть* (ср. „*преклонить* колена"), *преми́нуть*, *препинáние* (ср. „знаки *препинания*"), *препя́тствие*, *преслéдовать*, *пресмыкáться*. Реже бывает неясным значение, вносимое приставкой *при*, однако такие случаи также встречаются, например слова: *прибрáть* в значении „убрать", „навести порядок" (ср. „*прибрать* в комнате"), *прибóр*, *привéт*, *прикáзывать*, *прирóда*, *притворя́ться*. Все это делает правописание приставок *пре* и *при* довольно сложным, требующим во многих случаях серьезного размышления по поводу значения слова, а нередко и обращения за справкой к орфографическому словарю.

Неударяемые гласные в суффиксах

§ 44. Больше всего трудностей в обозначении неударяемых гласных встречается при написании суффиксов. Как известно, русский язык отличается исключительным богатством и многообразием суффиксов. Все знаменательные части речи, кроме местоимений и числительных, имеют десятки суффиксов с различными и большей частью очень тонкими оттенками значений. Многие неударяемые суффиксы близки между собой по произношению, но различны на письме (например: *ек* и *ик* у существительных, *ова* и *ыва* у глаголов

и др.) Далеко не ко всем суффиксам с неударяемыми гласными имеются соответствующие дублеты с гласными ударяемыми. Вот почему, несмотря на то, что общее правило об обозначении неударяемых гласных теми же буквами, какими обозначаются соответствующие ударяемые гласные, полностью относится и к суффиксам, правописание последних требует ряда дополнительных разъяснений.

Суффиксы имен существительных

§ 45. Единое написание *ок*, *очк* с *о* как в ударяемых, так и в неударяемых суффиксах не выдерживается, когда неударяемому суффиксу предшествует шипящий, например: мужской род — *свисто́к*, *лесо́к*, *сапожо́к*, *ремешо́к*, *пучо́к*, так же *сни́мок*, *приго́рок*, но: *поро́жек*, *око́лышек*, *замо́чек*; женский род (суффикс обычно неударяем) — *ле́нточка*, *су́мочка*, *ды́рочка*, но: *кни́жечка*, *кро́шечка*, *па́чечка*.

Различение неударяемых суффиксов *ек* и *ик* обычно основывается на беглости гласного в первом и постоянстве гласного во втором (*овра́жек—овра́жка* и *но́жик—но́жика*). Это — чисто практический прием для различения гласной буквы в суффиксе. Основанием для этого различения является то, что суффикс *ек* есть графический вариант неударяемого суффикса *ок* после шипящих (ср. *творожо́к — овражек*, *стишо́к—околышек*, *кулачо́к—замочек*), суффикс же *ик* является с точки зрения ударяемости непарным, так как в современном языке он под ударением не бывает (в такие образования, как *стари́к* от *ста́рый*, *боеви́к* от *боево́й*, *лесни́к* от *лесно́й* и т. п. суффикс *ик* вносит значение лица, выше же речь шла о суффиксе *ик*, вносящем значение уменьшительности).

Заслуживает внимания вопрос о суффиксе *чик* в таких словах, как *стака́нчик*, *ла́рчик*, нередко сопоставляемом с *чек* в таких словах, как *замо́чек*, *уголо́чек*. Суффикс *чик* по происхождению своему является результатом слияния суффикса *ц* (точнее — *ьць*) с суффиксом *ик*; при этом на месте *ц* появляется *ч*, например: *стакан-ьць+ик — стакан-(ь)ч-ик*, *лар-ьць+ик—лар-(ь)ч-ик*, *трактир-ьць+ик—трактир-(ь)ч-ик*. В таких образованиях, как *трактирчик*, вследствие утраты уменьшительных форм типа *трактирец*, выделился как цельный суффикс *чик*, который затем стал прибавляться, внося значение уменьшительности, к основам, оканчивающимся на сонорные согласные (*м*, *н*, *л*, *р*), например: *костю́м-чик*, *стака́н-чик*, *вокза́ль-чик*, *база́р-чик*. Суффикса *чек* вообще не существует,

отделение этого слога в таких словах, как *замо́чек, уголо́чек*, производимое в школьном преподавании при объяснении правописания суффиксов существительных, вовсе не означает, что здесь суффикс *чек*. В этих и им подобных существительных — суффикс *ек* (старый суффикс *ьк*) после шипящих (*замок-ьк—замоч-ьк*), либо сложный суффикс *очек*, образовавшийся в результате слияния суффикса *ок* с суффиксом *ьк* с заменой *к* в первом из них звуком *ч*, обычной в подобных случаях (*угол—уголо́к, угол-о́ч-ек, лист—лист-о́к, лист-о́ч-ек*).

§ 46. С явлением беглости гласного связано также различение неударяемых суффиксов *ец* и *иц*. В первом из них, когда он входит в состав существительных мужского рода, гласный всегда беглый (*ста́рец—ста́рца, гости́нец—гости́нца, европе́ец—европе́йца*); во втором, обычно служащем для образования существительных женского рода, гласный является постоянным (*ле́стница, гололе́дица, упря́мица, лу́жица*). Суффикс *иц* служит также для образования уменьшительных существительных среднего рода, причем ударение в таких словах всегда на корневой части слова, например: *кре́слице, ма́слице, пла́тьице, име́ньице*. В очень редких случаях встречаем в образованиях от существительных среднего рода, имеющих ударение на окончании, наряду с суффиксом *ц* (*вино́—винцо́, село́—сельцо́, седло́—седе́льце*), суффикс *ец* (*письмо́—письмецо́, копьё—копьецо́, ружьё—ружьецо́, серебро́—серебрецо́, дупло́—дуплецо́*).

Неударяемому суффиксу существительных женского рода *очк* соответствует на письме после мягких согласных и после шипящих суффикс *ечк* (*де́вочка, ла́мпочка, пи́лочка*, но: *ня́нечка, ко́ечка, кру́жечка, кры́шечка, пе́чечка*). Тот же суффикс свойствен некоторым уменьшительным существительным среднего рода (*луко́шко—луко́шечко, се́мя—се́мечко*). На этом же основании следует считать правильным соответствие суффиксов *очк* и *ечк* и в именах собственных, оканчивающихся на *а* (*Ве́рочка, Ли́почка, Ле́ночка*, но: *Со́нечка, О́лечка, Ва́нечка, Ко́лечка, Зо́ечка, Са́шечка, Гри́шечка*). Суффикс *ичк*, ранее довольно широко распространенный на письме в таких образованиях, здесь ничем не может быть обоснован. Единственно, где пишется суффикс *ичк*, — это в таких существительных женского рода, которые уже содержат суффикс *иц* и принимают в свой состав дополнительно уменьшительный суффикс *к* (при этом *ц* заменяется звуком *ч*), например: *ле́стница—ле́стничка, у́лица—у́личка, частица—частичка*.

§ 47. Такое же соответствие, какое установлено между суффиксами *очк* и *ечк*, существует и между неударяемыми уменьшительными суффиксами *оньк* и *еньк:* первый пишется после конечного твердого согласного основы, второй — после мягкого, а также после „йота“ и после шипящих, например: *шу́ба—шу́бонька, берёза—берёзонька, ки́са—ки́сонька, ба́ба—ба́бонька*, но: *тётя—тётенька, душа́—ду́шенька, дочь—до́ченька*. То же и в именах собственных, например: *Ве́ра — Ве́ронька, Лю́ба — Лю́бонька*, но: *О́ля — О́ленька, На́дя—На́денька, Зо́я—Зо́енька, Са́ша—Са́шенька*. Необходимо добавить, что у некоторых существительных с губным согласным в конце основы возможен, наряду с твердым, также и мягкий вариант основы, поэтому образуемые от них уменьшительные формы могут соответственно писаться также с суффиксом *еньк*, например: наряду с *ма́монька* (с диалектным оттенком) известно обычно употребляемое в литературном языке *ма́менька;* то же — *па́понька* и *па́пенька, ба́бонька* и *ба́бенька, Лю́бонька* и *Лю́бенька*. Вопрос о написании *о* или *е* в суффиксе в таких случаях зависит от произношения, свойственного пишущему.

Примечание. До самого последнего времени в написании неударяемых суффиксов *оньк—еньк* не установилось еще полной последовательности. С одной стороны, встречаются написания *аньк* (*ли́санька, Ли́занька*) и даже *ыньк* (обычно в словах, носящих черты фольклорной лексики, например: *поло́сынька, ко́сыньки*). С другой стороны, после мягких и после шипящих можно встретить написания *иньк*, например: *Ка́тинька, Лю́синька, Ма́рфинька, Зо́инька, Ма́шинька* и т. п. Никаких оснований для таких написаний привести невозможно. Ясно, что чем скорее здесь будет устранен разнобой, тем лучше будут чувствовать себя и пишущие и читающие. Очень упорно держатся в нашей письменной традиции написания с суффиксом *иньк* в словах *заинька* и *баиньки*. Первое из этих слов, несомненно, представляет собой уменьшительное образование от „детского“ существительного „*зая*“ (откуда *зайка*) и безусловно должно писаться с *е* (*заенька*)[1]. Слово *баиньки* является не чем иным, как уменьшительно-ласкательным образованием с субстантивным суффиксом (от глагольной основы *бай-*), получившим значение „усыпляющего“ слова. При обращении к маленьким детям уменьшительно-ласкательные суффиксы существительных иногда прибавляются и к другим глагольным основам, например: „пора *спатеньки*“, „надо *вставатеньки*“ и т. д. Следовательно, нужно было бы писать не *баиньки*, а „баеньки“.

§ 48. С только что рассмотренными суффиксами могут казаться внешне сходными (прежде всего в произношении)

[1] Показательно, что в Академическом словаре, выходившем под редакцией А. А. Шахматова, к слову *заяц* дается уменьшительное *заенька* (с суффиксом *еньк*). (Т. II, вып. 4, стр. 1048, СПб., 1900.) Такое же написание — у Грота, см. его „Русское правописание“, изд. 18-е, 1908 („Справочный указатель“, стр. XII, в скобках при слове „заяц“).

неударяемые суффиксы *енк* и *инк*. То существенное различие, которое связано с мягкостью согласного *н* в суффиксе *еньк* и твердостью его в *енк* и *инк*, не так уж резко проявляется в устной речи и в еще меньшей степени улавливается многими на слух, тем более что довольно распространенным является произношение „вишенька", „басенька", а в словах *кухонька*, *барышенька*, *деревенька* мягкость *н* даже закреплена особым орфографическим правилом, требующим написания в них (в соответствии с формами р. п. мн. ч. *кухонь*, *деревень*, *барышень*) буквы *ь*. Между тем характер суффиксов *енк* и *инк*, с одной стороны, и *еньк* — с другой — совершенно различен. В то время как *еньк* полностью и как цельный суффикс прибавляется к основе существительных на *-а* (*-я*), суффиксы *енк* и *инк* являются сложными, образующимися в результате слияния суффикса (*ен* или *ин*), который принадлежит существительному и вовсе не служит для придания слову какого-либо эмоционального оттенка, со специальным уменьшительным суффиксом *к*, ср. *песня* — *песен* — *песен-к-а*, *солом-ин-а* — *солом-ин-к-а*. Больше того: самое выделение в словах типа *песня* — *песен* суффикса *ен* носит чисто условный характер, потому что такого суффикса в существительных данного типа нет. Существительное *песня* явилось первоначально разговорным вариантом книжного *песнь* (ср. диалектные „жизня" при *жизнь*, „болезня" при *болезнь* и т. п.); таким образом, для выделения суффикса *ен* в словах *песнь* и *песня* оснований нет. То же можно сказать о существительном *басня* (старая форма *баснь*), образовавшемся посредством того же суффикса, что и *песня* — *песнь*, от глагольной основы *ба-* (*бай-*) — „говорить", „толковать", ср. старое *бахарь* — „сказитель", совр. *краснобай*, диалектное *байка* — „короткая сказочка", „басенка". Еще меньше оснований для выделения суффикса *ен* в существительных *вишня*, *башня*, *черешня*, *пешня* (тяжелый лом на деревянной рукоятке). Но ряд других существительных с суффиксом *н*, обозначающих помещение, в котором совершают то или иное действие или которое связано с каким-либо предметом как субъектом или объектом действия, например: *спальня*, *раздевальня*, *читальня*, *молельня*, *кумирня*, *кофейня*, устарелое *поварня*, действительно содержит суффикс *ен* (ср. основу р. п. мн. ч. *спален*, *раздевален* и т. п.)[1]. Приблизительно то же оказывается в существительных типа *соломинка*: из суффикса *ин*, вносящего значение единичности, и суффикса *к*, вносящего зна-

[1] Совсем неосновательно выделять суффикс *енк* в существительном *сóсенка*, уменьш. к *сосна*, так как *ен* и *н* принадлежат здесь корню. То же в *поженка*, уменьш. к *пожня*, в котором корень — *жн*, ср. *жну*, *жнешь* и т. д., а также в некоторых других подобных существительных.

чение уменьшительности, образуется в результате их слияния сложный суффикс *инк*. Но этот суффикс имеет и ударяемый вариант — поэтому написание с *и* таких существительных, как *соло́минка, сква́жинка, цара́пинка, кра́пинка, ме́тинка*, должно опираться на такие существительные, как *крупи́нка, сори́нка, песчи́нка, снежи́нка* и т. п., в которых *инк* находится под ударением и потому не вызывает сомнений со стороны написания.

§ 49. Есть небольшое число существительных женского рода, большей частью обозначающих лиц женского пола, в которых неударяемый суффикс *енк* не имеет ударяемого варианта, почему написание этого суффикса должно быть усвоено догматически. Это слова: *францу́женка, черке́шенка, ни́щенка, не́женка*, разговорное *мона́шенка*. Сюда же примыкает *ле́сенка*. Объяснение природы данного суффикса можно дать, если ввести существительные, обозначающие лиц женского пола, в более широкий круг существительных со значением лица, образуемых посредством суффиксов *енец — енк-а*, например: *переселе́нец — переселе́нка, новоселе́нец — новоселе́нка, бе́женец — бе́женка, ополче́нец, просвеще́нец, снабже́нец, отщепенец* и т. п. (такого же типа и образования на *-анец — -анка* и на *-инец — -инка*, например: *америка́нец — америка́нка, африка́нец — африка́нка, лезги́нец — лезги́нка, хиви́нец — хиви́нка, пехоти́нец* и т. п. Как это обычно бывает в таких случаях, сложный суффикс (*ен+ец, ен+к* и т. п.) начинает сознаваться как цельный и, будучи отвлекаем от тех образований, в которых он первоначально участвовал своими составными элементами, вводится в состав новых образований как нечленимая морфема. Так, надо полагать, и образовались существительные *француженка, черкешенка, монашенка*. Суффикс *ен* в существительном *нищенка* связан с тем же суффиксом в прилагательном *нищенский* и в существительном *нищенство* (ср. образованный от основы последнего глагол *нищенствовать*). В существительном *неженка*, образованном от прилагательного *нежный* (вариант основы — в краткой форме *нежен*), сохраняется суффикс *ен*. Что касается слова *лесенка*, то первая часть его основы *лесен-* — та же, что в *лестница* (*лестн-*), где *т*, как смычный, средний в группе из трех согласных, исчез и поэтому не сохранился в уменьшительном образовании. Все приведенные соображения, которыми можно объяснить написание с *е* суффикса в рассматриваемых здесь существительных, не могут, конечно, быть известны всем без исключения пишущим, что и делает необходимым з а п о м н и т ь правописание этих слов.

§ 50. Довольно сложным является вопрос об уменьшительных существительных с неударяемыми суффиксами *ушк* (*юшк*), с одной стороны, и *ышк* (*ишк*) — с другой. Сюда же примыкают единичные существительные мужского рода с близкими по характеру суффиксами *ушек*, *ышек*, *ешек* (в основах косвенных падежей, в результате выпадения *е*, получаются суффиксы *ушк*, *ышк*, *ешк*). Гласные звуки *у* и *ы*, *и*, отчетливо различающиеся в ударяемых слогах, в какой-то мере сближаются по произношению в слогах неударяемых, в особенности же после мягких согласных (ср. *си́лушка — кры́лышко*, *сва́тьюшка — пла́тьишко*), так что полагаться на слух при написании существительных с рассматриваемыми суффиксами нецелесообразно (к тому же и окончания существительных, как находящиеся в послеударном слоге, всегда совпадают в произношении). В основу различения этих суффиксов необходимо положить грамматические формы существительных. В образованиях на *-а* (*-я*) как женского, так и мужского рода пишется суффикс *ушк* (*юшк*), например: *ба́бушка*, *ма́тушка*, *голу́бушка*, *коро́вушка*, *лоша́душка*, *во́люшка*, *зо́рюшка*, *де́душка*, *ба́тюшка*, *соло́вушка*, *скво́рушка*. Это написание опирается на соответствующие образования с ударяемыми суффиксами: *избу́шка*, *дереву́шка*, *речу́шка*, *дочу́шка*, *зверю́шка*, ср. также имена собственные уменьшительно-пренебрежительные: *Мавру́шка*, *Лиду́шка*, *Катю́шка*, *Надю́шка* и т. п. В уменьшительных образованиях от существительных среднего рода на *-о*, а также от слова *солнце* пишется суффикс *ышк*, например: *крыло́ — кры́лышко*, *перо́ — пёрышко*, *гнездо́ — гнёздышко*, *зерно́ — зёрнышко*, *со́лнце — со́лнышко* (от основы *солн-*); в таких же образованиях от немногочисленных существительных среднего рода на *-е* (не на *-ье*) — суффикс *юшк* (*го́ре — го́рюшко*, *по́ле — по́люшко*, *мо́ре — мо́рюшко*). Для придания существительным всех трех родов пренебрежительного оттенка в них вводится суффикс *ишк*, например: *актёр — актёришка*, *забо́р — забо́ришко*, *сара́й — сара́ишко*, *шине́ль — шине́лишка*, *пла́тье — пла́тьишко*. Эти образования опираются на ударяемый вариант, ср. *вор — вори́шка*, *дом — доми́шко*, *земля — земли́шка*, *пальто́ — пальти́шко*.

Особое место занимают немногочисленные существительные мужского рода, содержащие в образованиях с уменьшительным значением неударяемые суффиксы *ушек*, *ышек*, *ешек*, причем некоторые из этих существительных могут употребляться с двумя из перечисленных суффиксов: *хле́бушек*, *кра́ешек*, *ка́тышек*, *ко́лышек*, *воро́бушек* и *воро́бышек*, *ка́мушек* и *ка́мешек* и нек. др. Правописание этих существительных следует запомнить.

Суффиксы имен прилагательных и причастий

§ 51. Из множества суффиксов прилагательных здесь будут рассмотрены лишь те, которые вызывают какие-либо затруднения и неясности с точки зрения основного принципа нашего правописания. В тех случаях, когда от основ прилагательных образуются наречия, соответствующие замечания будут относиться и к последним.

Суффиксы прилагательных, включающие в свой состав согласный *н*, могут иметь перед *н* различные гласные, которые, будучи неударяемыми, часто не различаются в произношении.

Многие прилагательные, образованные от существительных, имеют одни суффиксы *ан* (*ян*), другие — суффикс *енн*. Обосновать теоретически то или иное написание не представляется возможным. Различие между рассматриваемыми двумя суффиксами, как видно из их обозначения, состоит не только в гласных, но и в том, что первый из них пишется с одним *н*, а второй — с двумя. Но известно, что в более старые эпохи писали два *н* и при *а* (*я*)[1]. Двоякое написание (правда, в связи с различными оттенками значения) существует для некоторых прилагательных и в настоящее время (*ма́сляный* и *ма́сленый*, *ве́тряный* и *ве́треный*). Все это способствует некоторой неопределенности и неустойчивости правописания этих суффиксов.

Отчетливо выделяется группа прилагательных с ударением на основе, которые образуются от именных основ, оканчивающихся двумя или несколькими согласными. Такие прилагательные имеют суффикс *енн*, например: *клю́кв-енн-ый*, *о́сп-енн-ый*, *моли́тв-енн-ый*, *же́ртв-енн-ый*, *де́вств-енн-ый*, *ро́дств-енн-ый*, *мы́сл-енн-ый*, *вну́тр-енн-ий*, *боле́зн-енн-ый*, *жи́зн-енн-ый*. Если у прилагательных ударение на окончании, то они, независимо от характера именной основы, имеют суффикс *ан* (*ян*), например: *ржано́й*, *вощано́й*, *жестяно́й*, *костяно́й*, *нефтяно́й*, *земляно́й*, *водяно́й*, *травяно́й*, *крупяно́й*, *лубяно́й*, *платяно́й*, *торфяно́й*, *слюдяно́й*. Все остальные прилагательные с ударением на основе, образованные от именных основ, также имеют суффикс *ан* (*ян*), например: *ко́жаный*, *гли́няный*, *ни́тяный*.

Особо следует сказать о некоторых прилагательных, составляющих исключение из изложенного правила. Прилагательное

---

[1] См. у Грота: «Прежде писали также: „серебрянный, кожанный“, нынче же пишут правильнее: *серебряный*, *кожаный*, как *конопляный*, *глиняный*, *нитяный*, *жестяной* и пр.» („Русское правописание“, изд. 18-е, 1908, стр. 73).

солóменный должно было бы писаться с суффиксом *ян*, а пишется с *енн*. Прилагательные *серéбряный*, *мáсляный*, *вéтреный* и *вéтряный* (*ветряная* оспа, мельница), как образованные от основ существительных с двумя согласными на конце (*серебр-*, *масл-*, *ветр-*), должны были бы иметь суффикс *енн*. Глагола *ветрить* в наше время нет. Грот считал прилагательное *ветреный* (которое он предлагал писать с *одним н*) образованным от существительного[1], с чем, конечно, нужно согласиться. Но в таком случае следовало бы признать достаточным одно только образование, *именно* с суффиксом *енн* (*ветренный*), который должен быть у этого прилагательного, как образованного от основы существительного, оканчивающейся двумя согласными.

Необходимо пояснить словообразовательный состав таких прилагательных, как *временный*. Суффиксом, посредством которого образованы прилагательные этого типа, является *н*; самые же прилагательные образованы от основ косвенных падежей существительных на *-мя* (*время* — *врем-ен-и* и т. п.). Еще примеры: *семеннóй*, *племеннóй*, *именнóй*; так же объясняется *енн* в прилагательном *пúсьменный*, ср. *письмен-а* (буквы). В русском языке есть небольшое число прилагательных, имеющих перед суффиксом *н* звук *й*, например: *спокóйный*, *знóйный*. В кратких формах перед *н* появляется *е*: *спокóен*, *знóен*, *бýен*, *прямолинéен*, *стрóен*. Исключение составляет прилагательное *достóйный*, краткая форма которого пишется с *и*: *достóин*.

§ 52. Один из самых трудных разделов правописания составляют прилагательные со сложными неударяемыми суффиксами *инск* и *енск* (второй элемент этих сложных суффиксов — *ск*). Как и в ряде других случаев, сложный суффикс с течением времени перестал сознаваться как двухэлементный и начал вводиться в новые образования как цельная морфема. Первоначальный состав суффиксов, о которых идет речь, заключал в себе притяжательный суффикс *ин* в соединении со вторым суффиксом *ск*.

Первая часть сложного суффикса *ин*+*ск* может быть как ударяемой, так и неударяемой в зависимости от места ударения в существительном, от которого образуется прилагательное, например: г. *Осá* — *Осúнский* (район), г. *Бугульмá* — *Бугульмúнский* (район), г. *Карагандá* — *Карагандúнская* (область), но: г. *Жúздра* — *Жúздринский* (район), *Никúта* —

[1] См. его замечание: „От некоторых имен могут образоваться формы обоих окончаний, напр. *ветреный* и *ветряный* . . .“ („Русское правописание“, изд. 18-е, 1908, стр. 73).

Никитинский (фамилия). Если бы при написании прилагательных рассматриваемого типа с неударяемым суффиксом строго соблюдался морфологический принцип нашего правописания, то для суффикса *енск* места не оказалось бы вовсе, так как прилагательных, в которых этот суффикс был бы ударяемым, в русском языке нет.

Однако в действительности оказалось очень много прилагательных, пишущихся с суффиксом *енск*. При этом в совершенно одинаковых по типу образованиях мы встречаем то *инск*, то *енск*. Так, например, от названий населенных пунктов, оканчивающихся на *-а* неударяемое, мы находим: *Я́лта— я́лтинский*, *Кя́хта — кя́хтинский*, *Жи́здра — жи́здринский*, *Ло́мжа — ло́мжинский*, *Ду́гна — ду́гнинский*, *Ро́нга — ро́нгинский*, *Е́льня — е́льнинский*, но: *О́хта — о́хтенский*, *Пе́нза — пе́нзенский*, *Пре́сня — пре́сненский*, *Ди́сна — ди́сненский*, *Ру́дня — ру́дненский* и т. п. Если так обстоит дело с прилагательными, образованными от существительных на *-а* (*-я*), когда первая часть сложного суффикса может быть возведена к притяжательному суффиксу *ин*, то неудивительно, что еще больше непоследовательности оказывается в группе прилагательных, образованных от существительных других типов. Так, от названий населенных пунктов на *-ый*, *-ая*, *-ое*, *-ые* находим прилагательные — с одной стороны: *гро́зненский* (от *Гро́зный*), *пречи́стенский* (от *Пречи́стое*), *раздо́льненский* (от *Раздо́льное*), *стру́го-кра́сненский* (от *Стру́ги Кра́сные*), а с другой — *глубо́кинский* (от *Глубо́кий*), *боло́тнинский* (от *Боло́тное*), *курга́нинский* (от *Курга́нная*), *ча́стинский* (от *Ча́стые*) и т. п. От существительных с другими окончаниями также образуются прилагательные то с *инск*, то с *енск*, например: *мыти́щинский* (от *Мыти́щи*), но *городи́щенский* (от *Городи́ще*), *ло́дзинский* (от *Лодзь*), но *ке́рченский* (от *Керчь*), *щу́чинский* (от *Щу́чье*), но *заре́ченский* (от *Заре́чье*), *ле́псинский* (от *Ле́псе*), но *фру́нзенский* (от *Фру́нзе*) и т. п.[1] Такое положение создалось потому, что данная область словообразования, начавшегося очень давно и продолжающегося до настоящего времени, никем не регулировалась. Читающие и пишущие издавна привыкли ко многим

---

[1] Этот разнобой особенно наглядно бросается в глаза при ознакомлении с разного рода справочными изданиями, в которых содержатся перечни районов, железнодорожных станций, морских портов, речных пристаней, а также площадей, улиц и переулков в городах. Приведенные здесь примеры написаний взяты, за единичными исключениями, из справочника „СССР. Административно-территориальное деление союзных республик“, изд. 4-е, дополненное, издательство „Известия Советов депутатов трудящихся СССР“, М., 1946.

написаниям прилагательных рассматриваемой категории, встречающимся и в учебниках географии, и в газетах, и в официальных документах и т. п. Москвичи привыкли к *пре́сненский, краснопре́сненский*, а ленинградцы к *о́хтенский* точно так, как жители Жиздры — к *жиздринский*. До некоторой степени с этим приходится считаться, но признать нормальным существующее положение никак нельзя, тем более что для образования новых названий (а это имеет место довольно часто в связи с развитием административного и экономического устройства нашей страны) безусловно требуются твердые правила, в которых были бы предусмотрены все наиболее типичные виды словообразования в данной лексической категории. Грот в свое время („Русское правописание") коснулся вопроса о правописании прилагательных с суффиксами *инск* и *енск*. Но как и во многих других случаях, он не только не предложил какого-либо усовершенствованного правила написания таких прилагательных, но даже не исчерпал всех случаев разнобоя, а лишь ограничился описанием наиболее резких из существующих расхождений, оставив читателя лицом к лицу с создавшимся трудным положением. За период, прошедший со времен Грота, количество прилагательных, о которых идет речь, выросло во много раз, а следовательно, значительно увеличились и затруднения в их написании.

Конечно, радикальное упорядочение данного вопроса должно было бы состоять в том, чтобы вовсе упразднить суффикс *енск* и во всех случаях писать *инск*. Но это привело бы к необходимости отказаться от очень многих привычных написаний: пришлось бы писать *пензинский, преснинский, фрунзинский, керчинский, городищинский* и т. п. Другой путь — по возможности установить точные правила о том, когда писать *инск*, когда *енск*, стараясь сохранить наиболее утвердившиеся написания без изменений или с очень незначительными изменениями. С этой целью прежде всего нужно выделить все те образования, в которых написание суффикса *инск* ясно поддерживается пониманием его состава и значения. Сюда относятся в первую очередь образования от названий лиц, оканчивающихся на *-а* (*-я*), например: *се́стринский* (ср. *сестрин*), *Ники́тинский* (ср. *Никитин*), *Улья́нинский* (ср. *Ульянин*), *Мари́инский* (ср. *Мариин*). Единственное отступление от данного правила находим в фамилии *Анненский*. Также бесспорно написание *инск* в прилагательных, образованных от существительных, уже заключающих в своем составе суффикс *ин*, т. е. таких, как *ти́хвинский* (г. Тихвин), *пиря́тинский* (г. Пирятин), *опа́ринский* (с. Опарино) и т. п. Здесь, в сущности, прила-

гательное образуется посредством суффикса *ск*, суффикс же *ин* принадлежит не прилагательному, а существительному, от которого образуется последнее.

Следующее место занимают прилагательные, образованные от существительных женского рода, являющихся географическими названиями и оканчивающихся на *-а* (*-я*). Такие прилагательные можно рекомендовать писать с суффиксом *инск*, за исключением образованных от существительных, у которых окончанию предшествует сочетание согласных (кроме *г*, *к*, *х*) с *н*; прилагательные же, образованные от существительных, имеющих перед окончанием сочетание согласного с *н* (кроме *нг*, *нк*, *нх*), — писать с *енск*. Примеры: *я́лтинский*, *кя́хтинский*, *о́хтинский*, *жи́здринский*, *ча́квинский* (от *Ча́ква*), *бо́рзинский* (от *Бо́рзя*), *ку́ньинский* (от *Ку́нья*), *соло́тчинский* (от *Соло́тча*), *ро́нгинский* (от *Ро́нга*), *ро́пшинский* (от *Ро́пша*), *ло́мжинский* (от *Ло́мжа*), *ло́дзинский* (от старого названия *Ло́дзя*), *ла́шминский* (от *Ла́шма*), но: *пе́нзенский*, *пре́сненский*, *ди́сненский* (от *Ди́сна*), *лопа́сненский* (от *Лопа́сня*), *пи́льненский* (от *Пи́льня*), *ру́дненский* (от *Ру́дня*), *е́льненский* (от *Е́льня*), *и́нзенский* (от *И́нза*) и т. п. Это правило, хотя и довольно сложное, имеет то достоинство, что сохраняет почти полностью существующие написания (из приведенных примеров изменения произошли бы только в словах *о́хтинский* и *е́льненский*, из которых первое в настоящее время пишется с *енск*, а второе — с *инск*).

На следующее место можно поставить прилагательные, образованные от географических названий, склоняемых и несклоняемых, оканчивающихся на *-и* и *-ы*. Такие прилагательные должны писаться, как они и пишутся большей частью в настоящее время, с *инск*. Примеры: *ли́скинский* (от *Ли́ски*), *ча́шинский* (от *Ча́ши*), *табо́ринский* (от *Табо́ры*), *ко́шкинский* (от *Ко́шки*), *мыти́щинский* (от *Мыти́щи*), *со́чинский* (от *Со́чи*), *га́гринский* (от *Га́гри*, прежде *Гагры*).

Далее идут прилагательные, образованные от географических названий — существительных среднего рода. Если эти названия оканчиваются на *-но* с предшествующей согласной, то прилагательные должны иметь суффикс *енск*, например: *гро́дненский* (от *Гро́дно*), *то́сненский* (от *То́сно*), *се́нненский* (от *Се́нно*); прилагательные, образованные от существительных других типов с окончанием *-о*, должны писаться с суффиксом *инск*, например: *коры́тинский* (от *Коры́то*), *э́нсинский* (от *Э́нсо*), *красноэ́хинский* (от *Красное Эхо*). Прилагательные, образованные от существительных среднего рода, оканчивающихся на *-е* (на *-ье*), а также образованные от несклоняемых существительных, оканчивающихся на *-е*, должны писаться с суффиксом *енск*, например: *кладби́щенский*

(от *кла́дбище*), *городи́щенский* (от *Городи́ще*), *заре́ченский* (от *Заре́чье*), *гремя́ченский* (от *Гремя́чье*), *у́стенский* (от *У́стье*), *рыба́ченский* (от *Рыба́чье*), *фру́нзенский* (от *Фру́нзе*), *ле́псенский* (от *Ле́псе*), *о́гренский* (от *О́гре*)[1].

Прилагательные, образованные от существительных мужского и женского рода, оканчивающихся на согласный (такие образования чаще производятся посредством суффиксов *ск*, *овск*, *евск*), следует писать с суффиксом *инск*, например: *пого́стинский* (от *Пого́ст*), *оя́шинский* (от *Оя́ш*), *ерми́шинский* (от *Ерми́ш*). Что касается прилагательных, образованных от географических названий, имеющих окончания полных прилагательных (всех трех родов и обоих чисел), то они в отношении написания суффиксов должны быть приравнены к прилагательным, образованным от существительных женского рода на *-а* (*-я*): если окончанию прилагательного, от которого образуется новое прилагательное, предшествует сочетание согласных с *н* (за исключением основ на *нг*, *нк*, *нх*), то пишется суффикс *енск*, в остальных случаях — *инск*, например: *гро́зненский* (от *Гро́зный*), *прохла́дненский* (от *Прохла́дная*), *подго́рненский* (от *Подго́рное*), *упо́рненский* (от *Упо́рная*), *смо́льненский* (от *Смо́льный*), *да́льненский* (от *Да́льное*), но: *доща́тинский* (от *Доща́тое*), *икря́нинский* (от *Икря́ное*), *ча́стинский* (от *Ча́стые*), *зво́нкинский* (от *Зво́нкое*), *безу́хинский* (от *Безу́хое*).

Подобно тому как в начале были выделены прилагательные, образованные посредством суффикса *ск* от существительных, имеющих суффикс *ин* (*ли́хвинский*, *пиря́тинский*, *опа́ринский* и т. п.), здесь следует отметить группу прилагательных, содержащих в своем составе суффиксы *ен*+*ск*, из которых первый является составной частью существительного и только второй представляет собой словообразовательный элемент, посредством которого от существительного образуется прилагательное. Это прилагательные, образованные от географических названий, употребляющихся в форме единственного или множественного числа, у которых основа оканчивается на *н* с предшествующим беглым *е*, например: *коло́менский* (от *Коло́мна*), *крапи́венский* (от *Крапи́вна*), *устю́женский* (от *Устю́жна*), *ро́венский* (от *Ро́вно*), *ро́менский* (от *Ро́мны*), *ли́венский* (от *Ли́вны*).

---

[1] Не следует считать, что прилагательные от существительных, здесь приведенных, образуются всегда посредством суффиксов *инск* и *енск*: возможны образования и с другими суффиксами (*ск*, *евск*, например: *огрский* от *О́гре*, *орджоникидзевский* от *Орджоникидзе* и т. п.). Но этот вопрос относится к области словообразования, а не правописания.

§ 53. Кроме рассмотренных суффиксов прилагательных, заключающих в своем составе согласный *н*, известные трудности представляет написание *а* (*я*) или *е* в прилагательных, образовавшихся из страдательных причастий прошедшего времени. Здесь нет необходимости останавливаться на вопросе о самом процессе перехода причастий в прилагательные. Нужно при этом иметь в виду, что бесприставочные причастия (за единичными исключениями), переходя в прилагательные, пишутся с одним *н* (ср. „слова, *писанные* красным карандашом“, и „*писаная* красавица“, „кружева, *плетенные* опытными мастерицами“ и „*плетеная мебель*“); прилагательные же, образовавшиеся из причастий с приставками, сохраняют двойное *н* („дело, *доверенное* мне отцом“, и „*доверенное* лицо“, „подсудимый, *признанный* судом невиновным“, и „*признанный* ученый“). Правило о написании в таких прилагательных (как и в соответствующих причастиях) *а* (*я*) или *е* связано с характером той основы, от которой образуется причастие. Дело в том, что причастия от глаголов с основой прошедшего времени на *-а* (*-я*) и на *-е* (*размеша-л*, *расстреля-л*, *рассмотре-л*) образуются посредством суффикса *нн*; следовательно, гласный, предшествующий этому суффиксу, принадлежит глагольной основе (*размеша-нн-ый*, *расстреля-нн-ый*, *рассмотре-нн-ый*). Причастия же от глаголов с основой прошедшего времени на *-и* (*размеси-л*, *застрели-л*) и на согласный (*испек*,- *разгрыз-*) образуются от основы настоящего времени (*размеш-у*, *застрел-ю*, *испек-у*, *испеч-ешь*, *разгрыз-у*) посредством суффикса *енн*; следовательно, гласный перед *нн* принадлежит в них не глагольной основе, а суффиксу причастия (*размеш-енн-ый*, *застрел-енн-ый*, *испеч-енн-ый*, *разгрыз-енн-ый*). Таким образом, вопрос о выборе гласной в прилагательных и причастиях на *-нный* теснейшим образом связан с характером основы глагола, причем неударяемое *а* (*я*) в получаемых образованиях опирается на соответствующее ударяемое *а* (*я*) конца основы (*чи́танный* — ср. *чита́-л*, *па́янный* — ср. *working*, *разме́шанный* — ср. *размеша́-л*, *расстре́лянный* — ср. *расстреля́-л*), *е* — на соответствующий гласный в причастиях того же типа с ударяемым суффиксом (*разме́шенный* от *размеси́л* — ср. *взбешённый* от *взбеси́л*, *изба́вленный* от *изба́вил* — ср. *обновлённый* от *обнови́л*, *разгры́зенный* от *разгрыз* — ср. *привезённый* от *привёз*).

Рассмотренное правило знает лишь единичные исключения. Так, от глаголов *равнять* и *ровнять*, несмотря на то что в них основа прошедшего времени оканчивается на *-я*, приставочные образования страдательных причастий пишутся не с *я*, как того следовало бы ожидать, а с *е* (*вы́равненный*,

выровненный). Такое написание носит традиционный характер, так как причастия эти образуются от ныне неупотребительных основ (глаголов с тем же корнем) на *-и* (*выравнить*, *выровнить*). Так же обстоит дело с причастием *вымененный*, которое считается образованным от глагола *выменять* (ср. *разменянный* от *разменять*). В современном литературном языке может быть установлено именно такое соотношение, но тогда получается исключение с точки зрения правописания. В действительности же причастие *вымененный* образовано от глагола с *основой на -и* (*выменить*), ныне почти уже неупотребительного (ср. в „Горе от ума" — „на них он *выменил* борзые три собаки"). Несомненным исключением надо считать написание *настоенный* (вместо правильного *настоянный*) от глагола *настоять* (приготовить какую-нибудь настойку или настой из чего-нибудь, ср. „водка, *настоенная* на рябине").

§ 54. В области написания гласных в суффиксах действительных и страдательных причастий настоящего времени и в образовавшихся из них прилагательных можно отметить только два исключения: 1) От глагола *двигать* страдательное причастие настоящего времени — *движимый*. Здесь дело не столько в правописании, сколько в самой форме причастия: от *двигать* (основа настоящего времени *двигай-*) должно быть *двигаемый*. Но глагол этот ранее принадлежал к другому классу, ныне непродуктивному, и имел личные формы *движешь*, *движет* и т. д. (1-е лицо единственного числа неупотребительно); значение этих форм по сравнению с *двигаешь*, *двигает* более отвлеченное, ср.: „тобою *движет* чувство сострадания" и „ты *двигаешь* стол". Однако от основы *движ-* причастие должно было бы быть *движемый* (с *е*), ср. от *колеблю*, *колеблешь* и т. д. — *колеблемый*, от *зыблю*, *зыблешь* и т. д. — *зыблемый*. На написание причастия *движимый* могло повлиять то, что наряду с глаголом *двигати* ранее существовал глагол 2-го спряжения *движити*, имевший основу настоящего времени на *-и* (*движи-*); эта основа и могла войти в состав страдательного причастия настоящего времени. 2) От глагола *брезжить* действительное причастие настоящего времени пишется с суффиксом *ущий*, а не *ащий*, как нужно было бы ожидать на основании того, что глагол этот принадлежит ко 2-му спряжению. Написание это — неясного происхождения.

§ 55. В заключение следует остановиться на правописании гласных в некоторых других неударяемых суффиксах прилагательных.

1. Произношение гласных *е* и *и* может совпадать в неударяемых суффиксах *ев* и *ив*. Но прилагательные, заключающие в своем составе эти суффиксы, различаются местом ударения: прилагательные с суффиксом *ев* обычно имеют ударение на окончании, прилагательные же с суффиксом *ив* (кроме единственного *ми́лостивый*) — на суффиксе, например: *дождево́й, грязево́й, пищево́й, краево́й*, но: *правди́вый, игри́вый, спеси́вый, краси́вый*.

2. Прилагательные с суффиксами *лив* и *чив* всегда имеют в суффиксах букву *и*, причем прилагательные с суффиксом *лив* опираются на ударяемый вариант (у прилагательных с суффиксом *чив* ударяемого варианта н е т). Примеры: *услу́жливый, поня́тливый, опа́сливый, зави́стливый, забо́тливый, приве́тливый* (ср. *сварли́вый, визгли́вый, шумли́вый, трусли́вый, драчли́вый, бодли́вый, глумли́вый, кропотли́вый, дождли́вый*); *изме́нчивый, обма́нчивый, дове́рчивый, укло́нчивый, зано́счивый, приди́рчивый, опроме́тчивый, вкра́дчивый, влю́бчивый, усту́пчивый, прили́пчивый, нахо́дчивый, разбо́рчивый, запа́льчивый, неужи́вчивый*. Наблюдения над прилагательными с суффиксами *лив* и *чив* приводят к заключению, что неударяемость суффикса имеет место в прилагательных, образованных от глагольных основ с приставками.

3. В неударяемых суффиксах прилагательных на *-чий*, образованных от существительных на *-шка*, перед *ч* пишется *е*, например: *стару́шечий* (от *старушка*), *куку́шечий* (от *кукушка*), *лягу́шечий* (от *лягушка*), *индю́шечий* (от *индюшка*). Это *е* по своему происхождению восходит к так называемому редуцированному гласному *ь*, бывшему в древнерусском языке составной частью суффикса (*ьк*) и в одних положениях исчезавшему (например, в падежных формах единственного числа существительных: *лягушка, индюшка* и т. п.), а в форме родительного падежа множественного числа тех же существительных заменявшемуся гласным *е*: *лягушек, индюшек* и т. п. От некоторых существительных на *-шка* употребляются также прилагательные с ударяемым суффиксом *ач*: *лягуша́чий, коша́чий, индюша́чий*. При наличии у одного и того же прилагательного двух вариантов — на *-ечий* и на *-ачий* — один из них обычно менее употребителен (как более старый или как диалектный): так, менее употребительны *лягушечий, индюшечий, кошечий* (ср. у Крылова: „Зубастой щуке в мысль пришло за *ко́шачье* приняться ремесло“. — „Щука и Кот“, но: „*коша́чий* концерт“)[1].

[1] Впрочем, различение написаний *ко́шечий* и *коша́чий* в связи с различием места ударения не всегда соблюдается, в особенности в литературе XVIII и XIX вв., ср. у Крылова в приведенном примере: *ко́шачье*, также у Грибоедова: „Сердитая? Все *ко́шачьи* ухватки?“ („Горе от ума“, д. III, явл. 10).

Суффиксы глаголов

§ 56. Одним из сложных вопросов правописания неударяемых глагольных суффиксов является различение, с одной стороны, глаголов с суффиксами *ова* (*ева*) и *ыва* (*ива*), а с другой — глаголов с суффиксом *ева́*.

Что касается первой пары, то они различаются на основании соотношения основ прошедшего времени с основами настоящего времени: суффикс *ова* (*ева*) в прошедшем времени соответствует суффиксу *уй* (*юй*) в настоящем времени, например: *сове́товал — сове́тую* (*советуй+у*), *бесе́довал — бесе́дую* (*беседуй+у*), *малева́л — малю́ю* (*малюй+у*), *горева́л — горю́ю* (*горюй+у*); суффикс *ыва* (*ива*) в прошедшем времени соответствует суффиксу *ывай* (*ивай*) в настоящем времени, например: *уга́дывал — уга́дываю* (*угадывай+у*), *испы́тывал — испы́тываю* (*испытывай+у*), *ука́зывал — ука́зываю* (*указывай+у*). Указанное соотношение, охватывающее громадное большинство глаголов рассматриваемых двух типов, не вполне приложимо лишь к следующим единичным глаголам, в отношении написания которых наблюдается неустойчивость: при форме настоящего времени *заве́дую* (отсюда *заведующий*) в форме прошедшего времени пишется то *заве́довал*, то *заве́дывал*, причем второе более распространено; при форме настоящего времени *пропове́дую* в форме прошедшего времени пишется то *пропове́довал*, то *пропове́дывал* (второе более распространено). В XIX в. то же явление имело место и по отношению к глаголу *расследовать*, который имел в прошедшем времени (и, следовательно, в неопределенной форме) суффикс *ыва*. Эта сохраняющаяся еще в указанных глаголах непоследовательность объясняется тем, что в них смешиваются более старые формы с более новыми. Для современного литературного языка формы на *-ывал* — *-ываю* являются в известной степени архаическими, унаследованными от старого делового канцелярского языка. Формы же на *-овал* — *-ую* идут от живой разговорной речи и сами по себе древнее форм на *-ывал* — *-ываю*, ср. произношение глагольных форм на *-ывал* — *-ываю* с очень кратким гласным на месте *ы*, совпадающим с тем, который произносится в неударяемом слоге на месте *о* („отга́дъвал“ — „отга́дъваю“, „сбра́съвал“ — „сбра́съваю“), нередко краткость этого гласного в разговорной речи приближается к полному его отсутствию („отгадвал“ — „отгадваю“). Наличие в более старое время основ настоящего времени на *-уй* у глаголов, ныне оканчивающихся только на *-ывал* — *-ываю*, подтверждается такими формами страдательных причастий настоящего времени, как *испытующий*, *связующий*, *указующий* („перст *указующий*“),

испытуемый, *наказуемый* (ср. также слово *сказуемое*), *воспитуемый* (*трудновоспитуемый*).

Глаголы с суффиксом *ева́* в формах как прошедшего, так и настоящего времени в свою очередь делятся на две подгруппы. К первой можно отнести те глаголы, в которых *ева* представляет собой сочетание двух суффиксов (*е*+*ва*), причем *ва* вносит значение несовершенного вида с оттенком некоторой повторяемости. Ко всем таким глаголам существуют соответствующие глаголы без *ва*. Примеры: *одолева́л — одоле́л*, *околева́л — околе́л*, *обледенева́л— обледене́л*, *запечатлева́л — запечатле́л*, *обозрева́л — обозре́л*, разговорные *обалдева́л — обалде́л*, *одурева́л — одуре́л*. Эти глаголы не следует смешивать в отношении словообразовательного состава с такими, как *нагрева́л — нагре́л*, *надева́л — наде́л*, *затева́л — зате́ял*, *засева́л — засе́ял*, *навева́л — наве́ял*, в которых также пишется *ева*, но *е* не является составной частью суффикса, а принадлежит корню. Ко второй группе отойдут все остальные глаголы с суффиксом *ева* в прошедшем и настоящем времени, к которым нет соответствующих глаголов совершенного вида на *-ел* (к некоторым из них вообще нет глаголов совершенного вида, к другим же глаголы совершенного вида имеются, но с другими суффиксами). Примеры: *затмева́л — затмева́ю* (сов. вид — *затми́л*), *растлева́л — растлева́ю* (сов. вид — *растли́л*), *застрева́л — застрева́ю* (сов. вид — *застря́л*), *обурева́л — обурева́ю*, *увещева́л — увещева́ю*, *намеревался — намерева́юсь* (к последним трем глаголов совершенного вида нет). Формы несовершенного вида к глаголу *застрял* (*застрянуть*) должны были бы писаться с *ява* („застрявал“ — „застряваю“), но крайняя немногочисленность глаголов с суффиксом *ава* (*ява*) в несовершенном виде привела к тому, что написание этого глагола в несовершенном виде было уподоблено написанию глаголов с суффиксами *ева*. Такому же уподоблению подвергся и глагол *увещева́л — увещева́ю*, ранее писавшийся с *а* („увещава́л“ — „увещава́ю“), ср. глагол с тем же значением *увещать*, ср. также существительное *увещание* (того же происхождения — *завещать*, *завещание*). Необычным в данном случае для русского языка является самое образование от глагольной основы, оканчивающейся суффиксальным *а*, нового глагола с суффиксом *ва*.

Глаголы с суффиксом *ева* не следует смешивать с глаголами, имеющими неударяемый суффикс *ива*, которому предшествует шипящий *щ*. В соответствующих глаголах совершенного вида мы всегда на месте *щ* находим *ст*, например: *усо́вещивал — усо́вестил*, *выма́щивал — вы́мостил*, *выра́щивал — вы́растил*, ср. также просторечные *уле́щивал* —

улестил, *скащивал* — *скостил*, то же в глаголе *застращивал*, образованном от корня *страст-* (ср. *страсть* в значении „страх“, „ужас“).

§ 57. Следует остановиться на правописании гласной в неударяемом суффиксе глаголов типа *цепенеть*, *остервенеть*. Глаголы эти обозначают переход в новое состояние. До настоящего времени приходится встречать двоякое написание в этой группе глаголов: одни — с *е*, другие — с *я* в суффиксе, например: всегда — *цепенеть*, *остервенеть*, *остолбенеть*, но: *ледянеть*, *костянеть*, *деревянеть*, *стеклянеть* наряду с *леденеть*, *костенеть*, *деревенеть*, *стекленеть*[1]. Написание с *я*, несомненно, поддерживается прилагательными *ледяной*, *костяной*, *деревянный*, *стеклянный*, основы которых (с суффиксом *ян*) переносятся в соответствующие глаголы. Таким образом, в данной немногочисленной группе глаголов с одинаковым оттенком значения („переход в новое состояние“) получается два варианта написаний: с *ен* и с *ян*. Явная необходимость установления единообразного написания приводит к выбору варианта с *е*: дело в том, что написания *обледенеть*, *окостенеть*, *одеревенеть* и производные от них (*обледенелый*, *окостенелый*, *одеревенелый* и т. п.) встречаются чаще, чем написания с *я*, между тем как написаний „цепянеть“, „остолбянеть“, „остервянеть“ встретить нельзя. Установление для всех глаголов данной группы написания с *е* означает, что так же следует писать и образуемые от них переходные глаголы: *леденить*, *окровенить*, *оцепенить* и т. п.[2]

§ 58. В разговорном просторечии довольно широко распространены образования с суффиксом *ну*, вносящим значение быстро совершаемого однократного действия, от глагольных основ различных типов. Так, при глаголах с основой на *-а* встречаются, наряду с глаголами, в которых гласный *а* заменяется суффиксом *ну* (*толкать* — *толкнуть*, *стегать* — *стегнуть*), также глаголы *толкануть*, *стегануть*. Сюда же можно отнести глагол *захолонуть*. Как уже можно заключить из приведенных примеров, в рассматриваемых образованиях с суффиксом *ну* последнему может предшествовать то *а*, то *о*. В какой мере здесь оправдана двойственность написаний? Есть случаи, где *о* перед *ну* вовсе не является суффиксаль-

---

[1] См. у Федина: „Наружные условия действовали на пигментацию — человек *земленел* от удушья“ („Необыкновенное лето“, гл. 29).

[2] Ср. у Достоевского: „Чрезвычайное, неотразимое желание, почти соблазн, вдруг *оцепенило* всю его волю“ („Идиот“, ч. 2, гл. V).

ным элементом, а только внешне кажется принадлежащим суффиксу. Таков, например, глагол *захолонуть*, образовавшийся от *захолоднуть* (выпадение согласного перед суффиксом *ну* наблюдается во многих глаголах, ср. *прянуть* при *прядать*, *скинуть* при *скидывать*, *оттянуть* при *оттягивать* и т. п.). Глаголы, в которых гласный перед *ну* действительно является суффиксальным элементом, по типу своих основ неоднородны: большинство их образуется от глаголов с основами на *-а* (*толкать*, *стегать* и т. п.), другие (их очень мало) большей частью не имеют соответствий среди глаголов без суффикса *ну* (например, *садануть*, *звездануть*). Вот почему в глаголах рассматриваемого типа образования обычно пишется *ану* (*яну*), например: *толкануть*, *жигануть*, *рубануть*, *стегануть*, *кашлянуть*, *тряхануть*, *долбануть*, *садануть*, *звездануть*. Кажется, только один глагол с основой на *-ова*, а именно *полосовать*, дает образование на *нуть*, и в нем перед *ну* пишется *о*: *полоснуть*[1].

Неударяемые гласные в окончаниях

§ 59. В неударяемых окончаниях всех частей речи почти во всех случаях, когда эти окончания опираются на соответствующие ударяемые варианты, согласно основному принципу русского правописания, пишутся те же гласные, что и под ударением.

Особому рассмотрению должны быть поэтому подвергнуты случаи, когда опорные ударяемые окончания отсутствуют, а также случаи отступления от основного принципа при наличии опорных ударяемых окончаний.

Окончания имен существительных

§ 60. Окончания именительного падежа единственного числа существительных, образуемых посредством суффиксов от основ других существительных и от основ глаголов, большей частью неударяемы и в произношении неразличимы. Написание неударяемых окончаний существительных после суффиксов основывается на принадлежности существительного к тому или иному роду, а также, в некоторых случаях, на том, означает ли существительное предмет одушевленный или неодушевленный. После суффикса *ищ* в существительных мужского и среднего рода пишется окончание *е*,

[1] См., впрочем, у Фадеева в „Молодой гвардии“: „А может, рискнешь с нами?“ (гл. 2).

в существительных женского рода — окончание *а*, например: *кулачи́ще, медве́дище, топори́ще, боло́тище, учи́лище, кла́дбище, уро́чище, пепели́ще, полчи́ще*, но: *ручи́ща, луни́ща, грязи́ща, тощи́ща.*

§ 61. После суффиксов *ушк* (*юшк*), *ышк* (*ишк*) в существительных мужского рода, обозначающих одушевленные предметы, а также во всех существительных женского рода пишется *а*; в существительных мужского рода, обозначающих неодушевленные предметы, а также во всех существительных среднего рода после этих суффиксов пишется *о*; примеры: *де́душка, сосе́душка, соло́вушка, ба́тюшка, купчи́шка, вори́шка, зайчи́шка, брати́шка, коро́вушка, ня́нюшка, речу́шка, ручи́шка*, но: *хле́бушко, двори́шко, городи́шко, бози́шко, кры́лышко, зёрнышко, брёвнышко, гумни́шко.*

После суффикса *ц* в существительных среднего рода неударяемое окончание обозначается буквой *е*, тогда как под ударением в соответствующих образованиях произносится и пишется *о*, например: *мы́льце, ши́льце, зе́ркальце, боло́тце, ры́льце, око́нце, де́льце, де́ревце, щу́пальце, коры́тце, коле́нце, блю́дце*, но: *сельцо́, деревцо́, ружьецо́, озерцо́* и т. п.

После суффиксальных *к* и *л* в существительных, обозначающих одушевленные предметы, пишется окончание *а*, например: *гуля́ка, куса́ка, забия́ка, зева́ка, лома́ка, кривля́ка, запева́ла, объеда́ла, верзи́ла, чуди́ла, громи́ла, меня́ла, кути́ла, заправи́ла, подлипа́ла* (эти существительные изменяются по женскому склонению).

Образования на *-ла* нужно отличать от существительных с суффиксом *л*, обозначающих предметы, связанные с процессами труда, например: *зуби́ло, точи́ло, кружа́ло, корми́ло, мотови́ло* (эти существительные склоняются как имена среднего рода). Буква *о* после *к* и *л* пишется в древнерусских и областных именах, а также в украинских фамилиях, например: *Миха́лко, Шевче́нко, Миха́йло Ломоносов, Яри́ло* и т. п., ср. современные *Кири́ла, Гаври́ла, Миха́йла, Вави́ла, Дани́ла* и т. п.

§ 62. В существительных среднего рода, оканчивающихся на *-ье*, в настоящее время наблюдается двойственность в обозначении неударяемого окончания предложного падежа единственного числа: одни из этих существительных пишутся с окончанием *е* (*в пла́тье, в у́стье, на взмо́рье*), другие — нередко — с окончанием *и* (в *Закавка́зьи*, песня о *сча́стьи*, в *уще́льи* и т. п.). В пользу написания *и* обычно приводят такие мотивы: 1) такое же окончание имеют подобные существительные, когда они оканчиваются на *-ие* (*о возвраще́нии, на зда́нии*

и т. п.); 2) окончание *и* позволяет отличать предложный падеж от винительного в тех случаях, когда существительному предшествует предлог, употребляющийся как с тем, так и с другим падежом (*в, на*). Однако эти мотивы не могут быть признаны убедительными по следующим соображениям: 1) правописание неударяемых окончаний существительных на *-ье* нет основания подчинять особому правилу по сравнению с аналогичными ударяемыми окончаниями: *пла́тье, уще́лье, взмо́рье* и т. п. имеют такие же окончания, как *питьё, бельё, сырьё* и т. п., у которых в предложном падеже пишется *е*; 2) нет никакого основания противопоставлять написание неударяемого окончания предложного падежа написанию ударяемого окончания того же падежа в одном только типе существительных среднего рода, коль скоро такого противопоставления нет в существительных других типов того же рода и в том же типе женского рода, ср. одинаковое написание неударяемых и ударяемых окончаний предложного падежа таких существительных, как *в коры́те, на кре́сле, в мя́се*, с одной стороны, и *в решете́, на весле́, на колесе́* — с другой, а также в таких, как *в статье́, в бадье́*.

§ 63. Встречаются расхождения и в написании предложного падежа единственного числа существительных мужского рода на *-ий* и дательного и предложного падежей существительных женского рода на *-ия*, хотя в отношении окончания этих падежей и существует твердое правило о том, что оно обозначается буквой *и*. Дело в том, что в подавляющем большинстве своем существительные на *-ий*, *-ия* по происхождению являются заимствованными из греческого и латинского языков. Обычно эти существительные заключают в себе два и более слогов, причем *ий* и *ия* являются по своей природе аффиксами (суффиксами, окончаниями). Для этого типа слов у нас и установилось издавна написание *ии* в предложном, а для женского рода и в дательном падеже единственного числа (всегда неударяемых). Но есть некоторое количество существительных на *-ий* и *-ия*, в которых последние не являются аффиксами (в существительных на *-ия* конечный гласный *а* является окончанием). Таково, например, слово *кий*. Употребляется оно в косвенных падежах с ударением либо на основе, либо на окончании (чаще, впрочем, на окончании): *ки́я—кия́, ки́ю—кию́, ки́ем—киём*, на *ки́е*—на *кие́* и т. д. Ясно, что в предложном падеже при безударном окончании должна писаться, как и под ударением, буква *е*. Такой же вопрос возникает и относительно существительного *змий*. Правда, в данном случае перед нами слово церковнославянское, и поэтому написание *и* в оконча-

нии предложного падежа здесь кажется более подходящим, хотя разницы между *кий* и *змий* с точки зрения правописания никакой нет. Далее, есть несколько имен собственных на *-ий* и *-ия: Вий* (у Гоголя), *Пий* (одно из имен римских пап), *Лия*, *Ия*, *Бия* (река в Сибири). Эти имена пишут в предложном падеже единственного числа большей частью с *и*, но встречаются (некоторые даже чаще) и с написанием *е (о Вие, к Лие, на реке Бие)*, и это вполне понятно: они стоят в одном грамматическом ряду с такими именами собственными, как *Кай*, *Ной*, *Зоя*, *Рая*, *Зея*, *Ея*, и с такими нарицательными, как *шея*, *туя*, *фея*, ср. с ударяемыми окончаниями *шлея́*, *змея́*, равно как *кий* и *змий* стоят в одном ряду с *май*, *чай*, *пай*, *край*, *клей*, *слой* и т. п. Поэтому односложные существительные на *-ий*, *-ия* должны иметь в предложном падеже (а существительные женского рода и в дательном падеже) единственного числа в неударяемых окончаниях не *и*, а *е*. Это на первый взгляд как будто усложняет правило написания безударных окончаний, но вряд ли нужно во что бы то ни стало добиваться упрощения письма за счет чисто формального сведе́ния в одну группу слов различных типов, лишь внешне кажущихся однотипными.

§ 64. Во множественном числе существительных на *-ья* и *-ье* написание формы родительного падежа различается в зависимости от ударяемости и неударяемости окончаний: в то время когда у существительных с ударяемыми окончаниями в этой форме произносится и пишется *ей*, у существительных с неударяемыми окончаниями пишется *ий*, например: *статья́—стате́й*, *семья́—семе́й*, *питьё—пите́й*, но: *сва́тья—сва́тий*, *шалу́нья—шалу́ний*. Исключение из этого правила составляет написание родительного падежа множественного числа существительного *копьё:* принято писать *копий*, хотя следовало бы ожидать *копей*. Объясняется это тем, что в данном случае сохранилась форма родительного падежа множественного числа старого существительного *копие́* (ср. *житие́—жи́тий*).

Существительное *судья* должно иметь в родительном падеже множественного числа форму *суде́й*, и такая форма встречается еще у Крылова („Избави бог и нас от этаких *суде́й*". — „Осел и Соловей"). В наше время однако преобладает произношение этого слова с ударением на первом слоге при написании с *е (су́дей)*, что представляет собой сочетание старой формы *су́дий* (от *судия́*) с современным написанием *суде́й* (от *судья́*).

§ 65. Фамилии на *-ин (-ын)* и *-ов (-ев)*, хотя и являются в настоящее время существительными (по происхождению

это притяжательные прилагательные), имеют в творительном падеже единственного числа окончания прилагательного как в устной речи, так и на письме, например: *Воево́диным, Пти́цыным, Миха́йловым, Серге́евым*. Написание неударяемых окончаний здесь поддерживается частично, именно в фамилиях на *-ин*, соответствующими ударяемыми, т. е. такими, как *Сухотины́м* (от *Сухоти́н*), *Княжнины́м* (от *Княжни́н*), *Нуждины́м* (от *Нужди́н*), *Бородины́м* (от *Бороди́н*), *Головины́м* (от *Голови́н*). В фамилиях на *-ов (-ев)* ударение никогда не бывает на падежном окончании.

Примечание. Со славянскими фамилиями на *-ин (-ын), -ов (-ев)* не следует смешивать в отношении форм склонения фамилии на *-ин* и *-ов*, принадлежащие нередко иностранцам — не-славянам, например: *Да́рвин, Ре́скин, Ламарти́н, Ви́рхов, Бю́лов*. Такие фамилии имеют во всех без исключения падежах окончания существительных, следовательно, в творительном падеже единственного числа нужно писать: *Да́рвином, Ре́скином, Ламарти́ном, Ви́рховом, Бю́ловом*.

§ 66. В названиях населенных пунктов на *-ин (-ын), -ов (-ев)*, являющихся существительными мужского рода, пишется в окончании творительного падежа единственного числа *ом* (окончания таких существительных в подавляющем большинстве своем неударяемы), например: *Каля́зином, Не́жином, Цари́цыном* (прежнее название Сталинграда), *Пско́вом, Сара́товом, Балашо́вом, Росто́вом, Льво́вом, Дми́тровом, Чугу́евом*.

В названиях населенных пунктов на *-ино (-ыно), -ово (-ево)*, являющихся существительными среднего рода, удерживается принцип уподобления неударяемого окончания творительного падежа единственного числа соответствующему ударяемому. А так как под ударением в таких существительных обычно произносится „ым" (фактически это относится к названиям на *-ино (-ыно)*, то и на письме мы находим *-ым* не только в ударяемых окончаниях, но и в неударяемых, например: под *Бородины́м* (от *Бородино́*), за *Кузьмины́м* (от *Кузьмино́*), над *Люблины́м* (от *Люблино́*), а также и под *Ма́рьиным* (от *Ма́рьино*), за *Цари́цыным* (станция *Цари́цыно-дачное* под Москвой), над *Крю́ковым* (от *Крю́ково*), под *Матве́евым* (от *Матве́ево*).

Однако в последнее время правило, касающееся различения названий населенных пунктов мужского и среднего рода и, соответственно, окончаний *-ом* и *-ым* в творительном падеже, все чаще и чаще нарушается: и в тех и в других одинаково пишут *-ом*. Причиной этого являются следующие факты: 1) в названиях с ударением на окончании начинает появляться вместо окончания *-ым* окончание *-ом* (под *Люблино́м*, за *Бородино́м* и т. п.), что, очевидно, объясняется стремле-

нием к установлению различия между названиями местностей и фамилиями (*Бородином—Бородиным*, *Кузьмином—Кузьминым* и т. п.); 2) если ранее названия, имевшие окончание *о*, принадлежали обычно селам, а названия, не имевшие после суффикса окончания, принадлежали городам (что и находило отражение, по крайней мере на письме, в различии окончаний творительного падежа), то в последнее время появилось много названий городов и поселков городского типа, оканчивающихся на *-ино (-ыно)*, *-ово (-ево)*, например: *Сталино*, *Иваново*, *Кирово*, *Сормово*, *Перово*, *Кунцево*, *Тутаево* и т. п. Несомненно, что необходимость каждый раз при написании формы творительного падежа выяснять, имеешь ли дело с названием города или с названием села, представляет собой серьезное затруднение для пишущего, а писать одинаково (с *-ым*) эту форму, не различая при этом, к названию какого вида населенного пункта она относится, еще мешает прежний навык, связанный с различием на письме слов *под Балашовом* (город *Балашов*) и *под Балашовым* (село *Балашово*) и т. п. Отсюда и разнобой в написании творительного падежа в рассматриваемой категории имен собственных. В данном случае явно напрашивается урегулирование вопроса путем введения единого написания для всех названий населенных пунктов на *-ин (-ын)*, *-ов (-ев)* и *-ино (-ыно)*, *-ово (-ево)*.

Окончания глаголов

§ 67. В правописании личных окончаний глаголов полностью осуществляется принцип обозначения неударяемых окончаний по аналогии с соответствующими ударяемыми окончаниями. Известно, что по окончаниям личных форм (кроме первого лица) все глаголы делятся на два типа, называемые 1-м и 2-м спряжениями. Трудности в правописании личных окончаний заключаются не в самых правилах письма, а в приемах отнесения глаголов с неударяемыми окончаниями к 1-му или 2-му спряжению и являются, таким образом, трудностями не орфографическими, а грамматическими. Обычные школьные правила написания неударяемых личных окончаний глаголов исходят из графического типа неопределенной формы глагола: так, в основном правиле говорится, что все глаголы на *-ить* относятся ко 2-му спряжению; к этому же спряжению относят еще шесть глаголов на *-еть* и четыре глагола на *-ать*; все же остальные глаголы с неударяемыми личными окончаниями, а также глаголы *брить* и *зиждиться* принадлежат к 1-му спряжению. Правила эти на первый взгляд просты и легки. На самом же

деле это не так, потому что у многих глаголов *-ить* и *-еть* в неопределенной форме неударяемы и, следовательно, в произношении совпадают, ср., с одной стороны, *гла́дить*, *га́дить*, *бре́зжить*, *те́шить*, *пла́вить*, *ме́длить*, *ко́рчить*, *не́жить*, *позво́лить*, *кра́сить*, *ве́сить*, *ста́рить*, *чи́стить*, *сто́ить*, *стро́ить*, с другой — *ржа́веть*, *бере́менеть*, *обовши́веть*, *обесси́леть*, *обезу́меть*, *опроти́веть*. Также могут быть смешиваемы с глаголами на *-ить*, вследствие близости произношения последнего слога, глаголы на *-ять* и глаголы на *-ать* с предшествующим шипящим, например: *та́ять*, *ла́ять*, *ве́ять*, *ре́ять*, *се́ять*, *наде́яться*, *ка́яться*, *отча́яться*, *слу́шать*, *ку́шать*, *сопе́рничать*, *пая́сничать* и т. п. Из всего этого следует, что правило, в основе которого лежит тип окончания неопределенной формы, может быть использовано с успехом только в том случае, если пишущий твердо знает, какие глаголы, имеющие в неопределенной форме ударение не на последнем слоге, пишутся с *-ить* на конце, а какие с *-еть*, *-ять*, *-ать*. Знать же это можно, либо механически заучив правописание неопределенной формы всех таких глаголов (что очень трудно и ненадежно), либо подведя под написание ее какой-либо грамматический принцип (что целесообразнее и легче). Таким принципом является характер соотношения между основой настоящего времени и основой неопределенной формы глагола. Глаголы с основой настоящего времени на *-ей*, *-ай* имеют в неопределенной форме основу на *-е*, *-а* и, следовательно, относятся к 1-му спряжению, например: *ржа́вею (ржавей + у) — ржа́ве-ть*, *обесси́лею (обессилей + у) — обесси́ле-ть*, *ку́шаю (кушай + у) — ку́ша-ть*, *та́ю (тай + у) — та́я-ть;* глаголы с основой настоящего времени на согласный имеют в неопределенной форме основу на *-и* и, следовательно, относятся ко 2-му спряжению: *гла́жу (глаж + у) — гла́ди-ть*, *позво́лю (позвол + у) — позво́ли-ть*, *кра́шу (краш + у) — кра́си-ть*, *стро́ю (строй + у) — стро́и-ть*.

Применение изложенного принципа делает излишним все исключения, кроме *брить* и *зиждиться:* такие глаголы, как *видеть*, *смотреть*, *гнать*, *дышать* и остальные, приводимые обычно в качестве исключений, только в том случае могли бы принадлежать к 1-му спряжению, если бы они в настоящем времени образовали формы „ви́дею“, „смотре́ю“, „гна́ю“, „дыша́ю“ и т. п. Но так как соответствующие формы их имеют основу на согласный *(виж-у, смотр’-у, гон’-у, дыш-у)*, то они являются глаголами 2-го спряжения, хотя и оканчиваются в неопределенной форме на *-еть* и *-ать*, т. е. так, как оканчивается подавляющее большинство глаголов 1-го спряжения.

Несколько особое положение занимает глагол *хотеть*, имеющий в личных формах единственного и множественного числа различные основы: *хоч-* и *хот'-*. В единственном числе этого глагола пишутся окончания 1-го спряжения *-ешь*, *-ет*, во множественном числе его окончания ударяемы и потому затруднений не вызывают.

Конечные гласные в наречиях и предлогах

§ 68. Многие наречия, как известно, представляют собой застывшие неударяемые падежные формы некогда склонявшихся кратких прилагательных среднего рода единственного числа с предшествовавшими им различными предлогами. Этим объясняется то, что в таких наречиях сохранились на конце неударяемые гласные, бывшие окончаниями тех падежей, в которых стояли прилагательные при соответствующих предлогах. Так, наречия, образовавшиеся из сочетания предлогов *из*, *с*, *до* с родительным падежом кратких прилагательных среднего рода, сохраняют на конце бывшее окончание родительного падежа — гласный *а (я)*, например: *и́здавна*, *и́зредка*, *и́зжелта*, *и́ссиня* (последние два употребляются только в составе сложных прилагательных), *сно́ва*, *сле́ва*, *со́слепа*, *спра́ва*, *до́сыта*, *до́чиста*. Существуют наречия такого же образования с ударением на конце, например: *догола́*, *сгоряча́*, *сполна́*, *спроста́*, *сперва́*. Так как в родительном падеже, кроме окончания *а*, могло быть и окончание *у*, то и некоторые наречия рассматриваемого типа имеют на конце *у*, например: *смо́лоду*, *со́слепу* (наряду с *со́слепа*). Наречия, образовавшиеся из сочетания предлогов *в*, *на*, *за* с винительным падежом кратких прилагательных среднего рода, сохраняют на конце гласный *о* — бывшее окончание винительного падежа, например: *вле́во*, *впра́во*, *воеди́но*, *на́бело*, *на́черно*, *нале́во*, *напра́во*, *надо́лго*, *на́скоро*, *на́чисто*, *на́ново*, *на́мертво*, *насто́лько*, *наве́рно*, *на́цело*, *на́сухо*, *наве́чно*, *на́строго*, *на́крепко*, *на́глухо*, *за́просто*, *за́ново*, *за́мертво*, *задо́лго*, *за́живо*, *за́светло*, *за́темно*. Наречия этой группы крайне редко имеют ударение на конце (ср. *наголо́*), поэтому написание их целиком должно опираться на понимание их этимологического состава.

Наречия, образовавшиеся из сочетания предлогов *в* и *на* с предложным падежом кратких прилагательных среднего рода, сохраняют на конце гласный *е* (вместо старого *ѣ*) — бывшее окончание предложного падежа, например: *вско́ре*, *вчу́же*, *вкра́тце*, *вно́ве*, *нагото́ве*. Эти наречия опираются в отношении написания конечной гласной на довольно боль-

шое число слов такого же образования с ударяемым конечным гласным звуком, например: *вчерне́*, *вполне́*, *вдалеке́*, *налегке́*, *наравне́*, *наедине́*.

В составе наречий, образовавшихся из сочетания предлога *по* с краткими прилагательными, последние употреблялись в форме дательного падежа (но не винительного), поэтому в таких наречиях пишется на конце *у* — бывшее окончание дательного падежа, например: *по́ровну*, *подо́лгу*, *по́просту*, *по́суху*, *помно́гу*, *помалёньку*, *полего́ньку*, *потихо́ньку*, *померку*, *посто́льку*. Все наречия этого типа имеют ударение не на конечном гласном.

Примечание. Из сказанного не следует делать вывод, что все без исключения наречия, заключающие в своем составе основы кратких прилагательных, образовались в то время, когда краткие прилагательные еще склонялись. Наоборот, самое превращение бывших предложно-падежных форм кратких прилагательных в наречия произошло уже после того, как краткие прилагательные перестали склоняться и от них сохранились лишь формы отдельных падежей в сочетании с некоторыми предлогами. Впоследствии по образцу этих онаречившихся кратких прилагательных могли образовываться наречия от основ таких прилагательных, которые не употреблялись вовсе в ту пору жизни русского языка, когда краткие прилагательные склонялись (таковы, вероятно, наречия *надо́лго*, *на́строго*, *налегке́* и нек. др.). Наоборот, многие из наречий рассматриваемого типа к настоящему времени выходят или совсем вышли из употребления, например: *вма́ле*, *вле́бе*, *вчу́же*, *впу́сте*, *накоротке́*.

Наречие *впосле́дствии* оканчивается на *-и*, так как оно образовалось из сочетания предлога *в* с предложным падежом существительного *последствие*.

Предлоги *вследствие*, *в течение*, *в продолжение* пишутся с *е* на конце, так как они образовались из сочетания предлога *в* с винительным падежом существительных среднего рода на *-ие*.

Неударяемые соединительные гласные

§ 69. Соединительными гласными буквами, т. е. буквами, соединяющими основы в сложных словах, являются *о* и *е*. Соединительные гласные звуки всегда неударяемы. Как правило, *о* пишется после твердых согласных, кроме *ж*, *ш* и *ц*; *е* пишется после мягких согласных, а также после *ж*, *ш* и *ц* и после гласных. Примеры: *лесозаготовки*, *соломорезка*, *телогрейка*, *чистописание*, *млекопитающее*, но: *любвеобильный*, *грязелечебница*, *земледелие*, *нефтепровод*, *лучеиспускание*, *пищеприпасы*, *мышеловка*, *ситценабивной*, *овцеводство*, *змеевидный*, *чаеразвесочный*, *паенакопление*, *растениеводство*, *молниеносный*.

При решении вопроса о выборе соединительной гласной буквы следует исходить только из того, каким является конечный согласный звук первой из соединяемых основ в составе сложного слова — твердым или мягким — независимо от того, как звучит этот согласный в том слове, из которого эта основа взята. Так, пишется соединительная гласная *о* в соответствии с произношением в следующих сложных словах, несмотря на то, что первые основы оканчиваются на мягкий согласный в тех словах, из которых они взяты: *кровообращение, кровопролитие, кровопийца* (ср. *кровь*), *детоубийца* (ср. *дети, детей* и т. п.), *грудобрюшный* (ср. *грудь*), *каменоломня* (ср. *камень*), *коновязь* (ср. *конь*), *баснописец* (ср. *басня*), *корыстолюбивый* (ср. *корысть*), *властолюбие* (ср. *власть*), *честолюбие* (ср. *честь*), *костоправ* (ср. *кость*), *зверолов* (ср. *зверь*). Установить же какую-либо закономерность относительно того, в каких именно случаях конечный мягкий согласный основы при вхождении последней в состав сложного слова заменяется твердым согласным, не представляется возможным. Однако можно утверждать, что такая замена наблюдается в основах существительных, не имеющих окончания в именительном падеже единственного числа (см. приведенные выше примеры). Вместе с тем не наблюдается такой замены в основах, оканчивающихся на мягкие *л, з, с*, например: *пулемет, солеварня, сталелитейный, волеизъявление, грязелечебница, мазеобразный, карасеразведение, смесеобразование* (сложных слов с такими же первыми основами и соединительной гласной *о* в русском языке нет).

В современном русском языке есть большое число сложных слов, образованных без соединительной гласной. Это: 1) слова, первой составной частью которых являются такие сокращения и полные слова, как *фото, авто, авиа, мото, радио, поли, квази* и т. п., например: *фотоаппарат, фотокарточка, фотолюбитель, автобиография, автопортрет, авианосец, авиаматка, мотовоз, радиовещание, радиоволна, радиолампа, радиолюбитель, радиопередача, радиосвязь, радиоузел, поликлиника, политехникум, квазиреволюционер, квазиталантливый;* 2) слова, первой частью которых является числительное, например: *двуногий, двусмысленный, пятиугольный, тридцатикопеечный, сорокадневный* (но с соединительной гласной — *сороконожка*), *трехдневный, четырехгодичный;* 3) слова, первой частью которых является существительное в родительном падеже единственного числа, например: *умалишенный, сумасшедший;* то же — *полукольцо, полуживой, полуофициально* (*пол* — „половина"). Правописание сложных слов этого типа определяется грамматическим характером первой входящей в их состав основы.

Неударяемые *не* и *ни*. Общие замечания

§ 70. *Не* и *ни*, различающиеся своим гласным звуком, как известно, могут употребляться в качестве отдельных слов, но могут и входить в состав слова, являясь его частью. И в том и в другом случае они могут быть неударяемыми и, следовательно, очень слабо различаться и даже полностью совпадать в произношении. *Не* и *ни* и как отдельные слова и как части слов всегда различны по своему значению. Поэтому вопрос о написании неударяемых *не* и *ни* полностью основывается на различении их значения и употребления.

Значение и употребление *не*

§ 71. Значение *не* в большинстве случаев — отрицание. В тех случаях, когда *не* составляет отдельно слово (о написании *не* раздельном, слитном и через дефис см. § 100—102), оно служит для отрицания того, что выражается словом, к которому *не* относится по смыслу. Примеры: „Мать, стараясь *не шуметь* посудой, наливала чай и вслушивалась в плавную речь девушки" (Горький. „Мать", ч. I, VI). „*Не то*, что мните вы, — природа: *не слепок, не бездушный лик...*" (Тютчев). „А у Ули глаза были большие темнокарие,—*не глаза*, а очи..." (Фадеев. „Молодая гвардия", гл. I). „Виктор знал, что это *не обычный* проход, а с каким-то приспособлением, похожим на оплетенные колючей проволокой козлы" (там же, гл. 40).

Необходимо иметь в виду, что употребление *не* со значением отрицания часто осложняется тем, что *не* входит в состав некоторых цельных оборотов речи, а именно:

1. В сказуемом, состоящем из двух слов, *не* может повторяться при каждом из них (причем первое слово в соединении с *не* обозначает невозможность, неспособность, обязанность); такое сказуемое в целом приобретает утвердительный смысл, например: *не могу не признаться...*, т. е. „должен признаться"; *ты не вправе не помочь ему*, т. е. „ты обязан. . ." Первой частью сложных сказуемых с теми же оттенками значения могут быть также слова *невозможно*, *нельзя*, например: *с этим невозможно не считаться*, т. е. „с этим приходится считаться"; *нельзя не согласиться*, т. е. „приходится согласиться".

2. В вопросительных и восклицательных предложениях, примыкая по смыслу к местоимениям *кто*, *что*, *какой*, *где*, *куда* и т. п., *не* вместе с этими местоимениями придает

высказываемой мысли характер обобщающего или усиленного утверждения, например: „*Кто не* проклинал станционных смотрителей, *кто* с ними *не* бранивался?“ (Пушкин. „Станц. смотритель“), т. е. „все (или „очень многие“) проклинали...“ „*Чем* он *не* молодец?“, т. е. „он всем молодец“. „*Где* он *не* бывал, *куда* только *не* ездил“, т. е. „всюду (или „в очень многих местах“) он бывал...“ „Такого товара *кто не* купит“, т. е. „всякий купит“. В таких предложениях при *не* часто употребляется (или может быть вставлена) частица *только*, способствующая выражению обобщающего или усилительного оттенка смысла, например: „*Чего только* я *не* делал!“ т. е. „все, что мог, делал“.

3. Часто *не* вводится в вопросительное предложение (в частности — с частицей *ли*) в тех случаях, когда спрашивающий имеет основание ожидать скорее утвердительного ответа, нежели отрицательного, например: „Обрыскал свет; *не хочешь ли жениться?*“ (Грибоедов. „Горе от ума“). „*Уж не думаешь ли ты со мной в прятки играть*? — сказал Ваня с досадой“ (Фадеев. „Молодая гвардия“, гл. 19). „*Да неужели все это правда? Не сон ли это? Не наваждение? Уж не сошел ли я с ума?*“ (там же, гл. 41).

4. В придаточных предложениях времени *не* часто сочетается с союзом *пока*. Такое сочетание указывает, что то, о чем говорится в придаточном предложении, является пределом, до которого длится то, о чем говорится в главном предложении, например: „*Пока не требует* поэта к священной жертве Аполлон, в заботах суетного света он малодушно погружен“ (Пушкин. „Поэт“). „Сейчас же к оружию, к пленным наставили своих ребят, приказали охранять, *пока не переправили* в штаб дивизии“ (Фурманов. „Чапаев“, гл. IX).

5. В безличных предложениях, в которых главный член выражен неопределенной формой с предшествующими ей *как не*, эта конструкция обозначает необходимость совершения действия, о котором идет речь. Часто в таких предложениях между *как* и *не* вставляется слово *тут* со значением „в таком положении“. Например: „Как станешь представлять к крестишку или к местечку, *ну как не порадеть* родному человечку?“ (Грибоедов. „Горе от ума“). „*Как тут не уступить*, если тебя так просят?“

6. Сочетания из двух одинаковых или близких по значению образований от одного корня с *не* перед вторым словом образуют единое целое по смыслу и выражают неопределенность, колебание, иногда — напряженность, сопровождающие действие, например: „Двое немецких офицеров в одинаковых серых мундирах... смотрели на Олега без любопытства, но и без досады, просто как на помеху, с которой

хочешь не хочешь надо мириться" (Фадеев. „Молодая гвардия", гл. 20). „*Жду не дождусь* сына".

7. *Не* входит в состав устойчивых сочетаний *чуть не, чуть ли не, едва не, едва ли не*, обозначающих при глаголах, что действие близко (или было близко) к тому, чтобы совершиться, а при других частях речи — то же, что слово *почти*, например: „Знамя оборвалось, и Сережка *едва не упал* вместе с ним в оркестр" (Фадеев. „Молодая гвардия", гл. 41). „Я *чуть не задохнулась*, у меня вся спина мокрая и даже волосы", — говорила Люся возбужденным голосом" (там же, гл. 17). „Как только заметят кого в прогоне меж домами, так и жарят по этому месту *чуть не целыми пачками*" (Фурманов. „Чапаев", гл. X). При наличии в подобных оборотах частицы *ли* предложение приобретает значение утверждения с оттенком неполной уверенности, например: „Он весь напрягся заботой об этом мосте, *ждал чуть ли не ежечасно*, что он готов..." (Фурманов. „Чапаев", гл. XIV). „Это время приготовления к спектаклю *едва ли не бо́льшим было удовольствием*, чем самые спектакли" (там же, гл. XV).

Обороты *далеко не, отнюдь не, ничуть не* вносят в предложение значение усиленного отрицания, например: „Панька одевался и выходил на улицу. С улицей он жил *далеко не дружно*" (М. Горький. „Горемыка Павел"). „К концу первой недели у всех в мастерской сложился на Паньку взгляд очень твердый и для него *ничуть не лестный*" (там же).

8. *Не* входит в состав сложных противительных союзов *не то, а не то*, обозначающих „в противном случае", повторяющегося разделительного союза *не то*, вносящего оттенок неуверенности, и некоторых других (*не только — но, не то что — а, не то чтобы — а*). Например: „Отдай кольцо и ступай; *не то я с тобой сделаю то*, чего ты не ожидаешь" (Пушкин. „Дубровский"). „Чапаев *не то на второй, не то на третий день* по приезде в Уральск решил утром отправиться сам — проверить, что сделано за ночь..." (Фурманов. „Чапаев", гл. XIV).

§ 72. В очень многих случаях мы, хотя и не имеем возможности противопоставить данным словам с *не* соответствующие слова без *не*, тем не менее ясно сознаем общее значение „отрицательности", заключенное в слове; в особенности это относится к прилагательным. Примеры: *нельзя, неряха, ненастье, неурядица, невежа, невежда, невзгода, небрежный, невзрачный, нелепый, несуразный, неуклюжий, неукоснительный*. Впрочем, некоторые прилагательные этого типа приобрели уже положительное значение, например: *недюжинный* („выдающийся"), *незыблемый* („устойчивый", „прочный"), *непре-*

рекаемый („общепризнанный"), *несметный* („бесчисленный"). Наконец, в очень многих словах, которые также не употребляются без *не*, отрицательное значение, вносимое последним, легко воспринимается на основании сопоставления данного слова с той основой, производной или непроизводной, близость с которой по значению устанавливается без особого труда всеми владеющими русским языком. Таковы, например, слова: *невдомек* (ср. *намекать, смекать*), *негодяй* (ср. *негодный, негодник*), *незапамятный* (ср. *память, запомнить*), *ненароком* (ср. *нарочно*), *непроницаемый* (ср. *проникать*), *неусыпный* (ср. *усыплять*). В особенности легко такое значение устанавливается в прилагательных (и производных от них существительных и наречиях), образованных от глагольных основ с суффиксами *ом, ем, им, н* и начинающихся с *не*, например: *невесомый, невменяемый* (*невменяемость*), *невылазный, неизбежный* (*неизбежность, неизбежно*), *неизгладимый, неискоренимый, неминуемый* (*неминуемо*), *непогрешимый, несгораемый, нестерпимый, нещадный* (*нещадно*), *необъятный, непробудный*.

Значение и употребление *ни*

§ 73. Основное значение *ни* — усиление отрицания. Обычно *ни* употребляется в предложении, где отрицание уже выражено словом *не* либо словами *нет, нельзя*, например: „*Не было ни* гроша, да вдруг алтын" (пословица). „Вот и вас нечем угостить — *ни корки нет*, ей богу..." (Фурманов. „Чапаев", гл. XV). „*Нельзя проехать ни* в автомобиле, *ни* на велосипеде".

Повторяющееся *ни* в отрицательном предложении приобретает значение союза, соответствующего повторяющемуся союзу *и* в утвердительном предложении. Так, например, *ни — ни* в предложении: „Но толпы бегут, *не замечая ни его, ни его тоски*" (Чехов. „Тоска") выполняет ту же роль, какую выполнял бы союз *и — и* в предложении: „Но толпы бегут, *замечая и его и его тоску*".

Необходимо обратить внимание на следующие отдельные случаи употребления *ни*:

1. *Ни* входит в состав отрицательных местоимений, придавая последним значение полного отрицания. Таковы местоимения *никто, ничто, никакой, ничей, никак, нигде, никогда, нисколько* и т. п. То же в наречиях *ничуть, нимало* (в значении „нисколько"), *нипочём* (в значениях „по очень дешевой цене", „очень легко", „ничего не значит") и в устарелом

союзе *ниже́* (в значении „а также не“, „даже не“), например: „Ничего не случилось. Никто не удавился, не утопился, *ниже* иным родом покончил с собой“ (М. Горький. „Несколько дней в роли редактора провинциальной газеты“). В тех случаях, когда склоняемое местоимение употребляется с предлогом, последний вставляется между *ни* и основной частью местоимения; такая форма местоимения пишется в три слова, например: *ни у кого, ни с чем, ни от какого, ни под чьим, ни на столько*. Из таких форм образовались устойчивые обороты типа *ни при чём* („остался *ни при чём*“), *ни за что ни про что* („пропал *ни за что ни про что*“) и нек. др.

2. В придаточных предложениях, начинающихся местоимениями *кто, что, где, как, когда* и т. п., *ни* употребляется перед сказуемым для усиления утвердительного смысла последнего, например: „Бывало, *кто ни проедет*, всякий похвалит“ (Пушкин. „Станционный смотритель“). „Высокой страсти не имея для звуков жизни не щадить, не мог он ямба от хорея, *как мы ни бились*, отличить“ (Пушкин. „Е. Онегин“). В придаточных предложениях рассматриваемого типа между местоимением и *ни* может вставляться частица *бы*, вносящая в предложение оттенок уступительности, например: „*Кто б ни был* ты, печальный мой сосед, люблю тебя, как друга юных лет“ (Лермонтов). „*Как бы ни боялся* щекотки, я не вскочил с постели и не отвечал ему“ (Л. Толстой. „Детство“). Сочетания местоимений указанного типа с *ни* вошли в некоторые устойчивые обороты русского языка, например: *откуда ни возьмись, куда ни шло, какой ни на есть, во что бы то ни стало*. Такого же происхождения так называемые неопределенные местоимения с частицей *нибудь (кто-нибудь, как-нибудь, какой-нибудь* и т. п. из *кто ни будь*, т. е. „кто бы ни был“, *как ни будь*, т. е. „как бы ни было“, *какой ни будь*, т. е. „какой бы ни был“ и т. п.).

3. В некоторых устойчивых сочетаниях, имеющих значение категорического приказа или настоятельной просьбы, *ни* может употребляться и при отсутствии сказуемого, например: „*Ни слова*, о друг мой, *ни вздоха!*“ (Плещеев). „*Ни с места! Ни шагу далее!*“ То же встречается и в предложениях описательного и повествовательного характера, например: „На улице *ни души*“. „В кармане *ни гроша*“. „В доме хлеба *ни крошки*“.

4. Двойное *ни* входит в состав устойчивых оборотов речи, обычно состоящих из двух слов, выражающих однородные, но противоположные понятия, например: *ни пава ни ворона, ни жив ни мертв, ни то ни сё, ни сесть ни лечь, ни дать ни взять, ни себе ни людям.*

Правописание согласных. Общие замечания

§ 74. В области правописания согласных необходимо рассмотреть следующие вопросы: обозначение звонких и глухих согласных; обозначение мягкости согласных; обозначение согласных на стыке морфологических частей слова; обозначение двойных согласных; обозначение согласных буквами, не соответствующими произношению; обозначение непроизносимых согласных в группах из трех и четырех согласных. При этом прежде всего важно будет выяснить, в какой мере существующие правила соответствуют основному, морфологическому принципу русского правописания, а в тех случаях, где он не осуществляется, — установить характер соответствующих написаний и по возможности объяснить, чем вызвано отступление от морфологического принципа.

Правописание звонких и глухих согласных

§ 75. При рассмотрении вопроса об обозначении звонких и глухих согласных в корнях слов необходимо иметь в виду, что речь должна идти только о согласных, парных по звонкости и глухости, так как только они могут в определенных положениях (см. § 13) взаимно заменяться соответствующими парными звуками: ср. *молод*, в котором конечный согласный звучит так же, как конечный согласный в слове *молот;* ср. *косьба*, в котором второй согласный произносится так же, как второй согласный в слове *резьба*. Согласные же непарные по звонкости и глухости, хотя и могут в определенных положениях оглушаться или озвончаться, тем не менее однозначны по написанию, так как в русском алфавите нет особых букв для обозначения соответствующих звонких и глухих. Поэтому возможно сомнение относительно того, какую букву нужно написать в слове *молот* (*д* или *т*), в слове *косьба* (*з* или *с*) и т. п., но не может возникнуть сомнения относительно того, какую букву следует написать в конце таких слов, как *театр*, *мысль*, *песнь* (хотя конечные согласные под влиянием предшествующего глухого произносятся в них без голоса), или какую букву надо написать в конце первого слова словосочетаний: *тех же щей*, *отец бы*, *сжечь бы* (хотя конечный согласный произносится в нем с голосом).

Относительно правописания согласных, парных по звонкости и глухости, действует, за очень немногими исключениями, правило о том, что звонкие и глухие звуки, незави-

симо от фонетического положения, в котором они находятся, обозначаются теми же буквами, какими они обозначаются в соответствующих значащих частях слов перед гласными, перед сонорными согласными и перед *в*. В силу этого правила для проверки согласного из числа парных по звонкости и глухости подбирается какое-либо иное слово или иная форма данного слова, в которых проверяемый согласный оказывается перед гласным, перед сонорным согласным или перед *в* (*глаз* — потому что *глаза*, *глазной; колос* — потому что *колоситься*, *колосья* и т. п.). В тех же случаях, когда проверка этим способом невозможна, например, в таких словах, как *вокзал* (перед *з* произносится *г*), *футбол* (перед *б* произносится *д*), *асбест* (перед *б* произносится *з*), *копчик* и *кобчик* (в обоих словах перед *ч* произносится *п*) и т. п., установить правильное написание возможно только на основании справки в орфографическом словаре.

Изложенный выше принцип, определяющий написание звонких и глухих согласных в корнях слов, нарушается в чрезвычайно редких случаях. Такое нарушение мы наблюдаем, например, в словах *свадьба* (ср. *сватать*,) *лестница* (ср. *лезу*, *лезть*), *отверстие* (ср. *отверзать* — „открывать", „раскрывать") и нек. др. Однако слова этого типа большей частью слабо ассоциируются по значению с теми, которые приведены в скобках, следовательно, о нарушении морфологического принципа здесь можно говорить скорее с точки зрения исторической, а не современных лексико-грамматических отношений. В современном языке мы находим новые образования типа *свадебка*, *лесенка*, которыми закрепляются написания *д* и *с* в словах *свадьба* и *лестница*.

Таким образом, можно утверждать с очень незначительной оговоркой, что основной, морфологический принцип написания звонких и глухих согласных в корнях слов проводится в современном правописании вполне последовательно.

§ 76. Тот же морфологический принцип лежит и в основе написания согласных букв в приставках. Однако здесь он нарушен в правиле о написании приставок, оканчивающихся согласным звуком *з*: в этих приставках согласная буква *з* перед глухими согласными заменяется буквой *с* (пишется: *безголовый*, но *бескрылый; избить*, но *испортить; разгрузить*, но *растаять* и т. п.). В отношении написания приставок, оканчивающихся на *з* (*из*, *воз*, *вз*, *низ*, *раз*, *роз*, *без*, *чрез*, *через*), действует, таким образом, не морфологический, а фонетический принцип. Этой особенностью приставки, оканчивающиеся на *з*, отличаются от приставок, оканчивающихся на

другие согласные: так, например, приставки *над*, *под*, *пред* всегда сохраняют букву *д*, хотя их конечный согласный заменяется в произношении глухим *т* перед глухими согласными (*надписать*, *подхватить*, *представить*), а приставка *от* всегда сохраняет букву *т*, хотя ее конечный согласный заменяется в произношении звонким *д* перед звонкими согласными, кроме „йота" и *в* (*отгадать*, *отбросить*).

Описанное выше положение с написанием *з* и *с* в приставках установлено реформой правописания 1918 г. и явилось на смену действовавшему ранее правилу, в котором смешивались принципы морфологический и фонетический. Согласно правилу дореформенного письма, приставки *без* и *через* (*чрез*) писались и перед звонкими и перед глухими согласными с буквой *з* (*безденежный*, *безвольный*, *чрезвычайный*, а также *безкорыстный*, *безплатный*, *безсовестный*, *черезполосица*, *черезседельник* и т. п.); приставки *из*, *воз*, *раз*, *роз*, *низ* писались с *з* перед звонкими согласными и перед *с* (*избить*, *возделывать*, *развернуть*, *рóздал*, *низвести*, *изсушить*, *возставать*, *разсыпать*, *розсыпь* и т. п.), но с *с* перед глухими согласными, кроме *с* (*искоренить*, *воскликнуть*, *растолкать*, *рóспись*, *нисходящий* и т. п.). Правило это было довольно сложным и трудным для пишущих: приходилось запоминать, какие приставки пишутся в полном соответствии с произношением, а на какие этот принцип распространяется только частично и как именно следует писать приставки второй группы. Перед авторами проекта нового правописания были две возможности: либо полностью применить к написанию приставок на *з* тот же принцип, который действует в отношении приставок, оканчивающихся на другие согласные (*над*, *от*, *об*, *в*), т. е. принцип морфологический, либо полностью подвести приставки на *з* под действие фонетического принципа. Первое означало распространение на приставки, о которых идет речь, того орфографического принципа, на котором основано не только написание остальных приставок, но и все наше правописание в целом. Второе означало, наоборот, создание для одной группы приставок особого положения, выключающего эту группу из общей системы нашего правописания.

Как известно, был принят второй из изложенных вариантов. Чем это может быть объяснено, и как следует оценить принятое решение? Второй вариант, как видно из истории подготовки проектов реформы русского правописания, был принят не сразу. Так, в „Предварительном сообщении Орфографической подкомиссии", выделенной из состава Комиссии по вопросу о русском правописании при Академии наук 12 апреля 1904 г., говорится: „... подкомиссия предполо-

жила последовательное проведение написаний с *з* в приставках *без*, *из*, *воз*, *раз*, *чрез* и *через*, *низ* как перед гласными и звонкими согласными, так и перед глухими согласными, и где в современном правописании *из*, *воз*, *раз*, *низ* пишутся с *с*"[1]. Здесь же дается обоснование предлагаемого правила: „Еще Грот заметил, что начертания *ис*, *нис*, *вос*, *рас* составляют противоречие общему характеру нашей орфографии, так как все прочие предлоги с „громкой" согласной в конце всегда сохраняют свои коренные буквы (*под*, *над*, *об*, *пред*). Имея в виду, что приставки *без* и *через* (*чрез*) пишутся всегда с *з*, равно и то, что перед глухим *с* не меняют свое *з* также и прочие приставки (*из*, *воз*, *раз*, *низ*), подкомиссия нашла, что последовательное проведение этимологического написания всех названных приставок потребует менее ломки в принятом ныне правописании, между тем как фонетическое написание заставило бы писать *бес*, *черес* (*чрес*) перед глухими согласными, а также *ис*, *вос*, *нис*, *рас* перед *с*"[2]. Подкомиссия, предусмотрев, что в некоторых словах, некогда образовавшихся с помощью приставок, о которых идет речь, в настоящее время приставка уже не сознается как живая значащая часть слова, предложила сохранить для таких случаев фонетическое написание: имеются в виду такие слова, как *восток*, *искусство* и нек. др.

Однако в окончательных „Постановлениях Орфографической подкомиссии", опубликованных в 1912 г., правило о написании приставок на *з* получило иной характер сравнительно с проектом 1904 г.: здесь восторжествовал фонетический принцип. Указывая на непоследовательность существующего правила, „подкомиссия, имея в виду устранение этих противоречий, признает правильным написание *с* во всех указанных приставках перед всеми глухими согласными, например: *восприятие*, *рассудить*, *бесполезно*, *рассада*, *чересполосный* и т. д."[3]. В таком виде это правило и было утверждено Советским правительством в октябре 1918 года[4]. Объяснение данного решения можно усмотреть в следующих словах П. Н. Сакулина, бывшего членом академической подкомиссии, вырабатывавшей новые правила. Комментируя новое

---

[1] „Предварительное сообщение Орфографической подкомиссии", СПб., 1904, стр. 8.

[2] Там же, стр. 8—9.

[3] См. В. Чернышев. Упрощение русского правописания, изд. 2-е, дополненное, СПб., 1912, стр. 90.

[4] Точный текст правила гласит: „Писать приставки *из*, *воз*, *раз*, *роз*, *низ*, *без*, *чрез*, *через* перед гласными и звонкими согласными через *з*, но заменять *з* буквой *с* перед глухими согласными, в том числе и перед *с*".

правило в его окончательном виде, он пишет: „История нашего правописания даже только в XIX в. (Востоков, Буслаев, Стоюнин, Грот) сумела произвести здесь такую путаницу, что трудно дать вполне удовлетворительное решение. Прежде всего практически важно, чтобы все названные приставки были подчинены одному правилу. Но какому? Можно бы, как думали Грот и Вл. П. Шереметевский и как предполагалось в докладе московского Педагогического общества (1901 г.), а также в „Предварительном сообщении Орфографической подкомиссии“ Академии наук, писать их всегда „по этимологии“, т. е. с *з*. Но проще оставить правило, принятое по отношению к большей части этих приставок, — писать *з* перед звонкими согласными и *с* перед глухими, т. е. руководствоваться произношением. Зато это требование должно применяться уже ко всем глухим (в том числе и к *с*) и распространяться также на приставки *без* и *чрез*, занимавшие до сих пор привилегированное положение[1].

Целесообразность замены правила, содержащего в себе противоречия, правилом, в котором проводится от начала до конца единый принцип, не может вызывать сомнений. Но почему нужно было положить в основу нового правила фонетический принцип, когда в основе правописания значащих составных частей слов, в том числе и в правописании других приставок, у нас лежит принцип морфологический? Ответ, даваемый П. Н. Сакулиным на этот вопрос, нельзя признать убедительным. Конечно, с точки зрения противников реформы письма (к которым П. Н. Сакулин, как и все другие члены подкомиссии, отнюдь не принадлежал, но с которыми всей подкомиссии приходилось основательно считаться) „проще оставить правило, принятое по отношению к большей части этих приставок“, нежели ввести новое правило[2]. Но реформа правописания — мероприятие, которое не может проводиться часто, и потому, раз реформа уже проводится, необходимо в максимальной степени использовать ее для устранения всех случаев непоследовательности и противоречий в той системе письма,

---

[1] Проф. П. Н. Сакулин. Новое русское правописание, М., 1917, стр. 14—15.

[2] История борьбы мнений в вопросе об усовершенствовании русского правописания изложена в упомянутой выше брошюре В. Чернышева „Упрощения русского правописания“, а также освещена в статье того же автора „Ф. Ф. Фортунатов и А. А. Шахматов — реформаторы русского правописания“, помещенной в сборнике „А. А. Шахматов“, серия „Трудов Комиссии по истории Академии Наук СССР“, вып. 3, М. — Л., 1947, стр. 167—252.

которая подвергается усовершенствованию. Если в свое время, в 1904 г., для многих участников подкомиссии было теоретически ясно, что правило о написании приставок на *з* должно быть построено на том же принципе, что и правило о написании остальных приставок, оканчивающихся на согласный звук, то в настоящее время, по прошествии более 30 лет после введения нового правописания, это подтвердилось и практически. Правило о написании приставок на *з* принадлежит к числу труднейших в современном правописании: 1) оно требует уменья быстро различать качество следующего за приставкой согласного (звонкий или глухой), что далеко не всем доступно — не только детям, но и взрослым; 2) лица, умеющие различать звонкие и глухие согласные в устной речи, часто смешивают их при письме, когда произносят соответствующие слова шопотом, вследствие чего звонкие согласные нередко кажутся им глухими; 3) от тех лиц, которые не умеют быстро различать звонкие и глухие согласные или которые не уверены в таком своем уменье, это правило требует механического запоминания по крайней мере глухих согласных (что, как известно, послужило поводом к изобретению всякого рода мнемонических приемов для определения качества согласного, кстати сказать, мало помогающих делу, а нередко даже сбивающих с толку пользующихся этими приемами). В результате всего этого написание приставок на *з* дает довольно высокий процент ошибок. Если бы авторы проекта орфографической реформы вместо того унифицирующего правила, которое они ввели, сохранили содержавшееся в проекте подкомиссии 1904 г. тоже унифицирующее правило, результаты, несомненно, были бы более благоприятными. Что касается написания с буквой *с* таких единичных слов, как *источник*, *исчезать*, *воспитание*, *воскресенье* и некоторых других, то они нисколько не затрудняли бы пишущих, так как вряд ли теперь кому-нибудь придет на ум видеть в таких словах приставки. То соображение, что в результате появления правила о написании в приставках *з*, независимо от характера следующего согласного, многие слова стали бы писаться не по-привычному (например: *изписать*, *разплести*, *разкусить* и т. п.), не должно было служить основанием для отказа от этого правила в то время, когда в результате реформы очень многие слова (в том числе и с приставками на *з*) приобрели непривычный для пишущих внешний облик (ведь отмена буквы *ѣ* гораздо более резко изменила внешний вид слов!). Именно тогда, когда производилась реформа правописания, необходимс было заодно исправить также положение с написанием приставок.

Правописание согласных на стыке морфологических частей слова

§ 77. В некоторых словах, образованных присоединением приставок, оканчивающихся на *з*, а также приставки *с* к корню, начинающемуся звуком *ч*, в настоящее время приставка утратила свое значение. Вследствие этого может возникнуть сомнение относительно того, как следует обозначать произносимый в таких словах долгий мягкий согласный *ш* (или звукосочетание *ш'ч'*) — буквами *зч*, *сч* или буквой *щ*. В словах рассматриваемого типа сохраняется написание, отражающее этимологический состав слова. Но так как пишущему этимология слова далеко не всегда ясна, то единственным средством установления правильного написания в таких случаях является обращение к орфографическому словарю. Примеры таких слов: *исчезать*, *чересчур*, *счастье*.

Примечание. Слово *счастье* и производные от него в XVIII и в начале XIX в. чаще писалось с *щ* (*щастье*, *щастливый* и т. п.). Написание с *щ* можно было наблюдать также в слове *счет* и производных от него (*щет*, *нащет* и т. п.).

§ 78. На стыке корня и суффикса в результате слияния согласных *д* и *т* корня с согласным *с* суффикса получается аффриката *ц*. В результате слияния *т* и *д* корня с согласными *ц* и *ч* суффикса получаются аффрикаты *ц* и *ч* с долгим затвором (произносится „тц“, „тч“). На письме сохраняются в таких случаях согласные буквы в соответствии с составом слова, например: *бед-ствовать*, *брат-ский*, *блюд-це*, *болот-це*, *развед-чик*, *ответ-чик*.

Когда суффиксы *чик*, *чат* присоединяются к основе, оканчивающейся на *к*, *ц*, *ч*, сочетание конечного согласного с *ч* суффикса заменяется долгим *ч*, пишется же на стыке основы в таких словах *тч*. Примеры: *кабатчик* (от *кабак*), *картотетчик* (от *картотека*), *потатчик* (от *потакать*), *черепитчатый* (от *черепица*).

Правило эт охватывает сравнительно небольшое количество образований. Практика написания таких слов, видимо, не вполне еще закрепилась; можно указать единичные исключения (с *ч*, а не *тч*), например: *крупичатый*, образованное от *крупиц-а* и произносящееся с долгим *ч*; *добычик* (у Чехова в рассказе „Мужики“)[1]; *поручик* от корня *рук-* (ср. *порука*), также произносящееся с долгим *ч* (в XVIII и в начале XIX в. писали *порутчик)*; иногда встре-

[1] Возможно, что автор хотел этим написанием характеризовать особенность речи старухи — матери Николая Чикильдеева.

чается написание *черепичатый*. Что касается прилагательных *крупичатый* и *черепичатый*, то написание их без *т* может быть объяснено тем, что эти слова рассматриваются как образованные при помощи суффикса *ат* (а не *чат*), что однако неправильно: наличие в таких образованиях суффикса *чат* доказывается долготой *ч*, чего не было бы, если бы здесь был суффикс *ат*. Сюда же относятся написания *таблитчатый* от *таблица*, *реснитчатый* от *ресница* и нек. др.

Прилагательные, образуемые при помощи суффикса *к* от основ на *-ц* или на *-к*, *-ч* (последние два согласных заменяются в таких образованиях согласным *ц*), следует отличать от прилагательных, образуемых при помощи суффикса *ск* от основ на *-д* и *-т*. Первые оканчиваются на письме на *-цкий* (*-цкой*), вторые — на *-дский (-дской)*, *-тский (-тской)*. Примеры: *молодецкий (*от *молодец)*, *казацкий (*от *казак)*, *ткацкий (*от *ткач)*, но: *шведский (*от *швед)*, *городской (*от *город)*, *светский (*от *свет)*, *иезуитский (*от *иезуит)*. Это правило применяется также к прилагательным, образованным от имен собственных, например: *елецкий* (от *Елец*), *идрицкий* (от *Идрица*), *галицкий* (от *Галич*)[1]. Не составляют исключения прилагательные, образованные от иноязычных имен собственных с основой, оканчивающейся на *ц*, например: *седлецкий* (от *Седлец*), *галацкий* (от *Галац*), *суэцкий* (от *Суэц*), *пфальцкий* (от *Пфальц*), *констанцкий* (от *Констанца*), *майнцкий* (от *Майнц*)[2].

Вопрос о написании фамилий, образованных от существительных с основами на *-д* и *-т* при помощи суффикса *ск*, решается в индивидуальном порядке: мы встречаем написания *Высотский* и *Высоцкий*, *Шатский* и *Шацкий*, *Новохатский* и *Новохацкий*, *Заболотский* и *Заболоцкий*, *Критский* и *Крицкий*, *Магнитский* и *Магницкий*, *Недзведский* и *Недзвецкий*

---

[1] При образовании прилагательных от имен собственных с основой на *-к* и *-ч* в настоящее время редко наблюдается замена этих согласных согласным *ц*; при отсутствии такой замены прилагательные обычно образуются посредством суффикса *ск*, например: *моздок-ский*, *чирчик-ский*, *киржач-ский*, *сухинич-ский*, современное *галич-ский*.

[2] Современное написание *-цкий* в конце прилагательных, образованных от русских существительных с основой на *-ц*, *-к*, *-ч*, объясняется следующим образом: первоначально к основам таких существительных присоединялся суффикс *ьск* (посредством суффикса *к* от основ существительных прилагательные не образовывались — этот суффикс служил для образования прилагательных от глагольных основ, например: *ходкий* от *ход-*, *ловкий* от *лов-*, *липкий* от *лип-* и т. п.); согласные *ц* и *к* перед *ь* заменялись звуком *ч*. Таким образом, вновь образуемое прилагательное оканчивалось на *-ч-ьский*. В словах, употреблявшихся в книжном языке, *ь* заменялся гласным полного образования — *е*, и получались прилагательные на *-ческий (человеческий*, *греческий*, *молоде-*

и т. п. Написание фамилий на *-цкий*, по всем данным, образовалось на почве белорусского и отчасти польского языков, в то время как написание фамилии на *-тский* и *-дский* — на почве русского орфографического принципа.

В фамилиях, образованных от существительных с основами на *-ч* при помощи суффикса *ский*, сочетание *чс*, давшее аффрикату *ц*, обозначается буквой *ц*, например: *Савицкий* (из *Савич-ский*), *Галицкий* (из *Галич-ский*). С *ц* пишутся также фамилии, образованные от существительных с основами на *-к* и *-ц*, например: *Мясницкий* (от *мясник*), *Белостоцкий* (от *Белосток*), *Ельницкий* (от *ельник*), *Новицкий* (от *Новик*), *Крупицкий* (от *крупица*), *Троицкий* (от *троица*), *Синицкий* (от *синица*).

§ 79. От характера состава слова зависит также написание внутри слов буквы *щ* и совпадающих с ней по произношению буквосочетаний: *шч*, *жч*, *сч*, *зч*, *стч*, *здч*.

Буква *щ* пишется тогда, когда обозначаемый ею долгий мягкий *ш* (или, в произношении многих, звукосочетание *ш'ч'*) принадлежит целиком либо корню, либо суффиксу. Поэтому не вызывают сомнений в отношении написания такие слова, как *роща*, *трещать*, *плющ*, *трущоба*, в которых *щ* является элементом корня. В таких словах как *шарманщик*, *фонарщик*, *пильщик*, *асфальтщик*, *женщина*, *деникинщина*, легко разлагающихся на значащие составные части, принадлежность *щ* суффиксу также очевидна. Несколько труднее решить вопрос о написании таких слов, как *вощаной*, *дощатый*, с одной стороны, и *брусчатый*, *бороздчатый*, *веснушчатый* — с другой. Первые два прилагательных образованы от *воск*, *доска*, в которых *к* не является суффиксальным элементом; таким образом, в прилагательных на месте *ск*, в порядке чередования, появляется *щ* (ср. *писк — пищать*, *треск — трещать*, *лоск — лощить* и т. п.). Прилагательное *брусчатый* образовано от существительного *брус-ок*, *брус-к-а*, в котором *с* принадлежит корню, а *к* — суффиксу. При образовании прилага-

---

ческий). Напротив, в словах живого народного языка *ь* выпадал, и оказывавшиеся рядом согласные *чс*, находясь в положении перед согласным, звучат как единая аффриката (*казак — казачьский — казацкий*, *молодец — молодечьский — молодецкий*, *ткач — ткачьский — ткацкий*). В более поздние эпохи прилагательные от основ существительных на *-к*, *-ц*, *-ч* образовывались путем непосредственного прибавления к основе существительного суффикса *к* (с заменой конечных согласных основы *к* и *ч* согласным *ц*). Это мы наблюдаем и в таких прилагательных позднего образования, как *кулацкий* (от *кулак*), *горняцкий* (от *горняк*), а также *констанцкий* (от *Констанца*), *суэцкий* (от *Суэц*) и т. п.

тельного с суффиксом *ат* (ср. *ус* — *усатый*, *горб* — *горбатый* и т. п.) согласный *к*, в порядке чередования, заменяется согласным *ч;* поэтому следует писать *брусчатый* (а не „брущатый"). Прилагательное *веснушчатый* образовано при помощи суффикса *ат* от существительного *веснушка*. Согласный *к* суффикса существительного, при соединении с суффиксом прилагательного *ат*, заменяется, в порядке чередования, согласным *ч*.

Отступления от изложенного здесь принципа встречаются однако в написании некоторых слов. Так, прилагательное от слова *песок*, в котором *ок* не является живым суффиксом, писалось двояко: *песчаный* и *пещаный*[1]. Но наличие перед *к* „беглого" гласного *о* все же поддерживает представление о том, что *ок* в этом существительном — суффикс, чем и оправдывается написание *песчаный*. Не совсем ясны основания написания с *щ* прилагательного *косящатый* (слово это относится преимущественно к фольклорной лексике: „лестница *косящатая*", „пол *косящатый*" и нек. др.). Если согласиться с мнением, что *косящатый* образовано от *косяк* (и тогда суффиксом прилагательного является *ат*), то непонятно, как на месте *к* могло появиться *щ* (на месте *к* должно было бы быть *ч*). Наличие в фольклорном же языке прилагательного *косящий*[2] („*косящее* окно" и нек. др.) могло оказаться исходным для образования слова *косящатый* (с написанием через *щ*).

На тех же основаниях, что и рассмотренные выше слова, пишутся формы сравнительной степени: с одной стороны — *гуще*, *проще*, *толще*, *площе* и т. п., а с другой — *резче*, *жестче*, *хлестче* и т. п. Первые образованы от прилагательных с основой, оканчивающейся на *-ст*, *-ск* (*толст-ый*, *плоск-ий*) и т. п., причем эти звукосочетания заменяются, в порядке чередования, согласным *щ* (ср. то же в *свист-еть* — *свищ-у*, *иск-ать* — *ищ-у* и т. п.). Вторые образованы от прилагательных с основой на *-з*, *-с*, *-ст* (ср. *рез-кий*, *хлест-кий*), за которой следует суффикс *к*. При образовании сравнительной степени конечные согласные основы у них сохраняются без изменений, а согласный *к* суффикса заменяется, в порядке чередования, согласным *ч*, в результате чего и получаются написания *резче*, *жестче*, *хлестче*.

---

[1] Слово *супесь* (корень *пес-*), малораспространенное и содержащее в своем составе непродуктивную приставку *су*, вряд ли ассоциируется с *песок*.

[2] См. „Словарь русского языка", сост. вторым отделением И. А. Н., т. IV, вып. 8, Пгр., 1914, стр. 2447—2448.

Наконец, так же обосновываются различия в написании существительных с *щик*, с одной стороны, и с *чик* — с другой (последнему предшествуют согласные *з*, *с*, *ж*, *зд*, *ст*).

В современном языке в отношении написания существительных данного типа, обозначающих действующих лиц, существует следующее правило: 1) Если основа, от которой образуется существительное, оканчивается на сонорный согласный (т. е. на *м*, *н*, *л*, *р*, „йот"), на губные *б*, *п*, *в* и *ф*, то в существительном пишется *щик*, например: *ямщик* (от *ям* — встарину почтовая станция, где проезжающие меняли лошадей), *паромщик*, *погонщик*, *банщик*, *пильщик*, *курильщик*, *фонарщик*, *сварщик*, *обойщик*, *пайщик*, *загибщик*, *гардеробщик*, *сцепщик*, *обувщик*, *постановщик*, *типографщик*. 2) Если основа, от которой образуется существительное, оканчивается на *д*, *т*, то в существительных, образованных от глагольных основ, пишется *чик*, например: *переводчик*, *разведчик*, *нарядчик*, *обидчик*, *объездчик*, *докладчик*, *переплетчик*, *ответчик*, *летчик*, *советчик*, *растратчик;* в существительных, образованных от основ существительных на *-д* и *-т*, в подавляющем большинстве случаев также пишется *чик*, и лишь в немногих словах, обычно более позднего образования, — *щик*, например: *буфетчик*, *газетчик*, *канатчик*, но: *асфальтщик*, *брильянтщик*, *алиментщик*, *позументщик* (так же, впрочем, ныне устарелое *флейтщик*) и нек. др. 3) Если основа, от которой образуется существительное, оканчивается на *з*, *ж*, *с*, то в существительных пишется *чик*, например: *возчик*, *грузчик*, *резчик*, *смазчик*, *рассказчик*, *перебежчик*, *доносчик*, *подписчик*, *допросчик*.

Примечание. От основ с другими конечными согласными существительные с рассматриваемыми здесь суффиксами, как правило, не образуются.

Первоначально для образования названий лиц служил суффикс *щик*, суффикс же *чик* служил преимущественно для образования уменьшительных существительных, например: *стаканчик*, *сарафанчик*, *бокальчик*, *сарайчик*, *голубчик*, *заливчик* т. п. (здесь по существу две ступени образования: с суффиксом *ец* — *стаканец*, *стаканц-а*, *сараец*, *сарайц-а*, *заливец*, *заливц-а* и т. п. и, далее, прибавление к этой основе суффикса *ик*, перед которым *ц* заменялось, в порядке чередования, согласным *ч*). В тех случаях, когда *щик* оказывалось после согласных губных и сонорных, звук *щ* в нем сохранялся без изменений (*паромщик*, *фонарщик*, *обойщик* и т. п.). Там же, где *щик* следовало непосредственно

за согласными *д*, *т*, *з*, *с*, *ж*, возникали фонетические процессы, приводившие в конечном результате к изменению звукового состава суффикса.

Примечания. 1. Процессы эти состояли в следующем: при сочетании с *щ* согласные *з*, *с*, *ж*, предшествовавшие ему, уподоблялись первому его элементу (*ш*), т. е. сами превращались в *ш* и сливались с ним в один звук, например: в *груз+щик* (*груз+ш'ч'ик*) получилось *груш'ч'ик*, что графически осознавалось как *груз+чик*; в *донос+щик* (*донос+ш'ч'ик*) получалось *донош'ч'ик*, что графически осознавалось как *донос+чик*; в *перебеж+щик* получилось *перебеш'ч'ик* — графически *перебеж+чик*. В существительных, образованных от основ с конечными согласными *д* и *т*, получалось следующее: *перевод+щик* (*перевод+ш'ч'ик*) давало *перевотшчик*, *ответ+щик* — *ответшчик*; следовавшие друг за другом *тш* и *ч* артикуляционно равнялись двойному *ч*, т. е. давали *ч* долгое, и осознавались графически как слова, имеющие после *д* и *т* корня суффикс *чик*. Таким образом, вместо одного суффикса *щик* для образования названия лиц оказалось два суффикса (второй — *чик*). Что это так, видно из того, что суффикс *чик* никогда не используется для образования названий лиц от основ, оканчивающихся не на согласные *з*, *с*, *ж*, *д*, *т*. Показательно также и то, что суффикс *щик*, вносящий в образуемое существительное только одно значение (действующего лица), продолжает сохранять свои позиции в словах более нового образования, притом образованных от основ существительных, что устраняет возможность присвоения таким образованиям значения уменьшительности, вносимого суффиксом *чик* (ср. такие парные образования, как *погромщик* и *погромчик*, *барабанщик* и *барабанчик* и т. п.).

2. Написание слова *помещик*, образованного от основы *помест-* (*поместье*), следует объяснить так: к указанной основе был присоединен суффикс *щик*, что дало *поместщик*. Сочетание *т+щ* с точки зрения артикуляционной представляет собой *тш'ч'*, что равно двойному *ч*, т. е. *ч̄*. Сочетание шипящего *ч* с предшествующим свистящим *с* вызвало ассимиляцию последнего и дало согласный *шч*, обозначаемый обычно буквой *щ*. По существу такой же фонетический процесс произошел и в слове *объездчик*; однако это не нашло отражения в написании этого слова ввиду большей близости, с точки зрения словообразовательной, между *объездчик* и *объезд*, нежели между *помещик* и *поместье*.

3. Нуждается в разъяснении также написание слова *мужчина*. В этом слове тот же суффикс, что и в *женщина*, а именно *щин*, представляющий собой сочетание *щ* (из суффикса прилагательного *ск* в *мужской*, *женский*, заменившегося здесь, в порядке чередования, согласным *щ*) с *ин*, вносящим значение единичности. В слове *мужчина* произошло такое же изменение *жщ* в *жч*, какое описано выше применительно к образованиям типа *перебежчик*.

§ 80. Как известно, согласный звук *ч* перед суффиксальным *н* во многих словах произносится как *ш*. Однако произношение *ш* вместо *ч* не отражается на написании таких слов: в них, в соответствии с морфологическим их составом, следует писать не *шн*, а *чн*. Примеры: *молочница*, *скучно*, *лоточник*, *конечно*, *перечница*, *прачечная*, *горчичник*, *скворечник*, *гречневый*, *ключница*. То же относится к некоторым женским отчествам, например: *Ильинична*,

Кузьминична, *Лукинична*, *Фоминична*. Исключениями из данного правила являются слова *двурушник* (вторая часть образована от основы слова *рука*), *раешник* (от основы слова *раек*), *набалдашник* (от основы тюркского слова *балдак* — костыль). Написания, точно передающие живое произношение, находим также в прилагательных *истошный* (кричать „истошным голосом", т. е. громким, отчаянным) и *дотошный* (опытный, во все вникающий), образованных от основы *ток-* *(точ-)*.

Слова рассмотренного типа не следует смешивать со словами, имеющими не только в произношении, но и на письме сочетание *шн*. Это, во-первых, слова с суффиксом *н*, присоединяемым к основе, оканчивающейся на *х* (при присоединении суффикса *н* согласный *х* заменяется, в порядке чередования, согласным *ш*), например: *суматошный* (от *суматоха*), *золотушный* (от *золотуха*), *воздушный* (от *воздух*), *грешный* (от *грех*), *гречишный* (от *гречиха*), *орешник* (от *орех*), *сошник* (от *соха*). Во-вторых, это слова, образованные от наречий и несклоняемых существительных и оканчивающиеся на *-шний* (*-шный*), *-шник*, например: *вчерашний* (от *вчера*), *завтрашний* (от *завтра*), *сегодняшний* (от *сегодня*), *тамошний* (от *там*), *тогдашний* (от *тогда*), *всегдашний* (от *всегда*), *кромешный* (от *кроме*) и т. п., *лотошник* (от *лото*), разговорное *киношник* (от *кино*).

В словах *помощник* и *всенощная* пишется перед *н* буква *щ*, хотя произносится „ш". Сочетание букв *щн* в произношении этих двух слов (в особенности в первом из них) твердо закрепилось в виде „шн". То же очень часто можно наблюдать, и притом у людей, владеющих литературным языком, в словах *изящный*, *сущность*, *будущность*, *овощной* (вместо *щн* произносят „шн"), что однако нельзя считать литературной нормой.

Примечание. В написании многих фамилий, образованных от основ существительных, у которых на стыке с суффиксом произносится „*шн*" из *чн*, нашло отражение живое произношение. Таковы, например, фамилии *Свешников*, *Калашников*, *Рукавишников*, *Оловянишников*, *Епанешников*, *Прянишников* и нек. др.

Правописание двойных согласных

§ 81. Двойные согласные, т. е. следующие одна за другой две одинаковые согласные буквы, служат для обозначения долгих согласных звуков, встречающихся преимущественно на стыке приставки и корня, корня и суффикса, суффикса и суффикса, а также, весьма редко, в корнях слов.

Кроме того, двойные согласные могут появиться при соединении частей слов в сложносокращенных словах.

Как уже сказано было выше (§ 16), двойные согласные в корнях встречаются: а) в единичных исконно русских словах, б) во многих словах, заимствованных из других языков.

Русские слова, имеющие двойные согласные в корне: 1) *ссора* и его производные, 2) *дрожжи*, 3) *можжевельник*, 4) *жужжать*, 5) *вожжи*, 6) ряд образований от глагольной основы *жг*, в которых *г* заменяется, в порядке чередования, согласным *ж*, например: *жжешь*, *жженый*, *жжение*, *жженка*. В большинстве случаев двойные согласные в приведенных словах могут быть объяснены только при помощи анализа этимологии слова, хотя, впрочем, и это далеко не всегда удается.

Что касается двойных согласных в словах заимствованных, то написание таких слов приходится усваивать догматически, иначе пришлось бы входить в рассмотрение фонетических и словообразовательных процессов соответствующих языков. К тому же следует иметь в виду, что в русском правописании явно наблюдается стремление к возможному сокращению написаний с двойными согласными в заимствованных словах. Это явление отражает уже давно совершающийся в устной речи процесс упрощения двойных согласных в корнях заимствованных слов — в первую очередь в тех случаях, когда двойным согласным предшествует неударяемый гласный, например: *литерату́ра* (вм. *литтерату́ра*), *официа́льный* (вм. *оффициа́льный*), *галере́я* (вм. *галлере́я*), *коридо́р* (вм. *корридо́р*), *батаре́я* (см. *баттаре́я*), *коми́ссия* (вм. *комми́ссия*), *афи́ша* (вм. *аффи́ша*) и мн. др. Известны также случаи отказа от написания двойных согласных в положении между гласными, когда предшествующий гласный находится под ударением, несмотря на то, что в таком положении долгота согласного чаще сохраняется, например: *ра́порт* (вм. *ра́ппорт*), *кули́са* (вм. *кули́сса*), *гра́мота* (греч. γράμματα) и нек. др. Однако в подавляющем большинстве случаев, когда в словах, заимствованных из западноевропейских языков (обычно латинского и греческого происхождения), двойной согласный звук находится между гласными, а предшествующий гласный стоит под ударением, в русском языке сохраняется долгое произношение согласного и, соответственно, написание двух согласных, например: *ма́сса*, *ка́сса*, *ме́сса*, *ва́нна*, *ви́лла*, *бу́лла*, *га́мма*, *бру́тто*, *не́тто*, *бо́нна*, *коло́нна*, *гру́ппа*, *програ́мма*, *тру́ппа*, *ле́мма*, *нове́лла*, *баци́лла*, *пре́сса*, *гло́сса*, *ге́тто* и мн. др. Точно так же пишутся двойные согласные на стыке иноязычных же приставок и корней, часто выделяемых лишь путем анализа состава слова в соот-

ветствующем языке, например: *аббревиатура*, *аккомпанемент*, *ассоциация*, *акклиматизация*, *ассимиляция*, *иллюстрация*, *иммиграция*, *комментировать*, *коллоквиум*, *коллекция*, *коммунизм*, *корреспондент*, *оппозиция*, *оппортунизм*. Выделяется группа слов, образованных от латинских глагольных основ на *-ss*, например: *миссия*, *процессия*, *агрессия*, *депрессия*, *профессор*, *пассия*, *асессор*, *посессор*; можно отметить небольшую группу существительных, обозначающих лиц женского пола, типа *баронесса*, *виконтесса*, *принцесса*, *догаресса*, *метресса*, *поэтесса*.

Но кроме перечисленных типов заимствованных слов, есть еще много таких, пишущихся с двойными согласными, которые не поддаются вовсе или с большим трудом поддаются классификации. Это, например, такие слова, как: *аккуратный*, *аллегория*, *аппарат*, *баккара*, *баррикада*, *буфф*, *грипп*, *коллодий*, *колосс*, *конфетти*, *кристалл*, *маммона*, *металл*, *пфенниг*, *рессора*, *стеллаж*, *террор*, *хлорофилл*, *целлюлоза*, *шиллинг* и мн. др.

Таким образом, вопрос о написании двойных согласных в заимствованных словах заключает в себе значительные трудности, которые лишь в очень небольшой степени могут быть разрешены при помощи правил, в большинстве же случаев они требуют справок в орфографическом словаре.

Двойные согласные до сих пор, как можно судить по приведенным выше примерам, продолжают писаться в таких словах, которые давно уже прочно вошли в русский язык и дали различного типа производные слова. К числу слов, пишущихся по традиции с двойной согласной, принадлежат также многие имена собственные, в очень давние времена заимствованные из греческого языка, например: *Савва*, *Кирилл*, *Ипполит*, *Филипп*, *Аполлон*, *Виссарион*, *Геннадий*, *Иоанн*, *Инна*, *Анна*, *Алла*, *Васса*, *Сусанна* и нек. др. Сюда же можно отнести также некоторые географические названия, перешедшие к нам из других языков, например: *Аккерман*, *Бессарабия*, *Ессентуки*, *Одесса*, *Таллин*, *Массандра*, *Мелекесс*, *Таласс*, *Шоллар* и др.

Некоторые трудности в написании слов, образуемых от основ, которые оканчиваются или начинаются двойными согласными, возникают тогда, когда к таким основам присоединяются суффиксы, начинающиеся согласным звуком, или приставки, оканчивающиеся согласным. Здесь возможны два случая: 1) Суффикс начинается тем же согласным, каким оканчивается основа, или приставка оканчивается тем же согласным, каким начинается основа, — получается скопление трех одинаковых согласных, например: „одесс-ский“, „мелекесс-ский“, „таласс-ский“, „ванн-ный“, „пятитонн-ный“, „рас-

ссориться". Но три одинаковых согласных подряд по-русски писать не принято, поэтому в случаях, подобных приведенным, пишется только две согласных, т. е. пишется *одесский*, *мелекесский*, *таласский*, *ванный*, *пятитонный*, *рассориться* и т. п. 2) Суффикс начинается не тем же согласным, каким оканчивается основа. В таких случаях, как правило, перед суффиксом сохраняются двойные согласные конца основы (хотя произношение долгого согласного в таком положении невозможно), например: *труппа — труппка*, *телеграмма — телеграммка*, *программа — программка*, *программный*, *процесс — процессный*, *класс — классный*, *Калькутта — калькуттский*, *гунн — гуннский*, *галл — галльский*, *балл — десятибалльный*. Но правило это имеет исключения: уменьшительные формы личных имен с суффиксом *к* после основ, оканчивающихся двойными согласными, теряют одну из согласных, например: *Анна — Анка*, *Инна — Инка*, *Савва — Савка*, *Кирилл — Кирилка*, *Филипп — Филипка*; не пишется также одна из двух согласных в словах *финка*, *финский* (от *финн*), *колонка* (от *колонна*), *пятитонка* (от *тонна*), *кристальный* (от *кристалл*).

Таким образом, правило о написании двойных согласных перед согласным суффикса не является вполне устойчивым.

§ 82. Правила употребления двойных согласных в словах исконно русских носят совершенно иной характер. За исключением тех единичных слов, которые пишутся с двойными согласными в корне (см. § 81), все остальные многочисленные случаи написания двойных согласных встречаются либо на стыке значащих частей слова, либо в суффиксах. Двойные согласные, таким образом, теснейшим образом связаны в этих случаях с составом слова, вследствие чего и соответствующие правила основываются на анализе словообразующих элементов.

Во всех случаях, когда одна значащая часть слова оканчивается, а следующая за ней начинается одним и тем же согласным звуком, это находит отражение на письме в виде написания двойной согласной. Примеры таких написаний: на стыке приставки и корня: *в-возить*, *с-сыпать*, *от-толкнуть*, *под-давать*, *пред-дверие*, *воз-звание*, *раз-звонить*, *без-зубый* (то же при оглушении приставок, оканчивающихся на *з*: *ис-сушить*, *вос-стать*, *рас-сыпать*, *бес-совестный*, *черес-седельник*); на стыке приставки и остальной части слова, также начинающейся с приставки, такие случаи очень редки (обычно вторая приставка в этих случаях является чисто этимологической), например: *рас-спрашивать*, *бес-связный*, *бес-сознательный*, *вос-создать*; на стыке корня и суффикса

(с суффиксом *ск* почти исключительно в названиях населенных пунктов и в прилагательных, образованных от таких названий): *Спас-ск*, *Черкес-ск*, *Новочеркас-ск*, *арзамас-ский*, *котлас-ский*, *вильнюс-ский*, *тбилис-ский*, *кутаис-ский*, *рус-ский; бан-ный*, *сон-ный*, *плен-ный*, *вин-ный*, *осен-ний*, *весен-ний*, *стран-ник*, *сторон-ник*, *звон-ница*, *поклон-ник*, *дан-ник*, *измен-ник; гул-ливый*. Сюда же могут быть отнесены возвратные формы глаголов с основами, оканчивающимися на *с*, например: *снес-ся*, *спас-ся*, *тряс-ся*, *срос-ся*.

Особый случай представляют собой сложносокращенные слова, в которых предшествующая часть оканчивается, а следующая начинается одним и тем же согласным звуком, например: *Моссовет*, *Востоккино*, *обллит*, *леччасть*, *главврач*, *поммастера*.

Не всегда соблюдается написание двойного *с* в прилагательных, образованных посредством суффикса *ск* от географических названий (главным образом иноязычных), основа которых оканчивается на *с*: так, например, наряду с *даугавпилсский* (от *Даугавпилс*) находим *Вентспилский* (от *Вентспилс*)[1], *тукумский* (от *Тукумс*)[2], принято писать *реймский* вместо *реймсский* (от *Реймс*). От некоторых географических названий и названий народов на *-ск* прилагательные образуются не обычным присоединением к основе суффикса *ск* (как, например, в прилагательных *баскский* от *баск* и *оскский* от *оск*), а присоединением суффикса *ск* к основе с опущенным конечным *к*, например: от *Дамаск* — *дамасский*, от *Буск* (город в Львовской области УССР) — *бусский*, от *этруск* — *этрусский*, причем двойное *с*, как находящееся перед согласным, произносится чаще без удлинения. Вот почему написание таких прилагательных требует знания их состава. Однако, как правило, от географических названий на *-ск* прилагательные образуются без суффикса (*курск-ий*, *смоленск-ий*). Поэтому в таких прилагательных, в соответствии с тем, как пишутся существительные, от которых они образуются, перед *к* пишется то одно, то два *с*, например: *омский* (от *Омск*), *пинский* (от *Пинск*), *орский* (от *Орск*), *ногинский* (от *Ногинск*), *зарайский* (от *Зарайск*), но: *спасский* (от *Спасск*), *черкесский* (от *Черкесск*), *новочеркасский* (от *Новочеркасск*), *глусский* (от *Глусск*).

§ 83. В отдельных случаях возникают затруднения при решении вопроса о том, есть ли в слове приставка, или ее

---

1 „СССР. Административно-территориальное деление союзных республик", изд. „Известия Советов депутатов трудящихся СССР", изд. 4-е, М., 1946, стр. 363.

2 Там же, стр. 432.

нет (и если есть, то какая именно из двух возможных), а от этого в свою очередь зависит вопрос о необходимости или ненужности двойной согласной. Так, в слове *подданный* в значении „гражданин какого-нибудь государства" приставка *под* (а не *по*, как в слове *поданный*, являющемся страдательным причастием прошедшего времени от глагола *подать*); также следует различать слова *оттопить* („кончить топить") и *отопить* („нагреть топливом"), *наддрать* („надорвать") и *надрать* („добыть, отдирая или раздирая"), *оттереть* („сильно давя, оттолкнуть, оттеснить откуда-нибудь") и *отереть* („вытирая, сделать сухим")[1]. В глаголе *разевать* (совершенный вид — *разинуть*) Грот усматривал приставку *раз*, полагая, что это слово образовано от *зиять*; на этом основании он считал, что в данном глаголе следовало бы писать два *з*[2]. В настоящее время глаголы *разевать* и *разинуть* воспринимаются как имеющие различные основы и потому рассматриваются как супплетивные видовые формы. В обоих этих глаголах можно, с одной стороны, усмотреть приставку по ассоциации с такими глаголами, как *раскрывать — раскрыть*, *раздвигать — раздвинуть* и т. п. Но, с другой стороны, выделению приставки мешает здесь невозможность приписать какое-либо значение бесприставочным элементам *евать* и *инуть*. Все это заставляет считать глаголы *разевать — разинуть* в современном языке бесприставочными.

Глагол *отворить* в настоящее время явно входит в одну лексическую группу с глаголами *затворить*, *растворить*, *притворить* (ср. образованные от того же корня *затвор*, *створка*). В таком случае кажется невозможным объяснить, почему *отворить* пишется и всегда писалось с одним *т*[3]. Причиной этого на первый взгляд странного факта является то, что *отворить* этимологически связано не с глаголом *творить*, а с глаголом *отъврѣсти* („открыть"). Об этом значении последнего убедительно свидетельствуют многочисленные примеры, приводимые Срезневским в его „Материалах для словаря древнерусского языка", т. II, стр. 777, как то: „Пристоупивъ къ вратомъ повелѣ отъврьсти, вънити хотѧ", „Не ѾВрѣсти дверии" и т. п. (ср. современное *отверстие*). См. также

---

[1] У Федина читаем: „Госпитали мчали на грузовиках свои кровати, учреждения — свои *оббитые* шкапы" („Необыкновенное лето", гл. 11), ср. „стены, *обитые* сукном".

[2] В „Словаре Академии Российской, по азбучному порядку расположенном", ч. III, СПб., 1792, стр. 171, находим написание *раззѣвать*.

[3] См. „Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный", в котором этот глагол дается в написании с одним *т* (ч. VI, 1794, стр. 67).

„Церковный словарь П. Алексеева“, СПб., 1818: „отврести — отверсти; отворить“ (ч. 3, стр. 176). Объединение в одну лексическую группу глагола *отворить* с глаголами *растворить*, *притворить* и т. п., повидимому, произошло позже, когда связь между *отворить* и *отъврѣсти* утратилась.

По поводу состава глагола *разорить* существует два мнения. Одни полагают, что здесь приставка *раз* присоединена к глаголу *орить*, обозначающему „разрушать“. В русском языке такой глагол неизвестен, но в старославянском и сербском языках он употреблялся со значениями „ронять“, „заставлять падать“ (в первом) и „разрушать“ (во втором)[1]. Существительное *оритель* со значением „разрушитель“ засвидетельствовано в памятниках древнерусского языка[2]. Другие полагают, что *разорить* представляет собой сочетание приставки *раз* с глаголом *зорить*. Последний широко распространен в русских говорах и нашел отражение в художественной литературе (у Мельникова-Печерского, Мамина-Сибиряка, М. Горького)[3]. Очень возможно, что современное *разорить* представляет собой результат слияния обоих глаголов, бывших столь близкими по значению, в одну лексическую единицу. Написание с одним *з* (двух *з* в этом глаголе и в производных от него не находим ни в одном словаре) отражает состав образования с основой глагола *орить*.

§ 84. Особым вопросом является употребление двойного *н* в суффиксах некоторых категорий имен прилагательных и страдательных причастий прошедшего времени. Как общее правило, двойное *н* пишется также в словах производных от прилагательных и причастий, в суффиксах которых пишется двойное *н* (что будет подробнее изложено ниже).

1. В прилагательных двойное *н* пишется в суффиксах, начинающихся с *е*. Таким образом, на письме получается суффикс *енн*. Суффикс *енн* всегда пишется в прилагательных, образованных от именных основ, например: *листв-енный*, *жертв-енный*, *клятв-енный*, *молитв-енный*, *жат-венный*, *клюкв-енный*, *торжеств-енный*, *дарств-енный*, *родств-енный*, *чувств-енный*, *убийств-енный*, *мертв-енный*, *собств-енный*, *жизн-енный*, *болезн-енный*, *безбоязн-енный*, *неприязн-енный*, *ведр-енный*, *обед-енный*, *особ-енный*, *утр-енний*, *искр-енний*, *внутр-енний*, *низм-енный*, *равно-*

[1] См. А. Г. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, вып. 9, М., 1914, стр. 658.

[2] См. И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. 2, стр. 706.

[3] См. „Словарь русского языка“, сост. вторым отд. И.А.Н., т. II, вып. 9, СПб., 1907, стр. 2860, а также В. И. Даль. Словарь живого великорусского языка, изд. 2-е, 1880, т. I, стр. 717.

бедр-енный, бесчисл-енный. Далее, суффикс *енн* всегда пишется в прилагательных, в которых этому суффиксу предшествует звукосочетание *ов*, например: *обыкнов-енный, вдохнов-енный, откров-енный, дерзнов-енный, мгнов-енный, прикоснов-енный*. Обычно в таких прилагательных непроизводная основа глагольная; ко всем таким прилагательным существуют параллельного образования существительные на *-ние* (ср. *обыкновение, вдохновение, откровение, дерзновение, мгновение, прикосновение*). Суффикс *енн* пишется также в немногочисленных прилагательных, относящихся к разговорному стилю, в значение которых суффикс этот вносит оттенок значительного усиления качества, например: *здоровенный, тяжеленный, толстенный, широченный, высоченный, страшенный*. Кроме того, суффикс *енн* пишется в прилагательных (не входящих ни в одну из приведенных категорий) *обеденный, особенный* и *соломенный*.

Из прилагательных, образованных от основ существительных при помощи суффикса, который начинается с *я*, с двумя *н* пишутся только три: *оловянный, деревянный, стеклянный*. Все остальные прилагательные этого типа (т. е. с суффиксом, начинающимся с *я*, а также с *а*) пишутся с одним *н*, например: *масляный* (ср. „*масляная* краска"), *нитяный, ветряный* (ср. „*ветряная* мельница"), *овсяный, полотняный, платяной, нефтяной, кровяной, дровяной, жестяной, ржаной, кожаный*.

2. Два *н* пишется также в суффиксе *онн*. Прилагательные с суффиксом *онн* образуются от существительных на *-ия* (преимущественно на *-ция*), например: *революционный, станционный, позиционный, порционный, традиционный, авиационный, редакционный, секционный, комиссионный, диверсионный, дискуссионный, дивизионный, ревизионный, провокационный*.

Примечание. В прилагательных, образованных при помощи суффикса *ин*, пишется одно *н*. Прилагательные с суффиксом *ин* образуются обычно от названий животных, в частности птиц, например: *лошадиный, львиный, козлиный, звериный, мышиный, крысиный, гусиный, петушиный, утиный, куриный, соловьиный, воробьиный, голубиный, грачиный, ястребиный*[1]. Сюда же относится старое прилагательное *гостиный* (от *гость* — „купец", ср. „*гостиный* двор" — торговые ряды в особо отведенном для того помещении).

О написании двойных согласных в прилагательных, образовавшихся из страдательных причастий прошедшего времени, см. ниже, п. 4.

---

[1] Ср., впрочем, у Федина: „В стеклянной банке на подставке для цветов по-весеннему кудрявился нежнозеленый сноп *тополиных* ветвей" („Необыкновенное лето", гл. 6).

3. В полных страдательных причастиях прошедшего времени суффикс всегда пишется с двумя *н*, например: лекции, *читанные* в весеннем семестре; боец, *раненный* в голову; яйца, *сваренные* вкрутую; товары, *купленные* в городе; бомбы, *сброшенные* с самолетов; законы, *утвержденные* Верховным Советом; отряд, *усиленный* двумя ротами; кружки, *организованные* при клубе; рабочий, *квалифицированный* по шестому разряду.

В краткой форме страдательные причастия прошедшего времени всегда пишутся с одним *н*, например: эти лекции *читаны* давно; боец *ранен* (сестра *ранена*) в голову; товары *куплены* по дешевой цене; яйцо *сварено* вкрутую; бомба *сброшена* с самолета; законы *утверждены* Верховным Советом; отряды *усилены* свежим пополнением; кружки *организованы* при клубе; работница *квалифицирована* по шестому разряду.

4. В суффиксе полных прилагательных, образовавшихся из страдательных причастий прошедшего времени, пишется: а) одно *н*, если прилагательное не имеет приставки и если глагол, от основы которого оно образовано, не заключает в себе суффикса *ова*; б) два *н*, если прилагательное имеет приставку или если глагол, от основы которого оно образовано, заключает в себе суффикс *ова*. Примеры: *раненые* бойцы не покидали строя; около станции торговали *топленым* молоком, *вареными* яйцами, *солеными* огурцами и *мочеными* яблоками; на нем был *рваный* полушубок; ограда из *тесаного* камня; начертить *ломаную* линию; но: больной нуждается в *усиленном* питании; мы живем в *умеренном* климате; у него был *рассеянный* вид; говорить *уверенным* тоном; он был в *поношенном* платье; налет *моторизованной* пехоты; его лечил *квалифицированный* врач; это все люди *образованные*.

5. В кратких прилагательных, образовавшихся из страдательных причастий прошедшего времени, пишется: а) одно *н* — в форме мужского рода, например: наш климат *умерен*; ты сегодня *рассеян*; тон его был *уверен*; он очень *образован*; б) два *н* — в формах женского и среднего рода и множественного числа, например: моя ученица *рассеянна*; девочка умна и *воспитанна*; в этой школе ученики *дисциплинированны*; учителя *образованны* и *начитанны*.

6. В существительных с суффиксами *ик*, *иц* и *ость* и в наречиях на *-о*, образованных от прилагательных рассмотренных типов, написание двух или одного *н* зависит от того, два или одно *н* пишется в соответствующем прилагательном, например: *лиственница* (от *лиственный*),

родственник, родственница (от *родственный*), *чувственность* (от *чувственный*), *собственник, собственница* (от *собственный*), *утренник* (от *утренний*), *откровенность* (от *откровенный*), *низменность* (от *низменный*), *революционность* (от *революционный*), *дискуссионность* (от *дискуссионный*), *начитанность* (от *начитанный*), *организованность* (от *организованный*), *воспитанник, воспитанница, воспитанность* (от *воспитанный*), *избранник, избранница* (от *избранный*), но: *путаник, путаница* (от *путаный*), *мученик, мученица* (от *мученый*), *ученость* (от *ученый*), *вареник* (от *вареный*), *масленица* (от *масленый*), *мороженица* (от *мороженое*).

Под это правило полностью подходят также существительные, образованные от прилагательных с двумя *н*, из которых первое является конечным согласным непроизводной основы, например: *пленник, пленница* (от *плен-ный*), *подлинник* (от *подлин-ный*), *современник, современница, современность* (от *современ-ный*), *песенник* (от *песен-ный*), *коренник* (от *корен-ной*), *винница* (от *вин-ный*), *тленность* (от *тлен-ный*), но: *конопляник* (от *конопл-яный*), *нефтяник* (от *нефт-яной*), *гостиница* (от *гост-иный*), *дровяник* (от *дров-яной*), *дощаник* (от *дощ-аной*).

Примеры на наречия: *откровенно, взволнованно, уверенно, организованно, дрянно, подлинно, временно*, но: *путано, учёно*.

Примечание. Изложенные выше правила о написании двух и одного *н* распространяются также на сложные слова, в состав которых входят соответствующие прилагательные и производные от них слова, например: *самоуверенный, общепризнанный, малообразованный, благовоспитанный, нижеуказанный, целенаправленный, глубокомысленный, высокоторжественный, богобоязненный, многочисленный, единомышленный* (и *единомышленник*), *псевдоученый* (и *псевдоученость*), *гостинодворец*.

§ 85. К приведенным правилам о написании двух и одного *н* на стыке корня и суффикса и в суффиксах некоторых частей речи необходимо дать несколько пояснений и дополнительных замечаний.

1. Как известно, в причастных формах в древнерусском языке первоначально, и очень долго, писалось одно *н*. Несомненно, что эти формы и произносились с *н* недолгим. Что касается прилагательных, образованных при помощи суффикса *ьн* от существительных с основой, оканчивающейся на *н*, то они писались как с двумя, так и с одним *н*. Все более распространявшиеся написания с двумя *н* оказали влияние на произношение: долгое *н* стало произноситься и в таких прилагательных, которые еще не писались

с двумя *н*. Результатом всего этого и явилось написание во всех таких прилагательных двух *н*.

2. Пишутся с двумя *н* также некоторые прилагательные, связь которых с глагольными основами несомненна, но которые или нельзя вовсе считать бывшими страдательными причастиями, или, если и можно, то лишь с известными оговорками. Таковы прилагательные *постоянный*, *беспрестанный*, *недреманный*, *невозбранный*, *отчаянный*.

Первые три нельзя считать бывшими формами страдательных причастий потому, что глаголы, от основ которых они образованы, — непереходные. Что касается прилагательного *невозбранный*, то хотя глагол *возбранить* и переходный, но причастие от него должно быть не „возбранный", а *возбраненный*. В данном случае мы имеем дело не с причастной формой, а со старым отглагольным прилагательным, образованным при помощи суффикса *ьн* (*возбран-ьн-ый*, современное *возбранный*, с отрицанием *не*).

Одним из значений глагола *отчаяти* в древнерусском языке было „признать безнадежным" (см. И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. II, стр. 233). Поэтому *отчаянный* — „признанный безнадежным". Буслаев дает для *отчаянный* значение „отвергнутый" (см. его „Историческую грамматику русского языка", изд. 5-е, Этимология, М., 1881, § 55).

Прилагательные *постоянный* и *недреманный* могли образоваться от соответствующих глагольных основ по аналогии с *невозбранный*.

Прилагательное *беспрестанный* восходит по своему образованию к древнерусскому наречному выражению *без престани* („без перерыва").

3. До сих пор удерживаются в нашем правописании с одним *н* слова *приданое*, *посажёный* (употребляемое только в словосочетаниях „посажёный отец", „посажёная мать"), а также в слове *подержаный* („не новый", например, „*подержаная* мебель"). Первое из них употребляется в качестве существительного со значением, далеко отошедшим от значения глагола *придать*. Во втором специфическое значение сочеталось с переносом ударения на суффикс (ср. „ребенок, *поса́женный* на скамейку"; „картофель, *поса́женный* в песчаную почву"). Что касается третьего, то написание его не является устойчивым: так, в „Толковом словаре живого великорусского языка" В. И. Даля слово *подержаный* написано с одним *н* (см. изд. 2-е, 1881, т. III, стр. 176). В „Подробном орфографическом словаре" В. Зелинского, изд. 2-е, М., 1914, находим написанное с двумя *н* слово *подержанный* (стр. 458) и даже *посаженный* (отец) (стр. 479). В „Толковом словаре

русского языка“ под редакцией Д. Н. Ушакова даны *подержанный* и *подержаный* (т. III, стр. 383), в „Словаре русского языка“ С. И. Ожегова, М., 1949 — *подержанный* (стр. 557); последнее следует считать наиболее приемлемым.

4. В русском языке есть небольшое число существительных с суффиксами *ик* и *иц(а)*, образованных от страдательных причастий на *-нный*, не употребляющихся в значении прилагательных. Такие существительные пишутся с двумя *н*. К ним относятся, например: *утопленник, утопленница* (от *утопленный*), *удавленник* (от *удавленный*), *помазанник* (от *помазанный*), *ставленник, ставленница* (от *ставленный*).

5. В заключение следует отметить группу таких прилагательных, образовавшихся из страдательных причастий от бесприставочных глаголов, в которых против правила сохраняется написание двух *н*: *данный* (например, „в *данном* случае“), *желанный, невиданный, неслыханный, нежданный, негаданный, нечаянный* и нек. др. С двумя *н* пишутся и такие прилагательные от глагольных основ с суффиксом *ова, ева*, к которым нет в употреблении соответствующих причастных образований (иногда в виду непереходности соответствующих глаголов), например: *рискованный, образованный* („получивший образование“), *йотированный* и *йотованный, экзальтированный* и нек. др.

Употребление букв ъ *и* ь

§ 86. Как уже сказано выше (§ 3), буквы *ъ* и *ь* в настоящее время не обозначают никаких звуков или звукосочетаний. Буква *ъ* употребляется после согласных на стыке приставки и корня или на стыке двух основ сложного слова перед буквами *я, ё, е, ю* для указания на то, что эти буквы обозначают сочетание „йота“ с гласным *а, о, э, у*, например: *изъять, съёжиться, съесть, предъюбилейный, трехъярусный, сверхъестественный*. Такое произношение слов с *ъ* перед перечисленными гласными становится отчетливо ясным при сравнении их со словами *взять, обнадежить, сесть, стеклярус, утюжить* и т. п., в которых гласным *я, ё, е, ю* непосредственно предшествует согласная буква.

Это правило распространяется также на заимствованные слова, содержащие в своем составе иноязычные (обычно латинские) приставки, оканчивающиеся на согласный звук, и на сложные слова, пишущиеся слитно, например: *объект, субъект, адъюнкт, адъютант, инъекция, конъюнктура*,

трансъевропейский, *фельдъегерь*, *оберъегермейстер*. К словам с приставкой должны быть отнесены также слова с местоимением-приставкой *пан* (обозначающей то же, что русское *все*), например: *панъевропейский*, *панъяпонский*. Написание таких (правда, крайне немногочисленных) слов без *ъ*, наблюдающееся в настоящее время (например, „паневропейский") неизбежно должно приводить к произношению их без „йота", т. е. к неправильному произношению.

В то же время следует отличать от слов рассмотренной категории сложные слова, пишущиеся через дефис: в них перед гласными *я*, *ё*, *е*, *ю* буква *ъ* не пишется, например: *камер-юнкер*, *контр-ярус*.

Не пишется также *ъ* перед *я*, *ё*, *е*, *ю* в словах, в которых первой частью сложения является *пол* (в значении „половина"), отделяемое дефисом (§ 91), например: *пол-яблока*, *пол-ёлки*, *пол-ерша*, *пол-юрты*. То же относится к сложносокращенным словам, например: *детясли*, „*Главювелир*".

§ 87. Буква *ь*, в отличие от буквы *ъ*, выполняет несколько функций: 1) Она указывает, что предшествующая ей согласная буква обозначает мягкий звук, например: *цель*, *весь*, *брать*, *тронь*, *польза*, *галька*, *банька*, ср. *цел*, *вес*, *брат*, *трон*, *ползать*, *галка*, *банка*. 2) Она указывает, что слово, в конце которого она написана, принадлежит к определенной грамматической категории, например: *мышь*, *глушь*, *рожь*, *залежь*, *речь*, *помощь* — именительный и винительный падеж существительных женского рода единственного числа, ср. *камыш*, *кряж*, *калач*, *плащ*, принадлежащие к мужскому роду; *плачь* — повелительное наклонение в отличие от существительного *плач*; *родиться*, *броситься*, *садиться*, *кинуться*, *вернуться* и т. п. — неопределенная форма в отличие от форм 3-го лица *родится*, *кинутся* и т. п. 3) Она указывает, что следующие за ней буквы *я*, *ё*, *е*, *ю*, а также *и* обозначают сочетание „йота" со звуками *а*, *о*, *э*, *у*, *и*, например: *пьяный*, *завьём*, *пьеса*, *солью́*, *мышьи*, ср. *пять*, *зовем*, *песня*, *солю*, *мыши*. Таким образом, в отношении последней своей функции буква *ь* тождественна букве *ъ* с той лишь разницей, что *ь* пишется не после приставки и не на стыке основ в сложных словах. Кроме того, *ь* пишется не только перед *я*, *ё*, *е*, *ю*, но и перед *и*.

Из всего сказанного об употреблении буквы *ь* ясно, что функции ее разнообразны. Что касается ее роли как знака мягкости предшествующего согласного, то следует отметить, что мягкость согласного обозначается буквой *ь* не всегда, а только тогда, когда мягкий согласный звук при-

надлежит к числу парных по мягкости и твердости и когда при этом такой согласный мягок не в силу тех фонетических условий, при которых твердый согласный заменяется мягким, а независимо от этих условий. Поясним это на примерах. В конце слов, где одинаково возможен как твердый, так и мягкий согласный из числа парных по твердости и мягкости, мягкость согласного всегда обозначается буквой *ь*, например: *кровь* (ср. *кров*), *кладь* (ср. *клад*), *вязь* (ср. *вяз*), *моль* (ср. *мол*), *вонь* (ср. *вон*), *жарь* (ср. *жар*). То же и в середине слов перед согласными в таких положениях, когда возможны как мягкий, так и твердый согласный, например: *Колька* (ср. *колка*), *редька* (ср. *редко*), *банька* (ср. *банка*). После *ч* и *щ*, которые всегда обозначают мягкие согласные звуки, буква *ь* для обозначения мягкости не употребляется, ср. такие слова, как *мяч*, *калач*, *плеч*, *встреч*, *могуч*, *жгуч*, *плащ*, *товарищ*, *училищ*, *кладбищ*, *рощ*, *всеведущ*, *блестящ*. А написание *ь* в таких словах, как *ночь*, *дочь*, *помощь*, *вещь*, *беречь*, *толочь*, *назначь*, *навзничь*, *беречься*, *толочься* и т. п., для обозначения мягкости согласного не нужно: буква *ь* указывает на грамматическую категорию, к которой относится то или иное из слов этого типа.

Не пишется также *ь* после таких мягких согласных, мягкость которых обусловлена тем, что за ними следует другой мягкий согласный, но которые звучат как твердые во всех других положениях. Так, например, в слове *чистить* после *с* не пишется *ь*, так как мягкость *с* здесь вызывается мягкостью следующего *т* (ср. *чистый*, где перед твердым *т* согласный *с* твердый). То же в словах *злюка* (*з* мягкое), *две* (*д* мягкое), *усни* (*с* мягкое) — ср. *злой*, *два*, *уснуть*, в которых те же согласные перед твердыми согласными произносятся твердо. На этом принципе основано правило о том, что не следует писать *ь* после *н* перед всегда мягкими *ч* и *щ*, так как под влиянием мягкости последних *н* обычно смягчается, ср., например, такие слова, как *кончить*, *нынче*, *солончаки*, *нянчить*, *банщик*, *женщина*, „*Задонщина*" и т. п. С другой стороны, мягкость *л* обозначается буквой *ь* (кроме положения перед мягким *л*), так как перед всеми мягкими согласными, кроме мягкого *л*, согласный *л* может быть как твердым, так и мягким, ср. *только* и *толк*, *мальчик* и *молчать*, *пильщик* и *толще*, *вольница* и *волны*, *пальтишко* и *полтина* и т. п.; ср. однако *гулливый*, где *ь* после первого *л* не пишется, так как в данном положении первое *л* не может быть произнесено твердо.

В заключение необходимо еще остановиться на употреблении *ь* перед *о* в сравнительно немногих заимствованных (большей частью из французского языка) словах, впрочем,

давно уже обрусевших и теперь широко распространенных. Это такие слова, как *батальон*, *почтальон*, *бульон*, *медальон*, *компаньон*, *шампиньон*, *павильон*. Сюда же относятся и некоторые менее распространенные, например: *гильотина*, *карманьола*, *шиньон*, *котильон*, *синьор*, а также нерусские имена собственные типа *Миньон*, *Авиньон*, *Сандрильона*. Сочетание букв *ьо* в таких словах произносится как „йо“.

Написания слитные и полуслитные (через дефис)

Вводные замечания

§ 88. По существу своему вопрос о слитном и полуслитном написаниях (а следовательно, и о раздельном написании) является вопросом в большей мере лексическим, нежели собственно орфографическим. Здесь могло бы, на первый взгляд, действовать простое и ясное правило — писать слитно то, что является отдельным целым словом, а одно слово от другого на письме отделять. Но уже тот факт, что наряду со слитными и раздельными написаниями существуют написания полуслитные (через дефис), говорит о существовании в русском языке переходных явлений. Во многих случаях два слова (а изредка и большее число слов) утрачивают свою лексическую самостоятельность и вступают на путь превращения в одну лексическую единицу, не доходя однако до полного слияния в одно слово. Поскольку процесс этот чрезвычайно многообразен, совершается постепенно и обычно довольно медленно, мы постоянно застаем отдельные объединяющиеся лексические единицы на разных ступенях их движения к слиянию в одну новую лексическую единицу. Все это находит отражение на письме. Однако в силу специфических особенностей последнего (ограниченность средств графического обозначения многих частных явлений языка, неизбежное отставание орфографии от языка, находящегося в состоянии непрерывного развития, и нек. др.) полного соответствия действующих правил письма реальному положению в области деления речевого потока на словесные единицы никогда не было и быть не может.

Задача орфографии в данной области состоит прежде всего в том, чтобы закрепить в виде слитных написаний те сложные лексические образования, смысловая цельность которых находит отражение в их строении (слияние при помощи соединительной гласной, объединение общей для

всего образования системой флексий, выделение данного образования из ряда смежных лексических единиц посредством собственного ударения).

Далее, орфография должна отражать, посредством написаний полуслитных (через дефис), те случаи, когда две или, реже, несколько словесных единиц, приближаясь к превращению в одну сложную единицу, не стали ею полностью. В тех же случаях, когда мы имеем дело с явным словосочетанием, хотя бы и лексикализованным, т. е. обозначающим одно понятие, как, например, *железная дорога*, *красный уголок*, *лечь в дрейф*, никаких не только слитных, но и полуслитных написаний быть не должно.

Изложенные выше принципы в целом и осуществляются в русском правописании. Но, применяемые к большому количеству разнообразных и очень сложных языковых явлений, они дают множество отдельных правил, которые в своей совокупности отражают как основную закономерность в образовании сложных слов, так и противоречия, свойственные языку в его движении, а также недостаточную гибкость самой орфографии, по своей природе более консервативной, чем язык.

Все сказанное будет конкретизировано в дальнейшем изложении.

Общие правила

§ 89. Сначала будут рассмотрены правила, в одинаковой мере относящиеся ко всем частям речи. Правила, относящиеся к отдельным частям речи, будут рассмотрены в дальнейших параграфах.

Слитно пишутся:

1. Все сложносокращенные слова и производные от них. Сложносокращенными словами являются преимущественно имена существительные, например: *колхоз*, *местком*, *профсоюз*, *комсомол*, *эсминец*. Сюда же относятся сложносокращенные наименования государственных учреждений, общественных организаций, торговых предприятий, должностей, а также военные звания и т. п., например: *нарсуд*, *госконтроль*, *технадзор*, *обком*, *горисполком*, *Досарм*, *облторг*, *орготдел*, *главбух*, *управдом*, *начдив*, *бортмеханик*. Примеры производных слов: *колхозный*, *месткомовский*, *комсомолец*, *орготдельский* и т. п.

2. Слова с приставками. Здесь имеются в виду слова, в которых приставка является живой составной частью и, следовательно, может быть либо отброшена, либо заменена другой приставкой (в связи с чем соответственно изме-

няется значение слова); сюда же относятся и слова с вновь входящими в язык приставками из наречий и предлогов, например: *сверхприбыль*, *околосердечный*, *послевоенный*, *внутрирайонный*, *межпланетный*, *ультрафиолетовый*, *архинелепый;* существенной особенностью таких образований является то, что приставки имеют в них дополнительное ударение. Некоторые иноязычные приставки, употребляемые обычно в сочетании с иноязычными же по происхождению существительными, пишутся через дефис. Это приставки *экс*, *обер*, *унтер*, *вице*, *контр* (не в значении „против"), например: *экс-чемпион*, *обер-кондуктор*, *контр-адмирал*.

3. Сложные слова, первой составной частью которых является количественное числительное (если последнее пишется буквами, а не обозначается цифрами), например: *пятилетка*, *трехтонка*, *семидесятипятилетие*, *трехметровый*, *тысячекилометровый*, *стопроцентный*, *двоедушный*, *троекратно*.

Полуслитно (через дефис) пишутся:

1. Сложные слова, представляющие собой точное удвоение (или утроение) какого-либо слова с целью усиления значения (часто с внесением эмоционального оттенка), например: *маленький-маленький*, *громко-громко*, *еле-еле*, *еле-еле-еле*, *едва-едва*, *чуть-чуть*, *ходишь-ходишь*, *просишь-просишь*. Такие сложные слова произносятся без паузы между их составными частями и с одним основным ударением (при этом возможно и второстепенное ударение на одной из составных частей).

Примечание. Некоторые случаи объединения одинаковых слов в сложное слово с целью усиления значения внешне близки к случаям повторения, вносящего значение многократности или длительности. Так, в предложении: „Я его *просил-просил*, а он не соглашается", *просил-просил* означает „усиленно просил"; в предложении же: „Я его *просил*, *просил*" — другое значение: „не раз просил". То же в предложении: „А зуб все *болит*, *болит*" — здесь говорится о длительной боли. Значение повторяемости находим также в предложениях типа „За теми деревнями *леса*, *леса*, *леса*" (М.-Печерский), т. е. одни леса сменяются другими. Указанные различия в значениях находят отражение в интонации соответствующих слов (во втором случае — интонация перечисления).

2. Сложные слова, представляющие собой повторение какой-либо основы, но с разными приставками и суффиксами, например: *крепко-накрепко*, *волей-неволей*, *большой-пребольшой*, *день-деньской*, *рад-радехонек*, *мало-мальски*, *один-одинешенек*, *жить-поживать*. Сюда же примыкают сложные слова, составленные из двух синонимических слов, например: *нежданно-негаданно*, *подобру-поздорову*, а также словесные пары, образуемые из слов, близких по категории

значений и могущих быть соединенными, без изменения смысла, союзом *и*, например: *пить-есть*, *отец-мать*, *хлеб-соль*, *руки-ноги*.

Из правил, изложенных в последних двух пунктах, обычно исключаются обороты, представляющие собой два одинаковых существительных, из которых одно стоит в именительном, а другое в творительном падеже единственного числа (такие обороты выполняют в предложении роль обстоятельства образа действия), например: *дурак дураком*, *свинья свиньей*, *чин чином*, *честь честью*.

3. Сложные слова, первой составной частью которых является количественное числительное, если это числительное обозначено цифрами, а не буквами, например: *10-летний*, *3-процентный*, *120-вольтный*. Такие написания характерны для специальной литературы. Понятно, что употребление в них дефиса, в отличие от слитного написания слов того же типа, пишущихся сплошь буквами, объясняется обстоятельством чисто графического свойства — невозможностью полного слияния цифровой, т. е. идеографической, части слова с буквенной.

4. Специальные термины и наименования, в том числе и аббревиатурного типа, в состав которых входит отдельная буква алфавита, например: *β-лучи*, или числительное, написанное цифрами, например: *ЗИС-110*.

Имена существительные

§ 90. Слитно пишутся:

1. Сложные существительные, образованные при помощи соединительных гласных, а также все образования с первой составной частью типа *фото*, *электро*, *радио*, *авто*, *аэро*, *метро*, *кино*, например: *паровозоремонт*, *градостроительство*, *льнозаготовки*, *газопровод*, *нефтепровод*, *мышеловка*, *световодолечебница*, *мясохладобойня*, *фотолаборатория*, *электропоезд*, *радиоаппаратура*, *автозавод*, *аэропорт*, *кинопередвижка*.

Колебания наблюдаются нередко в написании слов второй из указанных групп: наряду со слитным написанием встречаются написания через дефис, преимущественно в тех случаях, когда при слитном написании получается длинное слово (например, *электропромышленность*). Однако последнее обстоятельство не может быть основанием для отступления от общего правила, тем более, что в русском языке довольно часто встречаются длинные сложные слова, ср. такие, как *человеконенавистничество*, *семидесятипятилетие*,

рабовладельчество, словорасположение, золотопромышленность, удобопроизносимость, слабохарактерность, водонепроницаемость и т. п. Слова этого типа, несмотря на их многосложность, воспринимаются как на слух, так и зрительно без особого труда благодаря отчетливости тех приемов, посредством которых осуществляются суффиксальное словообразование и словосложение в русском языке.

Некоторые утвердившиеся в практике письма отступления от этого правила будут указаны ниже.

2. Все названия населенных пунктов, второй составной частью которых являются *град, город*, например: *Ленинград, Калининград, Димитровград, Новгород*. В соответствии с принципом, лежащим в основе данного правила, следует писать слитно также названия населенных пунктов, в которые входит составная часть, обозначающая „город" на языках народов СССР (*-абад, -акан, -пилс*), например: *Ленинабад, Сталинабад, Ленинакан, Кировакан, Даугавпилс*.

3. Сложные имена существительные, первой составной частью которых является глагол в форме повелительного наклонения. Таких образований в русском языке очень мало, и они непродуктивны. Это слова типа *держиморда, вертихвостка, вертишейка, горицвет, скопидом, держидерево, ломикамень*. Некоторые из них пишутся полуслитно, например: *сорви-голова, перекати-поле*.

4. Слова с первой составной частью *пол* („половина"), если их вторая составная часть не начинается с прописной буквы, с гласной буквы или с буквы *л*, например: *полночь, полдень, полбутылки, полчаса, полсапожки*.

§ 91. Полуслитно (через дефис) пишутся:

1. Сложные существительные, которые состоят из двух самостоятельно употребляющихся существительных, соединенных без помощи соединительных гласных. В одних сложных существительных данного типа изменяются при склонении обе составные части, например: *изба-читальня, купля-продажа, член-корреспондент, программа-минимум, марксизм-ленинизм, Москва-река*; в других — изменяется при склонении только вторая составная часть, например: *жар-птица, дизель-мотор, премьер-министр, генерал-полковник, плац-парад*.

В написании некоторых разновидностей сложных существительных данного типа наблюдаются различия в тех случаях, когда одной из составных частей является имя собственное. В то время как, например, *Москва-река, Ильмень-озеро, Гуд-гора* и т. п. пишутся через дефис, сочетания того же состава, но с обратным порядком слов пишутся раздельно:

река Москва, *озеро Ильмень*, *гора Машук* и т. п. Это объясняется тем, что в первом случае мы имеем дело с сочетаниями, превращающимися в одно слово (ср. все чаще и чаще наблюдающееся „на *Москва-реку*", „за *Москва-рекой*" и т. п.), чего нет во втором случае.

2. Составные названия политических партий и направлений, научных течений и т. п., а также их сторонников, например: *анархо-синдикализм*, *социал-демократия*, *тред-юнионизм*, *социал-демократы*, *национал-либералы*, *катедер-социализм*, *приват-доцент*.

Сложные существительные данного типа представляют значительные трудности в отношении их написания: в ряде случаев в связи с тем, что первая составная часть их при склонении слова не изменяется, нет полной ясности относительно того, сохраняют ли еще его составные части в какой-либо мере или уже совершенно утратили самостоятельное значение. Известны, наряду с полуслитными, также и слитные написания таких слов, как *социал-демократ*, *приват-доцент* и нек. др., в то же время пишутся всегда слитно такие слова, как *натурфилософия*, *эмпириокритицизм*, *неокантианство* и т. п.

3. Сложные единицы измерения, независимо от того, образованы ли они с помощью соединительных гласных или без них, например: *пудо-верста*, *человеко-день*, *тонна-километр*, *киловатт-час*. Образования этого типа обозначают, что речь идет об умножении числа единиц одного измерения на число единиц другого измерения. Поэтому сюда не подходит такое слово, как *трудодень*, обозначающее единицу учета труда в колхозах (*трудодень* — сложносокращенное образование из „трудовой день").

4. Сложные названия промежуточных стран света, например: *юго-запад*, *северо-запад*, *норд-ост*, *зюйд-вест*. В написаниях существительных данного типа наблюдаются колебания: их пишут нередко слитно („югозапад", „нордост" и т. п.). Однако полуслитное написание целесообразнее, так как оно способствует более отчетливому восприятию двойственного характера этих слов, обе составные части которых одинаково существенны для значения всего слова в целом.

5. Сложные названия растений и цветов, включающие в свой состав: а) личную форму глагола, например: *любишь-не-любишь*, *не-тронь-меня*, б) имена собственные, например: *иван-да-марья*, *иван-чай*. Такие названия единичны. Написание их через дефис зрительно подчеркивает их условный характер.

6. Слова с первой составной частью *пол* („половина"), за которой следует существительное в форме родительного

падежа, начинающееся с прописной буквы, либо с буквы *л*, либо с гласной буквы, например: *пол-Африки*, *пол-Москвы*, *пол-Ленинграда*, *пол-луга*, *пол-листа*, *пол-уха*, *пол-избы* (ср. *полчаса*, *полгорода*, *полбутылки* и т. п.). Написание существительных данного типа через дефис (представляющее собой отступление от общего правила о слитном написании слов с *пол*) объясняется следующими соображениями: а) при слиянии *пол* со словом, начинающимся с прописной буквы, прописная буква оказалась бы внутри слова („полМосквы"); б) слияние *пол* со словом, начинающимся буквой *л*, привело бы к двойной согласной (*лл*), что может вызвать произношение этого буквосочетания как *л* долгого вместо двух *л* (каждое — с самостоятельным затвором в начале) (ср. *пол-лу́га* и *пол̄у́га*, *поллиста́* и *пол̄'иста́* и т. п.); в) слияние *пол* со словами, начинающимися гласными *и*, *я*, *е*, *ю*, вызвало бы смягчение со́гласного *л*, т. е. в словах такого типа, как *пол-избы*, *пол-яблока*, *пол-ели*, *пол-юга*, получилось бы произношение „полизбы́", (ср. *поли́п*), „поляблока" (ср. *поля́на*), „поле́ли" (ср. *поле́но*), „полюга" (ср. *полю́бит*) и т. п.

7. Слова, заключающие в себе иноязычные приставки *унтер*, *обер*, *вице*, *экс*, например: *унтер-офицер*, *обер-кондуктор*, *вице-губернатор*, *экс-чемпион;* так же пишется слово *контр-адмирал* (в котором *контр* не имеет значения „против"). Образования данного типа относятся к числу непродуктивных, в связи с чем приведенное правило не имеет существенного практического значения.

8. Сочетания определяемых существительных с однословными, непосредственно следующими за ними, определениями-существительными, например: *Аника-воин*, *Маша-резвушка*, *Василий-кузнец*, *барышня-крестьянка*, *писатель-самоучка*, *сестра-калека*, *паук-крестовик*, *муха-цокотуха*. Такие сочетания представляют собой значительно более прочное единство, нежели сочетания такого же состава, в которых определяющее существительное стоит перед определяемым, в особенности если определяющее существительное обозначает качественное понятие, могущее быть замененным соответствующим прилагательным, например: *воин Аника*, *кузнец Василий*, *резвушка Маша*, *горемыка Павел*, *бедняга старичок* (ср. „бедный старичок"), *покойник муж* (ср. „покойный муж"), *добряк дядюшка* (ср. „добрый дядюшка"), то же: *попрыгунья стрекоза*, *шалунишка паренек*, *храбрецы воины* и т. п. Трудность установления смысловых взаимоотношений между такими рядом стоящими существительными приводит к колебаниям в написаниях: нередко дефиса нет там, где он нужен, и, наоборот, дефис пишется там, где он излишен.

9. Обширную группу сложных существительных, пишущихся через дефис, составляют сложные имена собственные — личные имена и географические названия. В основе правила о полуслитном написании слов этой категории лежит явление превращения двух слов в такое сложное образование, обе составные части которого (или по крайней мере одна из них) еще не утратили вполне своей самостоятельности и могут употребляться в качестве отдельных слов. Сюда относятся:

а) Русские и иностранные составные фамилии типа *Собольщиков-Самарин, Сухово-Кобылин, Римский-Корсаков, Андерсен-Нексе, Жолио-Кюри* и т. п.

б) Иноязычные фамилии с частицами *фон, ван, да, де* и т. п., например: *фон-Берлихинген, ван-Бетховен, да-Винчи, де-Виньи, Бодуэн-де-Куртенэ.*

Однако, несмотря на наличие изложенного правила, написание фамилий, в особенности нерусских, часто вызывает затруднения. В отношении русских фамилий затруднение может возникнуть лишь тогда, когда первая часть фамилии оканчивается гласной *о*, которая в одних случаях может быть окончанием первой составной части, а в других — соединительной гласной, ср., например, *Сухово-Кобылин*, где первая часть является самостоятельной фамилией (типа *Хитрово, Благово, Мясново, Дурново*), и *Козо-Полянский*, где в первой части можно усмотреть соединительную гласную.

Вопрос о написании иностранных фамилий, имеющих в первой своей части предлоги и артикли, требует серьезной регламентации. Особо нуждаются в регламентации написания китайских и корейских фамилий.

в) Составные фамилии граждан, принадлежащих к многочисленным народам СССР, с такими часто встречающимися препозитивными и постпозитивными элементами, как *тер, мелик* (у армян), *оглы* (у азербайджанцев), *заде* (у таджиков) и др., например: *Тер-Григорьян, Мелик-Пашаев, Турсун-заде.*

г) Составные названия населенных пунктов, государств, провинций, рек, островов и т. п. Когда такое название состоит из двух существительных, сочетающихся без помощи соединительной гласной, оно всегда пишется через дефис, например: *Орехово-Зуево, Каменец-Подольск, Мекленбург-Шверин, Эльзас-Лотарингия, Мармарош-Сигет, мыс Сердце-Камень;* то же — когда оно состоит из существительного и следующего за ним прилагательного, например: *Юрьев-Польский, Гусь-Хрустальный, Переяславль-Залесский, Струги-Красные,* станция *Киев-Товарная.* При наличии в первой составной части соединительной гласной наблюдаются

и полуслитные и слитные написания. Так, пишут *Австро-Венгрия*, *Ассиро-Вавилония*, *Индо-Китай*, но *Чехословакия*.

Очень часто наблюдается разнобой в написании названий населенных пунктов, первой составной частью которых является основа прилагательного с соединительной гласной. Наблюдения над многочисленными словами данного типа показывают, что чаще всего пишущие (речь идет в первую очередь об официальных печатных изданиях, административных, железнодорожных и т. п. справочниках) руководствуются следующим принципом: если наряду со сложным названием существует географическое название без первой составной части, то сложное название пишется через дефис; если же существует только сложное название, то оно пишется слитно. Так, пишут через дефис *Ново-Орск*, *Красно-Гавриловка*, *Верхне-Ивановское*, так как существуют названия *Орск*, *Гавриловка*, *Ивановское*, но: *Новосибирск*, *Новозыбков*, *Краснодар*, *Малоярославец*, *Нижнедевицк*, *Красноуфимск*, так как названий „Сибирск", „Зыбков", „Дар", „Ярославец", „Девицк", „Уфимск" не существует. Но принцип этот не выдерживается с полной последовательностью: пишут слитно *Малоархангельск*, хотя существует *Архангельск*, пишут *Новоборисов*, хотя существует *Борисов*, и т. п.

Через дефис пишутся также большей частью словосочетания, состоящие полностью из иноязычных слов и являющиеся географическими именами собственными, например: *Алма-Ата*, *Кзыл-Орда*, *Янги-Юль*, *Иссык-Куль*, *Нью-Йорк*, *Булонь-сюр-Мер*.

Однако и здесь наблюдаются отступления от указанного принципа: наряду с приведенными известны и написания: *Аюдаг* („Медведь-гора"), *Бештау* („Пять гор"), *Махачкала* („Крепость Махач") и нек. др.

Хотя в отношении давно вошедших в практику написаний трудно не считаться с традицией, следует все же, по крайней мере для вновь возникающих названий, придерживаться указанных выше принципов различения случаев слитного и полуслитного написания.

Имена прилагательные

§ 92. Слитно пишутся имена прилагательные:

1. Образованные от слитно пишущихся имен существительных, например: *лесозаготовочный* (лесозаготовки), *паровозоремонтный* (паровозоремонт), *световодолечебный* (световодолечебница), *Краснодарский* (Краснодар). Данное правило является элементарным и бесспорным: всякая лексическая единица, образуемая от уже окончательно сформи-

ровавшейся цельной основы, тем самым является также цельным образованием.

2. Образованные из сочетания двух слов, из которых одно является определяющим (поясняющим, дополняющим), а другое определяемым (поясняемым, дополняемым). Сюда относятся сложные прилагательные, образованные из сочетания прилагательного, числительного или согласуемого местоимения с существительным, например: *чернокожий* (черная кожа), *частнокапиталистический* (частный капитал), *краснополянский* (Красная Поляна), *душеспасительный* (спасительный для души), *трехпроцентный* (три процента), *двадцатипятиэтажный* (двадцать пять этажей), *многоводный* (много воды), *первоочередной* (первая очередь), *всемирный* (весь мир). Таковы же прилагательные типа *общенародный* (общий для народа), *самовольный* (волей самого производителя действия, например, „самовольный уход"), *самодовольный* (довольный самим собой).

3. Сложные прилагательные, обозначающие единое понятие и представляющие собой объединенные в одно слово наречие с прилагательным или причастием, например: *маловажный*, *тугоплавкий*, *многообещающий*, *вышестоящий*, *нижеуказанный*, *близлежащий*, *верноподданный*, *животрепещущий*, *труднопроходимый*, *свежевыкрашенный*, *общепринятый*, *новоявленный*, *скоропортящийся*, *дорогостоящий*. (О различении слитно пишущихся сложных прилагательных, первой составной частью которых являются наречия, и словосочетаний, состоящих из наречий и прилагательных и причастий, см. § 95.)

4. Образованные из двух основ прилагательных и обозначающие оттенки цветов, если первая основа не имеет перед соединительной гласной *о* суффикса, посредством которого образована эта основа, или имеет суффикс *н*, *л*, а также если первая основа не имеет приставки *из* (*ис*), например: *яркокрасный*, *ясноголубой*, *бледнорозовый*, *мутнозеленый*, *светлокоричневый*, *грязносерый*, *густосиний*, *нежнофиолетовый*, *мягколиловый*. (О написании сложных прилагательных, обозначающих оттенки цветов, с первой составной частью иного состава см. § 93.)

5. Образованные из двух и более основ как посредством соединительной гласной, так и без нее и употребляемые в качестве терминов, например: *грудобрюшная* (преграда), *индоевропейские* (языки), *древневерхненемецкий* (язык), *старославянский* (язык), *азотвыделяющий*, *кислородсодержащий* и нек. др.

Сложных прилагательных данного типа появляется, по мере развития различных наук, все больше и больше.

Слитное написание, часто не связанное со способом их образования, подчеркивает их терминологический характер. Особенно резко выделяются прилагательные, образованные сочетанием существительного (обычно мужского рода) в винительном падеже с действительным причастием настоящего времени (*азотвыделяющий* и т. п.); в них существенными признаками типа сложения являются отсутствие соединительной гласной и твердо фиксированный порядок составных частей: на первом месте существительное, на втором — причастие.

§ 93. Полуслитно (через дефис) пишутся имена прилагательные:

1. Образованные от имен существительных, пишущихся через дефис, например: *социал-демократический, член-корреспондентский, дизель-моторный, анархо-синдикалистский, тред-юнионистский, юго-восточный, норд-остовский, унтер-офицерский, вице-губернаторский, контр-адмиральский, каменец-подольский, ново-орский, австро-венгерский, алма-атинский, аму-дарьинский*. В тех случаях, когда от сложных существительных с дефисом образуются прилагательные с приставкой, такие прилагательные пишутся слитно, например: *антисоциалдемократический, заалмаатинский, приамударьинский*.

2. Образованные из сочетания основ прилагательных и существительных со значением стран света и существительных — имен собственных и являющиеся географическими наименованиями, например: *Восточно-Китайское море, Западно-Казахстанская* область, *Северо-Осетинская автономная область*.

3. Образованные из двух или более основ, обозначающих понятия, смысловое отношение между которыми в данном тексте может быть выражено союзом *и*. Сюда относятся такие прилагательные, как *фабрично-заводской, партийно-комсомольский, колхозно-совхозный, осенне-зимний, рабоче-крестьянский, лако-красочный, горько-соленый, концертно-театральный, историко-филологический*. То же относится к сложным прилагательным, обозначающим двусторонние отношения, например: *русско-французский* (словарь, договор и т. п.), *англо-американский* (блок), *Волго-Донской* (канал), *Московско-Ярославская* (железная дорога), *советско-китайская* (дружба), *франко-прусская* (война).

4. Образованные из двух основ прилагательных и обозначающие оттенки цветов, если первая основа имеет в своем составе суффикс, кроме *н* и *л*, или если первая основа начинается приставкой *из* (*ис*), например: *темновато-красный*,

синевато-голубой, *матово-бледный*, *золотисто-рыжий*, *изжелта-красный*, *иссиня-черный*. Так же пишутся сложные прилагательные со значением признака, свойственного предмету, который обозначен первой основой данного сложного образования, например: *мышино-серый* (серый, как мышь), *табачно-желтый* (желтый, как табак), *снежно-белый* (белый, как снег), *васильково-синий* (синий, как василек), *пепельно-легкий* (легкий, как пепел).

5. Небольшую и в современном языке уже непродуктивную группу составляют пишущиеся через дефис краткие прилагательные, первой частью которых является местоимение *сам*, например: *сам-друг*, *сам-четверт*, *сам-пят*, *самá-пятá* и т. п.

§ 94. Несмотря на то, что правила о слитном и полуслитном написании сложных прилагательных довольно отчетливо предусматривают все важнейшие разновидности образований данного типа, в практике встречается много затруднений при применении этих правил.

Такое положение объясняется несколькими причинами:

1) Не все типы сложных прилагательных охвачены существующими правилами. Так, например, в правилах обычно ничего не говорится о прилагательных, обозначающих не оттенки цветов, а оттенки других признаков, например: *мрачно-красивый* (мир), *тоскливо-громкий* (голос), *глубоко-нежная* (улыбка), *уродливо-жалкая* (маска), *мечтательно-дремотное* (состояние), *добродушно-хитрая* (улыбка), *бешено-нервная* (суто-лока), *гордо-прекрасное* (лицо) и т. п.[1].

2) Не все прилагательные, являющиеся сложными по своему составу, поддаются ясному истолкованию с точки зрения смысловых взаимоотношений между их составными элементами. Таковы, например, прилагательные: *литературно-художественный* (от „художественная литература“ должно бы получиться „художественно-литературный“), *серенько-счастливая* жизнь (от „серенькое счастье“ или „счастливая, однако серенькая“?), *нервно-подвижные* глаза (от „нервная подвижность“ или „нервные и подвижные“?), *гадко-льстивые* слова (от „гадкая льстивость“ или „гадкие и льстивые“?) и мн. др.[2] Различным пониманием смысла этих прилагательных обусловливается различное написание их (слитное или через дефис).

3) Иногда слитное написание часто употребляемых сложных прилагательных дает очень длинные слова; в особенности

---

[1] Все приведенные примеры взяты из произведений М. Горького.
[2] Примеры, кроме первого, также взяты из произведений М. Горького.

тогда, когда первая составная часть оканчивается на *-ико*, *-ическо*, *-ственно*, например: *диалектикоматериалистический* (от *диалектический материализм*), *материалистическофилософский* (от *материалистическая философия*), *государственноправовой* (от *государственное право*) и т. п.

Чаще всего мы встречаемся с полуслитным написанием сложных прилагательных, о которых здесь шла речь, и это является единственным выходом из положения, когда разрешение вопроса о смысловом взаимоотношении между составными частями прилагательного требует длительных и углубленных размышлений. Однако такой „выход" из положения не есть решение вопроса, а иногда он применяется и к таким типам образований, которые ни в коем случае не дают основания для полуслитного написания. Так, например, в печатных изданиях встречаются такие написания: *двух-этажный* (дом), *румяно-ликая* (бабенка), *темно-рыжие* (пятна), и в то же время *истинно-человеческое* (сердце), *капризно-гибкий* (русский язык) и т. п.[1], т. е. полное смешение всех типов сложных прилагательных, а также приравнение к сложным прилагательным словосочетаний, состоящих из прилагательных с предшествующим ему наречием.

§ 95. Здесь уместно остановиться на словосочетаниях, которые по чисто внешним основаниям нередко принимаются за сложные прилагательные. Основой значения таких словосочетаний является то, что стоящее перед прилагательным наречие обозначает признак того признака, который выражен прилагательным. При этом возможно несколько типов таких наречий, а именно: а) наречия, характеризующие степень признака, например: *строго логические* (выводы), *неизъяснимо сладкие* (звуки), *глубоко нежная* (улыбка), *невозмутимо спокойная* (вода), *неуловимо быстрые* (молнии); б) наречия на *-ски*, характеризующие признак путем уподобления, например: *детски маленькая* (головка), *ангельски красивый*, *приятельски фамильярный*, *дьявольски мудрый*, *чертовски зол*, *рабски пошлый*, *мещански скромный*; в) наречия, которые поясняют причастия, выступающие в роли прилагательных, например: *хаотически взволнованные* (чувства), *металлически звеневшие* (фразы), *могуче размахнувшееся* (море), *пошло блестящая* (монетка); г) наречия различных типов, обозначающие признак признака, выраженного прилагательным, например: *постоянно хмурая* (мина), *разнообразно нелепый* (шум), *демонстративно развязный* (вид), *мертвенно тихая* (ночь), *важно задумчивые* (горы), *тошно-*

[1] Примеры взяты из 16-го тома собрания сочинений М. Горького, ГИЗ, М. —Л., 1927.

творно желтые (стены), *обольстительно сладкий* (голос)[1].

Как видно из рассмотренных здесь примеров, различение сложных прилагательных и сочетаний прилагательных с наречиями требует весьма вдумчивого отношения к тексту, но даже и при этом условии возможны случаи, когда установить различие не так-то просто. Так, возможны написания *шаловливо подстерегающая* поза („шаловливо подстерегать") и *шаловливо-подстерегающая* („шаловливая и подстерегающая"), *болезненно тоскливый* голос („в котором слышится болезненная тоска") и *болезненно-тоскливый* („в котором слышатся боль и тоска"), также: *тоскливо выжидательное* и *тоскливо-выжидательное* (выражение), *уродливо жалкая* и *уродливо-жалкая* (маска), *спокойно равнодушное* и *спокойно-равнодушное* (лицо) и т. п.

Однако никакого приема, который бы упростил орфографическую сторону данного вопроса, рекомендовать нельзя, если не отказаться от того, чтобы при помощи различных способов написания передавать те значения и их оттенки, которые свойственны сложным прилагательным и близко к ним стоящим сочетаниям прилагательных с наречиями. Что касается пишущего, то он всегда знает (вернее—должен знать), какой смысл он вкладывает в те слова, которыми он характеризует предмет, и к какому словообразовательному типу эти слова принадлежат, если они являются сложными прилагательными. Знание этого и применение соответствующих приемов написания обеспечат ему максимальную смысловую выразительность. Само собой разумеется, что такими же знаниями должен обладать и читающий для того, чтобы точно воспринять из текста все вложенное в него пишущим.

В заключение следует остановиться на тех сложных прилагательных, которые по расположению составных частей не соответствуют обычному, установленному в языке принципу, а также на образованиях, дающих очень длинные слова (примеры тех и других были приведены выше). Для первых можно установить написание через дефис (*литературно-художественный*, *культурно-просветительный*, *агитационно-массовый* и нек. др.); вопрос о вторых также целесообразно разрешить в пользу полуслитного написания, например: *естественно-исторический* (от *естественная история*), *диалектико-материалистический* (от *диалектический материализм*), *военно-корреспондентский* (от *военный корреспондент*), *производственно-технический*.

---

[1] Все примеры, приведенные в пунктах **а** — **г**, взяты из произведений М. Горького.

Наречия

§ 96. Постановка вопроса о слитном и полуслитном написании наречий принципиально близка к тому, как этот вопрос был поставлен по отношению к прилагательным: в основе того или иного способа написания лежит степень превращения отдельных лексических элементов, бывших ранее или являющихся в настоящее время не наречиями, в новую лексико-морфологическую единицу. Но если в отношении прилагательных речь шла о сращении в одно целое двух лексических единиц (основ) с самостоятельными вещественными значениями, то в отношении наречий основным является вопрос о превращении сочетания предлога с именной падежной формой в новое целое слово, в составе которого уже не различаются ни предлог, ни падеж с его значением и звуковым показателем. Что касается сложных наречий, образованных, подобно сложным прилагательным, из двух (и более) основ, то они занимают в общей системе наречия менее важное место, а вопрос об их написании решается в общем на тех же основаниях, как и для сложных прилагательных.

Наречия, образованные из предложно-падежных именных конструкций, как правило, пишутся слитно и частично, в особо предусмотренных правилами случаях, полуслитно. Однако наречия нескольких типов, которые будут приведены ниже, не подчиняются основному правилу о слитном написании и пишутся раздельно, а в единичных случаях полуслитно.

§ 97. К слитно пишущимся и почти не знающим в этом отношении исключений относятся:

1. Наречия, образованные путем присоединения предлогов к наречиям же. После слияния с наречиями предлоги превращаются в приставки. Таковы, например, наречия: *послезавтра*, *поныне*, *навсегда*, *заранее*, *позавчера*, *донельзя*. Таких наречий мало. Присоединение предлога к наречию могло происходить потому, что наречие в известных случаях выступало в качестве выразителя предметного понятия (*завтра* — „завтрашний день“, *нельзя* — „нечто невозможное“, „крайний предел возможного“ и т. п.). Подобное употребление некоторых наречий наблюдается в разговорной речи и в настоящее время, например: *подождать до завтра*, *на сегодня этого достаточно*, *сводить на нет*, *отложим этот разговор на после* и нек. др.

2. Наречия, образованные путем присоединения предлогов *в* и *на* к собирательным числительным (в винительном падеже). И в этом случае предлог превращается в приставку. Примеры: *вдвое*, *втрое*, *надвое*, *натрое*. Этих наречий крайне

мало: кроме приведенных, употребительны еще некоторые с приставкой *в* (*вчетверо, впятеро* и другие по *вдесятеро* включительно); возможно еще наречие *начетверо*, и этим перечень заканчивается.

Примечание. Раньше других закрепились наречия данного типа с приставкой *в*. Образования с *в* обозначают „во столько-то раз", „во столько-то частей, рядов" („*вдвое* старше", „сложить салфетку *втрое*"); образования с *на* обозначают „на столько-то частей" („распилить доску *надвое, натрое*"), ср. еще: *надвое* — „с возможностью двоякого результата" („бабушка *надвое* сказала"). Раздельно пишутся сочетания числительных собирательных *двое, трое, семеро* и т. п. с предлогом *по*: *по двое, по трое* и т. п. Сочетания с *по* резко отличаются от сочетаний с *в* и *на*: такие сочетания, как *по двое*, могут относиться к одушевленным предметам либо к существительным, употребляющимся только в форме множественного числа или же обозначающим парные предметы („ученики сидят *по двое* за партой", „в каждом дворе *по двое* ворот," „рабочим роздали *по двое* граблей").

3. Наречия, образованные путем присоединения предлогов *на, за, в* к полным прилагательным женского рода в винительном падеже единственного числа, например: *наудалýю, напропалýю, зачастýю, вхолостýю, врассыпнýю, вкрутýю, впустýю, вкруговýю, врукопáшную, вслепýю, вчúстую, вкосýю, вплотнýю, втёмную* (ср. *навéрное* — от среднего рода, *впервóй* — от мужского рода, *впервы́е* — от формы множественного числа); ср. также *вничью́*. Одни из этих наречий — более древнего происхождения, другие — более позднего. Примером наречия, сложившегося совсем недавно, является *вничью́*, употребляемое в языке спортсменов („сыграть *вничью*", „партия закончилась *вничью*"). Наряду с этим наречием существует субстантивированное образование *ничья́* („у него три выигрыша и две *ничьих*"), от которого употребляют прилагательное *ничéйный* („*ничейный* исход").

Есть еще одно наречие, принадлежащее к рассматриваемому типу, — *во-всю*. За ним утвердилось написание через дефис. В качестве наречия это образование существует, по-видимому, недавно: не только у Даля, но и в „Словаре русского языка" Академии наук (т. I, 1895) мы такого наречия не находим. Образовалось оно, надо полагать, из таких выражений, как *во всю мочь, во всю прыть*, но в настоящее время употребляется уже вполне самостоятельно.

Вторым исключением в отношении написания является наречие *в откры́тую*, пишущееся раздельно. Что это такое же наречие, как *вкрутýю, вчúстую* и т. п., не может быть никаких сомнений, тем более, что *в открытую* никогда не употреблялось с данным значением слова „открытый" в сочетании с существительным (*в открытую* означает „не скрывая своих карт во время игры", переносно — „не

скрывая своих намерений“). Пишется же оно раздельно исключительно в силу правила, требующего, чтобы при превращении предложно-падежной конструкции в наречие предлог *в* не сливался со следующим словом, если последнее начинается с гласной буквы (ср. наречия *в обрез*, *в обнимку*, *в упор*, просторечное *в аккурат*).

4. Наречия, образованные путем присоединения предлогов к различным падежным формам кратких прилагательных (*зáпросто*, *вскóре*, *и́здавна*, *смóлоду*, *пóровну* и т. п.).

Таких наречий у нас довольно много (см. § 68, где рассматривался вопрос о написании конечных гласных в таких наречиях). По аналогии с давно образовавшимися наречиями возможны и новообразования, ср. в „Необыкновенном лете“ Федина: „Аночка слушала нечастые громкие хрипы матери, наплывавшие откуда-то *изглубока*“ (гл. 13); ср. также в фельетоне „Чувство света“ А. Колосова: „Отозвалась земля на артельную страду. Зябили, паровали ее *наглубоко*, засевали то эти, то те поля красным клевером...“ („Правда“, 3/VI 1945 г.). Слитное написание таких наречий в настоящее время не знает исключений.

5. Самую многочисленную группу слитно пишущихся наречий составляют наречия, образованные путем присоединения предлога к падежной форме существительного. Процесс онаречивания таких предложно-падежных форм существительных начался очень давно и продолжается непрерывно и в настоящее время. Превращение предложно-падежной формы в наречие связано с утратой предлогом своей синтаксической функции, а часто и того значения, которое он имеет, когда связывает управляющее слово с управляемым существительным, а также с утратой существительным своего падежного значения и, следовательно, превращением падежного окончания в суффикс. Так как образование наречий из предложно-падежных форм существительных есть процесс длительный, то в любой момент можно, наряду с уже окончательно сложившимися наречиями, обнаружить в языке сочетания предлогов с падежными формами существительных, находящиеся в различных „фазах“ перехода из разряда существительных в разряд наречий.

Наша орфография после введения книгопечатания не сразу отразила явление, о котором идет речь, установлением слитного написания для уже окончательно онаречившихся бывших предложно-падежных форм существительных. Очень долго все сочетания предлогов с падежными формами существительных писались раздельно совершенно независимо от того, перешли ли они уже в наречия или оставались предложно-падежными формами. Несомненно, подавляющее

большинство современных наречий, образовавшихся из предложно-падежных форм существительных, очень долго не осознавалось в качестве наречий. Об этом можно судить по перечням наречий, обычно приводимым в грамматиках (например, Ломоносова, Греча, Востокова и др.). Интересно отметить, что Востоков, приводя некоторые наречия рассматриваемого типа, дает одни из них в раздельном, другие — в слитном написании, например: *на угад*, *на показ*, *в торопях*, *на тощак*, *по одиночке*, но: *издому*, *невпример*, *нинаволос* [1]. В печатных изданиях XIX в. мы также наблюдаем многочисленные примеры неустойчивости в написании наречий из предложно-падежных форм существительных. В значительной мере этот разнобой до сих пор поддерживается тем, что большинство существительных из числа входящих в состав наречий продолжает употребляться в различных падежных формах как с предлогами, так и без предлогов, а часто, к тому же, с определениями. В XIX в. (частично и позже) это относилось также и к некоторым существительным, ныне вышедшим из употребления, например: „Да что ж, барин, делать, время-то такое; кнута не видишь, такая *потьма*“ (Гоголь. „Мертвые души“; ср. наречие *впотьмах*). „... И парубки, кружась на пожне гладкой, взрывают пыль веселою *присядкой*“ (А. К. Толстой. „Ты знаешь край...“; ср. наречие *вприсядку*). „К чему ты *в* такой *серьез* берешь?“ (Достоевский. „Бр. Карамазовы“; ср. наречие *всерьез*). „Сравнивая между собою известное количество слов... находя в них общее знаменательное сочетание звуков и утверждая, что во всех этих словах выступает *на яв* значение движения по кривой...“ (Потебня. „Из записок по русской грамматике“, т. I; ср. наречие *наяву*). „*В* какую-то седую *старь* предки бисеровцев пришли откуда-то издалека и осели в пустых и глухих землях, среди вотяков“ (Короленко. „История моего современника“, т. III, гл. II; ср. наречие *встарь*). „И чего только они *с* этаких *позаранок* делать хотят?“ (Фурманов. „Чапаев“; ср. наречие *спозаранок*).

Наряду с раздельным написанием наречий из предложно-падежных форм существительных, как, например, „стоя *в вытяжку*“ (Гоголь. „Шинель“), „держат себя *на распашку*“ (Достоевский. Крит. статьи), встречаем и полуслитные написания, представляющие собой переходную ступень к написаниям слитным, например: „С бьющимся *на-разрыв* сердцем ощупал он вокруг себя...“ (Гоголь. „Портрет“), „*на-вытяжку*“ (Чехов. „Моя жизнь“), „*на-распашку*“ (Чехов. „Мужики“) [2].

---

[1] „Русская грамматика“, изд. 7-е, СПб., 1848, ч. I, гл. V.

[2] Все приведенные примеры, за исключением примера из „Чапаева“, взяты из печатных изданий XIX в.

Но и в настоящее время, несмотря на то, что в языке накопилось большое количество вполне устойчивых наречных образований из предложно-падежных форм существительных, нет вполне определенно очерченного круга наречий с твердо установившимся слитным написанием. Наблюдения над практикой написания наречий рассматриваемого типа позволяют сделать лишь немногие обобщения.

Так, всегда или большей частью пишутся слитно:

а) Наречия, обозначающие пространственные отношения и имеющие в своем составе существительные *верх*, *низ*, *перед*, *зад*, *бок*, *высь*, *глубь*, *даль*, *ширь*, *круг*, *ряд*, *земь*, т. е. такие наречия, как *сверху*, *внизу*, *вперед*, *сбоку*, *вокруг*, *наземь* и т. п. Затруднения часто возникают по отношению к образованиям с существительными *глубь*, *даль*, особенно когда за ними следует управляемое существительное в родительном падеже, например: заглянуть *вглубь (в глубь?)* веков, *вглубь (в глубь?)* леса; туман умчался *вдаль (в даль?)* моря. Наречия *вглубь* и *вдаль* могут выступать и как предлоги — и тогда они, конечно, не могут писаться раздельно, см. приведенные *вглубь веков*, *вдаль моря*.

б) Некоторые наречия, обозначающие временные отношения, например: *сначала*, *вначале*, *наконец*, *накануне*, *навек*, *навеки*, *подчас*. В данной группе тоже встречаются переходные категории с полуслитным написанием (например, *во-время*, *на-днях*) и такие безусловно наречные образования, в которых все еще сохраняется раздельное написание, например: *со временем*, *по временам*, *под конец*. Но есть и такие, которые встречаются в двояком написании (иногда в зависимости от оттенков значений), например: *впору* („платье впору“) и *в пору* („во-время“), *отроду* („никогда ранее“) и *от роду* (от рождения), *заполночь* и *за полночь*.

в) Наречия, представляющие собой сочетания предлогов с соответствующими падежными формами от именных образований, в современном русском языке совсем не известных либо встречающихся только в определенных сочетаниях, например: *впредь*, *сзади*, *напрямик* (ср. *прямиком*), *наискось*, *дотла* (ср. старинное *тло* в значении „плоское основание, дно“), *навзничь*, *вскачь*, *вдоль*, *спросонья*, *исподлобья*, *вплоть* (т. е. вплотную), *вкупе* (т. е. вместе). Эта категория обычно не вызывает затруднений со стороны написания, так как выделение из их состава предлогов привело бы вместе с тем к выделению таких имен, которых современный литературный язык не знает. Сюда же можно причислить единичные наречия, содержащие в своем составе устарелые формы существительных, например: *воочию* (двойственное число от существительного *око*), *поделом*

(форма старого дательного падежа множественного числа от существительного *дело*).

Иначе обстоит дело с наречными образованиями от предложно-падежных форм существительных иных, не упомянутых в пп. а, б, в типов.

Среди этих образований много таких, которые полностью превратились в наречия, так как резко порвали связь как с обычным значением предлога, с одной стороны, так и со значением падежной формы существительного — с другой. Часто и вещественное значение всего слова при этом совершенно изменяется. Так, например, в слове *наотрез* („я *наотрез* отказался") мы не находим ни одного из тех значений, какие может иметь предлог *на*, употребляемый с винительным падежом существительного, ни обычного значения существительного *отрез*; то же в словах *навытяжку* („стоял *навытяжку*"), *налицо* („все доказательства были *налицо*"), *наспех* („все сделано *наспех*") и т. п. Поэтому каждое такое образование воспринимается как единое целое, имеющее наречное значение, и должно писаться слитно.

В других же образованиях наречного типа значения предлогов и падежей и вещественные значения основ существительных указывают, что эти образования еще тесно связаны с существительными, могут быть не без основания рассматриваемы как предложно-падежные формы существительных и, следовательно, должны писаться раздельно. Сюда относятся образования с предлогом *без*, с предлогом *до* при отглагольных существительных, с предлогом *под* и нек. др. Таковы, например, образования *без ведома*, *без оглядки*, *без просыпу*, *без разбору*, *без толку*, *без удержу*, *без умолку*; *до зарезу*, *до отказа*, *до смерти*; *под боком* (в значении „очень близко", „рядом"), *под ложечкой* („болит *под ложечкой*"), *под спудом* („держать *под спудом*") и т. п. Допустимость двоякого написания таких и подобных им наречных образований является источником общей неустойчивости написаний и многих других образований данного типа, тем более, что, кроме приведенных оснований для того или иного вида написаний, действуют еще и некоторые дополнительные правила, например, о раздельном написании предлогов, оканчивающихся на согласный, в случаях, если существительное начинается гласным звуком (*в обрез*, *в обтяжку*, *в обнимку*, *в отместку*, *в упор* и т. п.), ср. приведенное выше (п. 3) наречие *в открытую*.

Но если бы, даже при описанном довольно сложном положении вещей, все же существовали твердые основания для решения вопроса, какие предложно-падежные формы существительных уже окончательно превратились в наречия,

а какие еще только находятся на пути к такому превращению или еще не вступили на этот путь, то установить правила их написания было бы значительно проще. Однако таких оснований не существует, и, в силу самого характера и непрерывности процесса образования наречий из предложно-падежных форм существительных, они и невозможны.

Если стремиться к радикальному разрешению орфографической стороны данного вопроса, то возможны два пути: либо все предложно-падежные формы (кроме, конечно, тех, в состав которых входят не употребляющиеся в настоящее время существительные, например, *вскользь, наобум* и т. п.) писать раздельно, либо все их во всех случаях, когда они твердо приобретают наречное значение (точнее — значение обстоятельства), писать слитно. Последовательно осуществляемый первый путь привел бы к таким написаниям, как *в месте* („живем *в месте* с детьми"), *в перед* („стремиться *в перед*"), *в слух* („произнес *в слух*"), *на кануне* („он приходил *на кануне*"), *под час* („она *под час* волнуется") и мн. др., что означало бы возврат ко временам очень древним, когда, по существу, и самой проблемы онаречивания предложно-падежных форм существительных еще не было (выше было показано, что уже Востоков писал некоторые такие наречия слитно). Второй путь неизбежно привел бы к вовлечению в разряд слитно пишущихся слов громадного числа предложно-падежных форм, представляющих собою обстоятельства, но не являющихся наречиями, как, например, в следующих синтаксических оборотах: „работать *без передышки*", „расставить *по порядку*", „делать *с толком*", „покупать *на выбор*", „спрятать *про запас*", „стиснуть пальцы *до боли*" и т. п. И это тоже неприемлемо. Не говоря уже о том, что благодаря таким написаниям значительно увеличился бы объем словников в словарях, это привело бы к полному отождествлению морфологического разряда наречий с синтаксической категорией обстоятельственных слов (а заодно и с категорией дополнений, не всегда легко отличаемых от обстоятельств), что запутало бы вопрос о взаимоотношениях между частями речи и членами предложения. Все это приводит к тому, что вопрос о слитном или раздельном написании большого числа образований из предложно-падежных форм существительных должен решаться индивидуально для каждого такого образования.

§ 98. Полуслитно (через дефис) пишутся:

1. Наречия, образованные путем присоединения предлога *в* (*во*) к предложному падежу множественного числа поряд-

ковых числительных: *во-первых*, *во-вторых*, *в-третьих*, *в-шестых*, *в-десятых* и т. п.

2. Наречия, образованные путем присоединения предлога *по* к дательному падежу (мужско-среднего рода) единственного числа полных прилагательных и местоимений-прилагательных, например: *по-новому*, *по-военному*, *по-особому*, *по-моему*, *по-нашему*, *по-иному*. Исключение из этого правила составляют *попрежнему*, *повидимому* и *попустому*. Эти три слова неоднородны по значению и по роли в предложении. *Повидимому* не употребляется в качестве обстоятельства, как это свойственно наречиям, а всегда является вводным словом. Слово *попустому* близко по значению к *попусту* (ср. у Крылова: „Не радуйся, мой свет... и не надейся *попустому*". — „Мышь и Крыса"). И только слово *попрежнему*, подобно всем наречиям рассматриваемого типа, обозначает „в соответствии с прежним" (ср. *по-новому*, *по-военному*). Слитное написание слов *повидимому* и *попустому* еще можно, таким образом, связать с их указанными выше особенностями, но для слитного написания *попрежнему* таких оснований нет.

3. Наречия, образованные путем присоединения приставки *по* к основам прилагательных на *-ский*, *-цкий*, а также прилагательных типа *лисий*, *ребячий*, например: *по-большевистски*, *по-русски*, *по-казацки*, *по-медвежьи*, *по-волчьи*. Эта категория наречий исключений в отношении их написания не знает.

Выше говорилось о наречиях и наречных образованиях, пишущихся раздельно. Если *в открытую*, *в обрез*, *в обнимку* и подобные им нет никаких оснований не причислять к наречиям наравне с *втемную*, *вразрез*, *вразбивку* и т. п., а такие предложно-падежные формы, как *без просыпу*, *в розницу*, *до упаду* и т. п., мы колеблемся отнести к наречиям ввиду того, что они пишутся раздельно (хотя, как было показано выше, нет оснований связывать способ написания с вопросом о принадлежности к наречиям), то все же следует признать, что есть группа наречий, для которой слитное написание невозможно в силу самого характера их состава. Это прежде всего наречия-словосочетания, в состав которых входят два одинаковых существительных в различных падежных формах с одним или даже двумя предлогами. Таковы, например: *нога в ногу*, *душа в душу*, *точка в точку*, *в конце концов*, *бок о бок*, *с глазу на глаз*, *из конца в конец*. Сюда же относятся наречия, состоящие из предложно-падежной формы существительного с предшествующим отрицанием *не*, например: *не в подъем*, *не по себе*, *не на шутку*, *не в мочь*.

Примечание. Следует при этом иметь в виду, что, с одной стороны, без *не* эти предложно-падежные формы (конечно, в наречном значении) неупотребительны, но что, с другой стороны, используемые в таких случаях существительные могут быть употребляемы с тем же значением и без предлогов. Поэтому такие, например, сочетания, как *не в пример, не к лицу, не по карману, не по душе, не в силах, не под стать,* которые могут употребляться и без *не*, не являются наречиями. Пишутся слитно наречия *невдомек, невмоготу, невпопад,* так как существительные, вошедшие в их состав („домек", „могота", „попад"), без предлогов, да и с другими предлогами, кроме *в*, в литературном языке неупотребительны.

Предлоги, союзы, частицы, междометия

§ 99. Предлоги, союзы, частицы и междометия, так же как и большинство знаменательных частей речи, непрерывно пополняются новыми образованиями. К старым, давно существующим предлогам, союзам, частицам и междометиям прибавляются слова и сочетания слов из других частей речи; таковы, например, предлоги *благодаря, ввиду, в течение*, союзы *зато, если бы*, частицы *неужели, почти что*, междометия *батюшки! чорт подери!* и мн. др.

В тех случаях, когда сочетания предлога с существительным или местоимением, союза с частицей, наречия с союзом и т. п. образуют новую грамматическую единицу, естественно возникает потребность отразить это объединение на письме. В одних случаях сочетание слов, обозначавшееся на письме в виде двух (иногда и более) раздельно писавшихся слов, превращается в одно пишущееся слитно слово, в других случаях устанавливается полуслитное написание, но нередко переход в новый грамматический разряд не находит вовсе отражения в способе написания. Все это зависит от многих и притом различного рода причин. Так, в одних случаях важно при помощи слитного написания показать, что мы имеем дело с предлогом или союзом, а не с существующим и в настоящее время в языке сочетанием двух слов, например: „*ввиду* наступления весенней распутицы...", ср. „надо всегда иметь *в виду*..."; „это было что-то *вроде* землянки...", ср. „*в роде* имен существительных нет соответствия с полом". Таковы же предлоги *вместо* (в значении „взамен"), *насчет* (в значении „о"), *сверх* (в значении „вдобавок к"), союзы *зато*, например: „Они немножечко дерут, *зато* уж в рот хмельного не берут" (Крылов. „Музыканты"), ср. „его все уважают *за то*, что он добр и чуток", *также* (в значении „и") и т. п. В других случаях слияние указывает на то, что лексические элементы, из которых образовалось слово, в языке самостоятельно уже не существуют или что значение вновь образовавше-

гося слова не является простой суммой значений его составных элементов. Так было, например, с сочетанием слов *есть* и *ли*, давшим условный союз *естьли*, писавшийся слитно (впоследствии произошло фонетическое и графическое видоизменение этого союза в *если*).

Посредством полуслитного написания обозначаются: а) некоторые двойные предлоги (*из-за*, *из-под*, *по-за*, *по-над*); б) некоторые междометия и звукоподражания, состоящие из двух или нескольких составных частей (*ей-богу*, *ей-же-ей*, *ой-ой*, *ха-ха*, *динь-динь-динь* и т. п.). Кроме того, посредством полуслитного написания присоединяются к словам знаменательным некоторые частицы из числа тех, которые, непосредственно примыкая к слову, сливаются с ним в одно лексическое целое. Таковы частицы *-нибудь*, *-либо*, *-то*, *-таки*, *-с*, *кое-* (*кой-*), например: *где-нибудь*, *как-либо*, *кто-то*, *пришел-таки*, *да-с*, *кое-что*, *кой-кому* (но: он *таки пришел*, *кое у кого* и т. п.).

Однако в написаниях предлогов, союзов, частиц и междометий отступлений от тех принципов, которые лежат в основе слитного и полуслитного написаний, больше, чем в области написания всех других частей речи. Так, наряду со слитным написанием предлогов типа *вместо*, *вследствие*, *сверх*, мы то и дело встречаемся с колебаниями относительно написания таких несомненных предлогов, как *ввиду*, *вроде*, *насчет*. Как на пишущиеся, в порядке исключения, раздельно предлоги *в течение*, *в продолжение* единодушно указывают все учебники и справочники по орфографии. Если вспомнить, что *вследствие* пишется слитно, то станет особенно ясной необоснованность раздельного написания первых двух. Постоянно приходится сталкиваться, с одной стороны, с попытками писать раздельно союзы *причем*, *притом*, т. е. не отличать их от сочетаний предлога *при* с предложным падежом местоимений *что* и *то* (*при чем*, *при том*), а с другой стороны — со слитным написанием отрицания *не* с повторяющимся союзом *то* („*не то* дождь, *не то* снег“), с полуслитным написанием частиц *бы*, *ли*, *же* при знаменательных словах и нек. др. Встречаются также полуслитные написания союзов *как будто*, *коль скоро*, *то есть*, частиц *почти что*, *пока что* и т. п.

Все это объясняется как многообразием состава сложных предлогов, союзов, частиц и междометий, так и неразработанностью вопроса об их написании в связи с типами их образования. Отсутствие отчетливого разграничения различных типов сложных слов рассматриваемых категорий лишает возможности не только пишущих, но и составителей орфографических руководств обосновать те или иные приемы написаний, а беспринципность и разнобой в области написаний,

с своей стороны, поддерживают во многих случаях неверные представления о характере образования того или иного сложного по своему составу предлога, союза и т. п.

Отрицания *не* и *ни*

§ 100. Вопрос о слитном или раздельном написании *не* и *ни* полностью связан с тем, входят ли эти отрицания в состав целого образуемого с их участием слова или же они выступают в качестве самостоятельных слов со значением отрицания. Функции *не* в образовании нового целого слова значительно отличаются от соответствующих функций *ни*.

1. В русском языке есть довольно обширный круг слов, в составе которых *не* является неотъемлемой частью, причем в части таких слов отрицательное значение *не* сознается на основе сопоставления с близкими по составу словосочетаниями, которые возможны и без отрицания. Таковы, например, слова *невидаль* (ср. *не видать, не видеть*), *негодяй* (ср. *не годиться*), *недотрога* (ср. *не дотрагиваться*), *неизбежный* (ср. *не избежать*), *неимоверный* (ср. *не иметь веры*), *ненасытный* (ср. *не насытиться*), *непреклонный* (ср. *не преклоняться*), *неразбериха* (ср. *не разбираться*). В других словах с *не* такое сопоставление невозможно, тем не менее отрицательный элемент в их значении все же связывается с наличием в начале слова *не*, например: *небрежный*, *невежа*, *невзрачный*, *нелепый*, *нельзя*, *ненавидеть*, *неряха*, *несуразный*, *неуклюжий*. Наличие *не* совсем не играет никакой роли в непосредственном осознании значений в следующих словах: *негодовать*, *недуг*, *ненастье*, *неужели*. Само собой разумеется, что слова, в которых *не* является неотъемлемой составной частью и которые при опущении *не* перестают существовать как слова, пишутся с *не* слитно.

2. Наряду со словами рассмотренного типа возможно образование новых слов путем слияния *не* с существующим словом. Здесь различаются такие разновидности образований:

а) Новое слово, образованное путем прибавления *не* к существующему слову, обозначает не отрицание понятия, выраженного словом без *не*, а приобретает значение нового, противоположного понятия; такое образование с *не* может поэтому быть заменено существующим в языке синонимом, не имеющим в своем составе *не*. Таковы, например: *неволя* („рабство“, „плен“), *недруг* („враг“, „противник“), *нездоровый* („болезненный“, например, „*нездоровый* цвет лица“), *немедленно* („безотлагательно“, „сразу“), *неразумно* („глупо“) и мн. др.

б) Новое слово, образованное путем присоединения *не* к причастию, не имеющему при себе пояснительных слов, приобретает значение прилагательного; часто такое прилагательное не только обладает значением, противоположным тому, которое заключалось в причастии, но и получает новое, положительное значение. Примеры: „люди *непревзойденной* храбрости" (т. е. исключительной, редкой), „прожил с *незапятнанной* репутацией" (т. е. с совершенно чистой), „человек с *неуравновешенным* темпераментом" (т. е. с резко изменчивым). Наличие при причастии пояснительного слова (дополнения, обстоятельства) связано с глагольным характером значения причастия и требует раздельного написания причастия с *не*, как это установлено для глаголов. Слитное написание причастий с *не* сохраняется только тогда, когда при них в качестве пояснений стоят слова, обозначающие степень качества; в этом случае причастие с *не* превращается в прилагательное, например: „*очень неподходящий* повод", „*крайне необдуманный* поступок", „*совершенно незабываемое* впечатление".

Одну из разновидностей прилагательных, содержащих в своем составе отрицание *не*, составляют образования от основ глаголов совершенного вида посредством суффикса *им*, например: *невозмутимый*, *неистребимый*, *непобедимый*, *неутомимый*, *неугасимый*. Эти прилагательные пишутся с *не* слитно. Такое написание сохраняется и в тех сравнительно редких случаях, когда при прилагательных, для усиления выражаемого ими признака, имеется пояснительное слово, например: „*вечно неугасимая* вражда", „*ничем невозмутимое* спокойствие".

в) Местоименные наречия типа *нéкогда*, *нéгде*, *нéкуда*, *нéоткуда*, а также местоименные существительные *нéкого*, *нéчего* во всех падежных формах при отсутствии предлога. Все местоименные слова данного типа отличаются тем, что имеют ударение на первом слоге. При наличии предлога, обычно ставящегося в этих случаях после отрицания, местоименные существительные *некого*, *нечего* разбиваются на три отдельно пишущихся слова: *не у кого*, *не к чему*, *не с кем*, *не с чем* и т. п.

Слитно пишется также слово *незачем* в значении „бесцельно", например: „*незачем* было начинать этот разговор", (ср. „*не за чем* было спрятаться", т. е. не было такого предмета, за которым можно было спрятаться).

§ 101. Особо следует остановиться на сложной приставке *недо*, образовавшейся из слияния отрицания *не* с приставкой *до*. Поскольку речь идет о единой приставке, ясно, что

входящее в ее состав *не* может писаться только слитно. Трудность нередко возникает при необходимости установить различие между случаями, когда в слове приставка *недо* и когда слово, начинающееся приставкой *до*, имеет впереди отдельно пишущееся отрицание *не*. Обычно необходимость такого различения возникает в связи с глаголами и с некоторыми соответствующими отглагольными образованиями.

Глаголы с приставкой *недо* обозначают действия, выполнение которых не соответствует какой-либо установленной официально или общепринятой норме. Сюда относятся такие глаголы, как *недовыполнять*, *недовырабатывать*, *недоплачивать*, *недополучать*, *недоедать*, *недооценивать*, *недосыпать*, *недосчитываться*, *недолюбливать*. В качестве антонимов к таким глаголам существуют глаголы с приставкой *пере*, обозначающие превышение нормы (*перевыполнять*, *переоценивать* и т. п.). Сюда же тесно примыкают такие глаголы, как *недосмотреть* („сделать упущение при надзоре, наблюдении", например, „*недосмотреть* за ребенком"), *недослышать* („плохо расслышать, не услыхать всего, что надо") и нек. др. Иное дело такие глаголы, как *не доедать* (завтрак), т. е. „не съедать завтрак целиком"; *не доехать* (до леса), т. е. „подъезжая к лесу, остановиться на некотором расстоянии от него"; *не досмотреть* (спектакль), т. е. „просмотреть спектакль не до конца", и т. п. В этих случаях *не* на общих основаниях пишется отдельно от глагола. Что касается существительных, образованных как от глаголов с приставкой *недо*, так и от глаголов с приставкой *до* и отрицанием *не*, то все такие существительные надо рассматривать как имеющие приставку *недо* и, следовательно, писать их в одно слово. Примеры: *недовыполнение* (от *недовыполнять*), *недооценка* (от *недооценивать*), *недоедание* (от *недоедать*), *недосмотр* (от *недосмотреть*), а также *недоедание* порции (от *не доедать* порцию), *недоверие* (от *не доверять*), *недотрога* (от *не дотрагиваться*) и т. п.

Верным истолкованием значения и состава глагола может быть полностью обеспечено правильное написание слов рассматриваемого типа. Из практики известен только один глагол, вызывающий некоторые затруднения в написании: *недоставать* (*не доставать?*) в значении „отсутствовать в должной мере," „отсутствовать и вызывать своим отсутствием неудовлетворенность". Этот глагол нельзя рассматривать как содержащий в себе приставку *недо*, вносящую значение неполноты (ср. *недоплачивать*). С другой стороны, его нельзя приравнять к таким глаголам, как *не дочитывать* (книгу). Глагол *недоставать*, как безличный, к тому же ограничен в своем употреблении формами 3-го лица единственного числа. Все это

является причиной того, что вопрос о написании этого глагола не вполне ясен. Слитное написание *недоставать* следует однако признать более правильным.

Примечание. Слитное написание *недоставать* не следует, как это часто делают, автоматически переносить на глагол *не хватать* в том же значении. Глагол *хватать* (*хватить*) употребляется с одним и тем же значением и с *не* и без *не* (*хватает* денег, *хватило* денег, *не хватит* денег). Из этого следует, что *не хватать* в значении „недоставать“ должно писаться раздельно.

§ 102. Полуслитное написание слов с *не* мало распространено. Такие написания встречаются, но они недостаточно регламентированы. Между тем есть один тип образований существительных с *не*, в которых полуслитное написание имеет известное основание. Это существительные, обозначающие лица или предметы, характеризуемые непринадлежностью к той или иной категории, например: „*члены* и *не-члены* кооператива“, „все население городка — *армяне* и *не-армяне* — вышло на улицы“; ср. также у Гончарова:

„— ... Да нет, куда тебе! Ты, того гляди, влезешь, как корова. Я лучше сама...

И пошла.

— Поди-ка ты, *не-корова!* — ворчала Аграфена, воротясь к себе. — Вишь, корову нашла! Много ли у тебя этаких коров-то?“ („Обыкн. история“, ч. I, гл. I).

§ 103. Отрицание *ни* сливается в одно целое слово только с местоимениями, причем, в отличие от местоимений с *не*, ударение в них никогда не падает на *ни*. Примеры: ***никтó***, ***ничтó***, ***никакóй***, ***ничéй***, ***никогдá***, ***нигдé***, ***никудá***, ***ниоткýда***, ***никáк***, ***нискóлько***. Так же пишутся ***ничýть*** и частица ***-нибудь***. Слитное написание *ни* сохраняется и в формах косвенных падежей склоняемых местоимений, за исключением тех случаев, когда к падежной форме присоединяется предлог, например: ***никогó***, ***ничемý***, ***никéм***, но: ***ни у кого***, ***ни к чему***, ***ни с кем***. Пишется слитно наречие ***нипочём*** в значении „не имеет большой цены, большого значения“.

Как видно из приведенных примеров, *ни* вносит в местоимения, с которыми сливается в одно слово, значение полного отрицания.

Прописные буквы. Общие замечания

§ 104. Употребление прописной буквы не целиком относится к орфографии. Те правила, в которых говорится об употреблении прописной буквы в начале письменного текста или, в известных случаях, в начале предложения,

будучи всегда связаны со строением речи и большей частью с теми или иными знаками препинания, с бо́льшим основанием могли бы быть отнесены к пунктуации: ведь прописная буква употребляется в таких случаях совершенно независимо от вещественного и грамматического значения слова. Иное дело — употребление прописной буквы в слове, когда такая буква пишется независимо от места, занимаемого последним в тексте, и когда ею обозначается особый характер значения слова.

Однако ввиду того, что употребление прописной буквы все же всегда связано с написанием слова, все относящиеся к этому вопросу правила обычно рассматриваются в одном общем разделе, входящем в состав орфографии. Для систематического обзора этих правил все же целесообразно разделить их на две группы в соответствии с указанным двояким характером употребления прописных букв.

Прописные буквы в связи со строением текста

§ 105. Выделение начальной буквы первого слова текста (а позднее и абзаца) относится к числу древнейших приемов звукового письма, применявшихся еще до изобретения книгопечатания.

Прописная буква при этом отличалась обычно более сложным рисунком, сопровождалась дополнительными графическими украшениями и нередко писалась особой, чаще всего красной краской (с выделением посредством красной краски заглавной или первой строки текста связано название „красная строка").

Правила об употреблении прописной буквы для обозначения членения текста немногочисленны. Их объединяет принцип обозначения прописной буквой начала текста и начала нового самостоятельного предложения, не находящегося в синтаксической связи с предшествующим предложением[1]. Возможные при этом затруднения связаны, по существу, с синтаксическим осмыслением текста. Совершенно естественно поэтому, что не может возникнуть сомнения относительно необходимости написания с большой буквы первого слова, следующего после точки, как знака препинания, всегда обозначающего конец предшествующего предложения; точно так же не возникает сомнений относительно того, что не следует начинать писать с большой буквы первое слово (если только оно не является именем собственным, см. § 106) после

[1] Здесь не затрагивается вопрос об употреблении прописной буквы в начале стиха, так как этот прием является специфическим и к тому же не общепринятым (см., например, стихи Маяковского).

запятой, точки с запятой, тире (если тире не является дополнительным знаком при некоторых других знаках препинания в конце предложения).

Что касается вопроса о написании с прописной буквы первого слова после остальных знаков препинания, то здесь все зависит от того, стоит ли этот знак в конце самостоятельного, законченного предложения, т. е. в таком месте, где при отсутствии условий, в силу которых поставлен данный знак препинания, должна была бы стоять точка, или же в данном месте должен был бы стоять один из знаков препинания, ставящихся только в середине предложения. Так, в следующем отрывке после восклицательного и первого вопросительного знаков сло́ва начинаются с прописной буквы потому, что, если бы не нужны были эти знаки, на их месте стояли бы точки.

„— Это больные из городской больницы! Их просто выгнали, — сказала Люся. — Ты слышал? Ты понял?“ (Фадеев. „Молодая гвардия“, гл. 17).

Несколько труднее бывает решить вопрос о том, следует ли начинать слово с прописной буквы после многоточия. Так, например, несомненно самостоятельными предложениями, между которыми в других условиях была бы точка, являются следующие: „А тот Фомин, будь он проклят, в аккурат пришелся по форме, чистенький да гладенький, а он-то и был чернее ночи... Мы когда-то проглядели его черноту, сами набелили его, прославили его, подогнали под форму, а потом она же застила нам глаза“ (там же, гл. 30). С другой стороны, несомненно поставлено многоточие не на границе между предложениями, а внутри предложения в следующем случае: „Милая вы моя... простите... у вас сердце наружу“, — сказала она, быстро встала, сильным движением притянула Клаву за плечи и чуть прижалась к ней“ (там же, гл. 39). Но в следующих случаях вопрос этот не так уже ясен: „Немцы... Вот они какие, немцы! Немцы у нас в Краснодоне“, — думала Валя, и у нее колотилось сердце, и грудь ее вздымалась от волнения“ (там же, гл. 18). „Спасибо... Спасибо, что все это рассказал“, — глухим голосом сказал Олег“ (там же, гл. 20). Так же не просто может обстоять дело и при вопросительном и восклицательном знаках. Ср. такие примеры: „Ты что ж это, братец ты мой? Ослаб? Или ленишься?“ (там же, гл. 36). „Да неужели все это правда? Не сон ли это? Не наваждение?“ (там же, гл. 41). „Прекрасная моя! Прекрасная моя!“ — шепчет он, обдавая ее снизу светом своих глаз“ (там же, гл. 38). „Нет, я бы посмотрела на писателя. Вы читали, а я нет-нет да и подумаю, какой он. Молодой? старый? брюнет?..“ (Горький. „Мещане“, акт 2).

„Как это странно звучит. Разве Россия — наша? Моя? Ваша?“ (там же). В большинстве случаев вопрос о написании прописной или строчной буквы после многоточия, вопросительного и восклицательного знаков, когда эти знаки препинания поставлены в конце не безусловно законченного предложения, разрешается в зависимости от того, как надо понимать синтаксические отношения между отрезками речи, разделяемыми посредством этих знаков.

После тире, как сказано выше, прописная буква может писаться лишь в том случае, когда тире является знаком дополнительным при таком знаке, после которого пишется прописная буква. Это бывает обычно перед второй частью прямой речи, если первая часть ее, отделенная от второй словами автора, представляет собой законченное предложение. Например: „Не дури, не дури, — явно волнуясь, тихо сказал Григорий Ильич. — Как можешь ты не ехать? Комсомолка...“ (Фадеев. „Молодая гвардия“, гл. 2). „Но, Толя, ты предупредил Валю Филатову? — сказала Уля с решимостью в голосе. — Ты же понимаешь, это моя лучшая подруга, я не могу уехать без нее“ (там же, гл. 3). „Ах, что только приходится переживать! — сказала Любка. — Ты знаешь, у меня к этим немцам такая ненависть, я бы их резала своими руками!“ (там же, гл. 29). В тех случаях, когда тире ставится после точки, вопросительного или восклицательного знаков между предложениями внутри реплики одного лица для обозначения психологической паузы между высказываниями, такое слово второго предложения, конечно, тоже начинается с прописной буквы, например: „Будь я трижды проклят! — Сколько было иронии надо мной в этом факте! Подумайте! — Ведь я в то время был серьезно озабочен судьбами человечества...“ (Горький. „Однажды осенью“).

После двоеточия возможно написание прописной буквы в первом слове, с которого начинается прямая речь, а также в начале отдельных рубрик текста, начинающихся с абзаца и заканчивающихся точкой. Оба эти случая подходят под общий принцип употребления прописной буквы в связи с определенным построением и членением текста, о чем говорилось выше.

Прописные буквы в начале слова независимо от строения текста. Общие замечания

§ 106. Слова, пишущиеся с прописной буквы независимо от строения текста и того места, какое они занимают в тексте, объединяются под названием имен собственных, противополагаемых именам нарицательным. Ввиду того что вопрос

о существе имен собственных теоретически мало исследован, точное определение этого понятия здесь дать невозможно. Основным и отличительным признаком имени собственного является то, что оно присваивается единичному предмету, обладающему, кроме того, названием, принадлежащим всей группе однородных с ним предметов. Таким образом, посредством имени собственного предмет **выделяется** из числа однородных предметов. Именем собственным обозначают не понятие, а индивидуальный предмет или явление; в выборе имени собственного дающий это имя пользуется свободой (если не считать известных существующих в этой области традиций), в то время как имя нарицательное существует в языке как нечто совершенно обязательное для обозначения определенных понятий. Вновь родившемуся ребенку, вновь построенному кораблю, вновь открытому санаторию, вновь организованному спортивному обществу, вновь написанному роману можно дать имя или название по свободному выбору. Конечно, и в этих случаях обычно руководствуются теми или иными соображениями, но это не имеет ничего общего с тем, как человек, говорящий на определенном языке, именует словами этого языка те или иные понятия: во втором случае человек не может мальчика не называть мальчиком, корабль не называть кораблем, санаторий не называть санаторием и т. п. Имена собственные присваиваются только понятиям предметной категории, и поэтому именами собственными бывают только существительные и субстантивированные другие части речи (ср. кличку собаки *Гуляй*, название корабля „*Стерегущий*" и т. п.). Имена собственные могут быть простыми, т. е. состоящими из одного слова, и составными, т. е. состоящими из двух или нескольких синтаксически связанных между собой слов. Составные имена собственные могут включать в себя, кроме знаменательных, также и служебные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия.

Общий принцип написания имен собственных состоит в обязательности выделения их в тексте при помощи прописной буквы. Этот принцип осуществляется наиболее последовательно в современной русской орфографии[1]. Правила об употреблении прописной буквы в именах собственных в настоящее время разработаны гораздо полнее и отчетливее, чем это было в дореволюционной орфографии и в особенности в практике XVIII и начала XIX в. „Было время, — писал Грот, — когда у нас всякое иностранное существитель-

[1] Ср., например, ничего общего не имеющее с этим принципом употребление прописной буквы во всех именах существительных в немецком письме.

ное имя отличали в письме большою буквой. Карамзин писал: Автор, Литература. Так же писались еще долее имена званий, должностей, учреждений, наук, титулы, независимо от происхождения слов, например: Генерал, Профессор, Председатель, Департамент, Землеописание. Но вскоре после Карамзина старая привычка стала изменяться"[1]. Приводя далее мнение Сенковского о нецелесообразности и неприятности для читательского глаза обилия в тексте прописных букв и полностью к этому мнению присоединяясь, Грот соглашается с названным автором и в том, „что относительно употребления больших букв установить совершенно точные правила невозможно; за правилами все-таки еще многое останется решать такту и здравому смыслу. Оттого в этом отношении и господствует у нас такое разногласие. Слишком пестрить письмо большими буквами, конечно, не годится, но с другой стороны и слишком тщательно избегать их нет основания: большие буквы во многих случаях доставляют ту практическую пользу, что при беглом чтении или при пересмотре прочитанного дают глазу точки опоры, облегчают ему отыскание нужного"[2].

Взгляд Грота в общем верен и приемлем. Но трудность вопроса не в том, что, кроме правил, здесь необходимы еще „такт и здравый смысл": и тот и другой также должны быть учтены и так же, как и другие соображения и принципы, положены в основу правил. Трудность заключается в самом понимании того, что есть и что не есть имя собственное. А это уж, конечно, вопрос далеко не орфографический. Тем не менее следует признать, что правила о прописных буквах, составленные Гротом и помещенные в их окончательном виде в его „Русском правописании", действуют в принципе до настоящего времени.

Правила об употреблении прописной буквы в именах собственных, более или менее полно помещаемые обычно в справочных пособиях для работников печати и содержащие очень большое число отдельных пунктов (перечисление которых здесь излишне), требуют некоторых комментариев, которые и даются в нижеследующих параграфах.

Прописная буква в простых именах собственных

§ 107. 1. В разряд личных именований, наряду с именами, отчествами и фамилиями, включаются также псевдонимы и индивидуальные прозвища, например: *Иегудиил*

---

[1] „Спорные вопросы русского правописания", стр. 755.
[2] Там же, стр. 776.

Хламида (один из газетных псевдонимов А. М. Пешкова-Горького), *Сучок* в рассказе Тургенева „Льгов“, *Вафля* в драме Чехова „Дядя Ваня“ и т. п. Но сюда не относятся: а) индивидуальные названия людей, превратившиеся в нарицательные благодаря тому, что они стали обозначать определенные понятия и употребляются без непосредственной ассоциации с лицами, носившими эти названия. Таковы, например, слова *ловелас*, *зоил*, *меценат*, *ирод*, *квазимодо*, *квислинг* и т. п. Употребляющий подобные слова может и не знать, что это бывшие имена собственные и кому эти имена принадлежали, и в то же время вполне уместно и верно использовать в речи такие слова; б) названия предметов и явлений, носящих имена лиц, с которыми они связаны по тем или иным причинам, например: *дизель*, *рентген*, *форд*, *ом*, *ампер*, *галифе*, *френч*.

Примечание. Индивидуальные названия (фамилии, имена), употребляемые для выражения понятий и не утратившие связи с носителями этих названий, пишутся с прописной буквы (*Плюшкин* в значении „скупой“, *Обломов* в значении „бездеятельный, безвольный человек“ и т. п.).

2. К разряду личных именований относятся также названия действующих лиц (и даже предметов) в баснях и других литературных произведениях независимо от того, являются ли эти названия сами по себе именами собственными или нарицательными. Ср. в баснях Крылова: „Прошла беда, *Крестьянин* встал и он же *Батрака* ругает“ („Крестьянин и Работник“), „К кому-то принесли от мастера *Ларец*“ („Ларчик“). „Что это, — говорил *Реке* соседний *Пруд*...“ („Пруд и Река“). Ср. в „Снегурочке“ Островского: *Весна*, *Снегурочка*, *Леший* и др.

3. По связи с именами собственными пишутся с прописной буквы также притяжательные прилагательные на *-ов* (*-ев*) и *-ин* (*-ын*), образованные от личных имен, например: *Павловы* племянницы (т. е. племянницы Павла), *Далев* словарь (т. е. словарь Даля), *Сашины* книги, *Нинино* платье. Это правило не всегда соблюдается: можно нередко встретить подобные прилагательные написанными со строчной буквы[1], что создает затруднение для быстрого усвоения содержания текста.

С другой стороны, нередко пишут с прописной буквы прилагательные на *-ский*, образованные от имен собственных, например: *Пушкинский* („в *Пушкинских* рифмах“), *Блоковский* („в *Блоковских* дневниках“) и т. п., а также иногда:

[1] См., например, в романе К. А. Федина „Необыкновенное лето“, изд. „Молодая гвардия“, 1949: „*алешин* пиджачок“ (стр. 32), „*лизина* комната“ (стр. 54) и т. п.

„в *Ленинградских* музеях“, „на *Кавказском* побережье“ и т. п. Во всем этом есть, несомненно, известная доля условности. Но все же между прилагательными на *-ов* (*-ев*) и *-ин* (*-ын*), с одной стороны, и всех других типов — с другой, есть та безусловная разница, что первые всегда образуются от имен лиц и являются собственно притяжательными, а все другие, по существу, притяжательными не являются, а только могут обозначать принадлежность в прямом смысле слова, например: *пушкинская* квартира, *тургеневская* усадьба, *рахманиновские* прелюдии, ср. однако *китайский* чай, *астраханская* сельдь и т. п. Это различие и служит основанием для того, чтобы с прописной буквы писались только притяжательные прилагательные, образованные от личных имен посредством суффиксов *ов* (*ев*) и *ин* (*ын*). Когда прилагательные этого вида образования входят в состав фразеологических сочетаний или научных терминов, то они обычно теряют значение принадлежности лицу в прямом смысле и поэтому пишутся со строчной буквы, например: *сизифов* труд, *прокрустово* ложе, *анютины* глазки, *базедова* болезнь.

4. Обширную категорию имен собственных составляют названия астрономических и географических объектов, исторических событий, эпох и явлений, а также исторических документов, произведений искусства и различных вещественных памятников и т. п., например: *Марс*, *Юпитер*, *Австралия*, *Кавказ*, *Ганг*, *Жигули*, *Сахалин*, *Пекин*, *Октябрь* (в значении „Великая Октябрьская социалистическая революция“), *Возрождение*, *Домострой*, *Эрмитаж*, *Лувр*. Сюда же включаются названия стран света, когда они употребляются в качестве наименований государств и территорий, расположенных в соответствующих местах земного шара, например: „языки народов *Севера*“, „революционное движение в странах *Востока*“.

Географические названия, употребляемые для обозначения исторических событий и понятий, связанных с соответствующими территориальными пунктами, сохраняют написание с прописной буквы, например: *Мюнхен* (в значении „сговор с фашизмом“), *Седан* („военный разгром“), *Сталинград* („решающий поворотный пункт в ходе Великой Отечественной войны“). Это, понятно, не распространяется на наименования предметов и пород животных, заимствованные от географических названий, например: *бостон* (название ткани, карточной игры, танца), *цинандали* (сорт вина), *йоркшир* (порода свиней).

Примечание. В именах собственных, которые состоят из двух или более частей, соединяемых дефисом, пишутся с прописной буквы

все составные части, кроме служебных слов, например: *Салтыков-Щедрин, Брест-Литовск, Аму-Дарья, Рио-Негро,* но: *Ростов-на-Дону, Бодуэн-де-Куртенэ, Булонь-сюр-Мер*

Прописная буква в составных именах собственных

§ 108. Составные имена собственные многообразны по своему составу. Они различны и по количеству входящих в их состав слов, и по типу этих слов, и по характеру синтаксической связи между словами, объединяющимися в одно целое имя. Однако, независимо от всего этого, составные имена собственные подчиняются в отношении употребления прописной буквы следующим основным правилам:

1. Все составные элементы их, сами являющиеся именами собственными, пишутся с прописной буквы, например: *Средняя Азия, Южный Урал, Малые Альпы, Голубой Нил, Большая Волга, Бельгийское Конго.*

2. Все слова, обычно являющиеся именами нарицательными, но в составе имен собственных употребляющиеся в условном значении (т. е. являющиеся прозвищами, индивидуальными наименованиями и т. п.), пишутся с прописной буквы. Таковы, например: *короткий* в сочетании *Пипин Короткий, львиное сердце* в сочетании *Ричард Львиное Сердце, третий* и *большое гнездо* в сочетании *Всеволод Третий Большое Гнездо* и т. п.

3. Прилагательные, образованные от имен собственных и входящие в составные имена собственные как их обязательная составная часть, пишутся с прописной буквы, например: *Александр Невский, Дмитрий Донской, Каролингская династия, Венский конгресс, Готская программа, Ленский расстрел, Сталинская премия, Курская дуга, Сталинградская битва, Потсдамское соглашение.* То же относится к прилагательным, образованным от имен собственных и входящим в состав сложных географических названий, например: *Онежское озеро, Кольский полуостров, Обская губа, Рижский залив, Крымский полуостров, Московское море.*

4. В составных названиях астрономических и географических объектов, государств (а также их административно-политических частей), улиц, площадей, зданий и т. п. пишутся с прописной буквы все слова, кроме обозначающих родовые понятия, как то: *комета, звезда, созвездие, остров, река, озеро, гора, мыс, полюс, тропик, шоссе, площадь, улица, застава, проспект, аллея* и т. п. (например: *комета Галлея, созвездие Большого Пса, остров Сахалин, река Святого Лаврентия, озеро Верхнее, гора Благодать, мыс Доброй Надежды, Южный полюс, тропик Рака, Военно-Грузинская*

дорога, шоссе Энтузиастов, площадь Восстания, улица Декабристов, мост Вздохов, Крестьянская застава, аллея Победы, Большой Каменный мост.

Но если в состав таких имен собственных входят существительные нарицательные, употребленные не в своем прямом, а в условном значении, то они также пишутся с прописной буквы, например: *Кривой Рог* (город), *Богемский Лес* (горы), *Красная Поляна* (населенный пункт), *Кузнецкий Мост* (улица), *Большая Медведица* (созвездие), *Маточкин Шар* (пролив), *Гнилая Липа* (река), *Сосновый Бор* (санаторий).

5. В составных названиях исторических событий и эпох, исторических документов, произведений искусства и иных вещественных памятников, начинающихся числительным или прилагательным, не образованным от имени собственного, с прописной буквы пишется только первое слово, а также входящие в их состав имена собственные, например: *Тридцатилетняя война, Третья республика, Сто дней, Апрельские тезисы, Великая Отечественная война, Северный Ледовитый океан.* То же относится к составным названиям революционных праздников и знаменательных дней, а также к официальным названиям политических партий, общественных организаций и т. п. — в них пишется с прописной буквы первое слово независимо от того, какой частью речи оно является, например: *Международный женский день, Первое мая, Девятое января, День победы, Российская социал-демократическая рабочая партия.* Правило это относится и к составным именам собственным, заключаемым в кавычки, например: *„Народная воля“* (партия), *„Слово о полку Игореве“, „Комсомольская правда“, „Молодая гвардия“, „Необыкновенное лето“, „За трудовую доблесть“* (медаль).

6. Служебные слова (предлоги, союзы), входящие в составные имена собственные, части которых начинаются с прописной буквы, пишутся со строчной буквы, например: *„Сон на Волге“, „Каин и Артем“, Ростов-на-Дону.*

7. Наиболее трудным является вопрос об употреблении прописной буквы в составных официальных наименованиях правительственных учреждений, партийных и общественных организаций, предприятий Советского Союза, а также стран народной демократии. Принципиально в отношении таких названий действует то же правило, что и в отношении всех других составных имен собственных: с прописной буквы должно писаться первое слово и входящие в состав названия имена собственные. Но трудность заключается в установлении круга тех учреждений и организаций, на которые рас-

пространяется данное правило. Поэтому в орфографических справочниках к общим указаниям обычно прилагается перечень категорий таких названий. В этот перечень вводятся в качестве примеров официальные полные названия учреждений, организаций, предприятий и т. п. центрального, областного, городского масштаба, а также отдельные названия, не подходящие под те или иные категории. Особо при этом выделяется группа высших учреждений и организаций, в названиях которых с прописной буквы пишется каждое слово, кроме служебных слов, слова *партия* и слов, заключаемых в скобки. Примерами таких названий являются: *Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков), Совет Министров СССР, Советская Армия* и т. п.

8. Наконец, следует отметить приемы употребления прописной буквы в аббревиатурах и сложносокращенных словах:

а) Все аббревиатуры, читаемые по названиям букв, а также читаемые по звукам аббревиатуры, являющиеся именами собственными, пишутся одними прописными буквами. Таковы, например: *ВЦСПС, ООН* (Организация Объединенных Наций), *МВД* (Министерство внутренних дел), *РКК* (расценочно-конфликтная комиссия), *ГИХЛ* (Государственное издательство художественной литературы). Служебные слова (предлоги, союзы), входящие в состав таких аббревиатур, пишутся строчными буквами, например *КЗоТ* (Кодекс законов о труде).

б) В сложносокращенных именах собственных, составленных из сокращенного слова и буквенной аббревиатуры, прописные буквы пишутся в начале слова и в аббревиатурной части его, например: *АзССР* (Азербайджанская Советская Социалистическая Республика).

Аббревиатуры и сложносокращенные слова других типов пишутся одними строчными буквами, например: *вуз, роно* (районный отдел народного образования), *обком, комсомол.*

Переносы частей слов из строки в строку

§ 109. Правила переноса частей слов из строки в строку не являются в собственном смысле слова орфографическими, так как не касаются написания слова. Однако вопрос о переносе частей слова имеет серьезное значение с точки зрения процесса восприятия слова как цельного зрительно-звукового комплекса, неразрывно связанного с его значением. Грот в „Русском правописании“ дал систему правил переноса, положив в основу их верный принцип „разделения слов на слоги“. При этом Грот считал нужным различать слова

„простые“, т. е. бесприставочные, и „сложные“, т. е. приставочные. В разделе бесприставочных слов им даются особо правила разделения согласных букв и разделения гласных букв. В разделе приставочных слов в правилах даются указания о том, как следует разбивать слово на части с тем, чтобы не затемнять его состава и по возможности сохранять в целом виде приставку.

Однако гротовская система правил переноса чересчур сложна, причем сложность ее не оправдывается целесообразностью. Гротом дано 17 правил переноса: в числе их есть такие, которые требуют специальных филологических знаний, например, правило о недопустимости разделения в заимствованных словах букв *кс*, *кз*, *пс*, *дж*, соответствующих одной букве в иностранном слове (греческие „кси“, „пси“, английские и итальянские *g*, *j*), правило о недопустимости разделения буквенных сочетаний *бл*, *пл*, *вл*, *фл*, *мл*, *жд*, „представляющих смягчение губных и зубного *д*“, и нек. др. Эта сложность и трудность правил вызывала возражения педагогов и учащихся, чем и объясняется то, что в числе новых правил орфографии, утвержденных декретами Советского правительства в 1917—1918 гг., видное место занимал пункт 11, в котором правила переноса частей слов сводились к следующему: „Согласная (одна или последняя в группе согласных) непосредственно перед гласной не должна быть отделяема от этой гласной; равным образом группа согласных в начале слов не отделяется от гласной. Буква *й* перед согласной не должна быть отделяема от предшествующей гласной. Также конечная согласная, конечное *й* и группа согласных в конце слов не могут быть отделяемы от предшествующей гласной. При переносе слов, имеющих приставки, нельзя переносить в следующую строку согласную в конце приставки, если эта согласная перед согласной“. Если перевести эти правила на язык примеров, то это означает, что недопустимо при переносе разбивать слова так: „пер-ом“, „ребр-ом“, „стр-ана“, „ле-йка“, „забо-р“, „первы-й“, „теа-тр“, „ра-збить“. Но это вместе с тем означает, что не возбраняется при переносе разбивать слова так: „а-кация“, „акаци-я“, „прик-рыть“, „подс-кочить“, „темнок-расный“, „со-нный“, „мес-тком“. Приходится признать, что в стремлении резко отмежеваться от гротовских излишеств правила 1917—1918 гг. создали некоторые новые неудобства. Эти правила, наряду с отказом от трудностей, сохраняют, как это легко заметить, принципы деления слова на слоги и, в известной степени, — учета словообразовательного состава слова (ср. недопущение переноса типа „ра-збить“). Рассмотрим приведенные примеры разбивки слов, не запрещаемой новыми правилами, помня

при этом о роли в нашем правописании его основного — морфологического принципа.

1. Разбивка типа „прик-рыть“ и „подс-кочить“ недопустима на том же основании, на каком правилами не допускается разбивка типа „ра-збить“: в обоих случаях затемняется словообразовательный состав слова.

2. Разбивка типа „со-нный“ недопустима потому, что она приводит к разрушению зрительного образа корневой морфемы, которая была бы лучше воспринята со стороны значения, если бы она оставалась в своем полном виде. Допущение переноса двух одинаковых согласных в таких словах, как *ванна, программа, группа, вилла, касса*, нецелесообразно, если считать недопустимым перенос двух одинаковых согласных в таких словах, как *поддаваться, рассекать, сонный, спасся* и т. п.: пишущему пришлось бы запоминать, в каких случаях можно, а в каких нельзя разбивать двойные согласные.

3. Разбивка типа „мес-тком“ затемняет состав сложносокращенного слова. Правда, теперь уже не во всех сложносокращенных словах ясно осознается, каким сочетаниям полных слов они соответствуют (ср., например, *райпищеторг* и т. п.), но зачем же случайной разбивкой таких слов при переносе еще более затруднять понимание их состава и значения?

4. Разбивка типа „а-кация“ и „акаци-я“ не противоречит принципу деления на слоги, но она нецелесообразна по другим основаниям: а) одна гласная буква в конце строки и, в особенности, в начале строки не вызывает никакой ассоциации с целым словом (а в начале строки скорее всего может быть принята за союз или междометие: *а, и, у, о, э*), что затрудняет восприятие смысла текста; б) зачем переносить одну букву — ведь ее же можно поместить на предшествующей строке на том месте, которое занимает знак переноса (имеется в виду в первую очередь печатный текст, в котором знак переноса занимает место одной литеры)?

Изложенные соображения о недостаточности правил переноса, которые были установлены в 1917—1918 гг., и необходимости некоторых дополнительных правил давно уже приняты во внимание нашей орфографической практикой и без труда проводятся в жизнь. Все действующие в настоящее время правила переноса, вместе взятые, просты, целесообразны и безусловно необходимы. Существующие в справочниках для работников печати некоторые более строгие правила переноса следует рассматривать как необязательные для рукописного текста. Таковы, например, правила о недопустимости отделения инициалов от фамилий, сокращенных обозначений мер от цифр и нек. др.

III. КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ РУССКОГО ПРАВОПИСАНИЯ

РУССКОЕ ПИСЬМО В XI—XVII вв.

§ 110. Как известно, письменность стала распространяться в древней Руси в X—XI вв. В этот период своего большого государственного и культурного роста Русь приняла азбуку, составленную в IX в. в Болгарии (на основе греческой азбуки). Азбука эта, названная позже **кириллицей**, распространилась среди славянских народов, и на ней имелось уже довольно богатое собрание книг, преимущественно церковных. Книги эти были все рукописные.

Принятая на Руси древнеболгарская (церковнославянская) азбука стала употребляться как для переписывания уже существовавших книг, так и при создании всякого рода оригинальных сочинений: летописей, исторических повествований, правовых документов, поучений и т. п.

Распространение письменности естественно вызвало расширение круга грамотных людей, которые обучались у грамотеев старшего поколения. Научившиеся искусству письма оставались в большинстве своем только писцами, копировавшими готовые рукописи. Но среди грамотных людей древней Руси выделялись и одаренные натуры, талантливые писатели, как, например, автор знаменитого „Слова о полку Игореве", Нестор-летописец, князь Владимир Мономах, Илларион и многие другие.

Как грамотные люди того времени усваивали правильность письма, и в какой мере они соблюдали единообразие в своем правописании? Ведь к их услугам не было, понятно, ни учебников грамматики русского или церковнославянского языка, ни выработанных орфографических правил, ни каких-либо вообще пособий для обучения правильному письму. Однако азбука (кириллица) сама по себе соответствовала основному звуковому составу русского языка древнего периода, бла-

годаря чему все основные звуки могли обозначаться на письме достаточно последовательно, оттенки же звуков, не имевшие значения для различения смысла слов, на письме не передавались.

Такому соотношению между звуковой системой и письмом способствовали главным образом две существенные особенности звукового строя русского языка того времени: 1) Гласные звуки одних и тех же морфем в неударяемых слогах звучали почти так же, как и под ударением, т. е. в таких, например, словах, как *ходишь* и *ходил*, *можешь* и *могу*, в которых мы теперь произносим в слоге под ударением *о*, а в предударном слоге *а*, тогда произносился гласный *о*; точно так же произносились одинаково с гласным *е* как в первом, так и во втором слоге такие слова, как *вечер* и *вечерний* и т. п. Понятно, что близость произношения ударяемых и неударяемых гласных звуков в одних и тех же морфемах способствовала правильному их обозначению во всех случаях на письме. Этим можно объяснить, что писцы писали без ошибок *е* в таких словах, как *печаль*, *дадите*, *несѣте* и т. п. 2) Ввиду наличия после согласных так называемых глухих гласных (гласных неполного образования) *ъ* и *ь*, почти все слова состояли из открытых слогов; вследствие этого звонкие согласные звуки не оглушались, а глухие не озвончались. А это позволяло пишущему легко различать употребление парных звонких и глухих согласных (*б* и *п*, *з* и *с*, *д* и *т* и т. п.). Писали, например, *събилъ*, *отъбросилъ*, *кружька*, *съказъка* и не ошибались в написании подобных слов, так как можно было при обозначении согласных точно следовать их произношению. Таким образом, два основных явления, вызывающие затруднения и часто приводящие к ошибкам в современном письме — чередование гласных в ударяемых и неударяемых слогах и чередование звонких и глухих согласных в известных фонетических положениях, — не имели места в древнерусском языке и не создавали трудностей при письме.

Значительное единообразие и постоянство можно установить также в обозначении твердости и мягкости согласных звуков. Уже в первых русских памятниках твердость и мягкость согласных перед гласными последовательно обозначались различием гласных букв, писавшихся после соответствующей согласной буквы (как это имеет место и в современном русском письме). После буквы, обозначавшей твердый согласный звук, писали гласные буквы *а*, *о*, *ы*, *оу* (или ȣ), ъ; после буквы, обозначавшей мягкий согласный звук, писали гласные буквы ѧ (реже ꙗ), є (или ѥ), *и*, *ю*, *ь*. Буквы *ж*, *ш*, *ч*, *щ*, *ц* обозначали в древности всегда мягкие

согласные звуки (так как соответствующих твердых согласных в русском языке тогда не было), и поэтому после них писались гласные буквы, которые обычно употреблялись для обозначения мягкости предшествующего согласного. Таковы, например, в грамотах написания *животъ, дажь, жьньчюгъ* (жемчуг), *вьсеволожю, соущю* и др.

В древнерусских памятниках нашла отражение также традиция церковнославянского письма; особенно заметно она выступает в списках с церковнославянских оригиналов религиозного содержания. Так, под церковнославянским влиянием в древнерусских памятниках употреблялись буквы носовых гласных (в русском языке не существовавших) — Ѫ, Ѭ, Ѧ, Ѩ, древнеболгарские написания некоторых грамматических форм и др.

Примечание. Указанные заимствования касались только письма. Наряду с ними на письме отражались и лексические заимствования с древнеболгарскими особенностями произношения, например, с неполногласными сочетаниями на месте русских полногласных: *гладъ* (вм. *голодъ*), *врата* (вм. *ворота*), *брѣгъ* и *брегъ* (вм. *берегъ*) и т. п. Однако подобные заимствованные написания не характеризовали древнерусское письмо в целом. Ведь даже в церковной письменности Ѫ вытеснялся буквосочетанием *оу*, а Ѧ смешивался с Ꙗ и ѧ; вместо церковнославянских сочетаний *ръ, рь, лъ* появляются русские *ър, ьр, ъл* (*търгъ, вьрхъ, мълва*), вместо *ѣ* пишут *е* в словах с неполногласными сочетаниями: *брегъ, пленъ, шлемъ*. Гражданские же памятники древнейших времен почти свободны от церковнославянизмов указанного рода. Следовательно, хотя русские писцы пользовались древнеболгарским алфавитом, но почти полностью приспособили его к русскому произношению. Вот почему историки русского языка на основании анализа письменных памятников древнейшего периода имеют основание не только говорить о написаниях этих памятников, но судить также и о живом произношении русских людей того времени. На основании письменных памятников древности можно даже говорить о некоторых диалектных особенностях языка отдельных писцов. Писцы разных областей писали несколько по-разному, потому что говорили не совсем одинаково. Впрочем, во всех этих случаях очень отчетливо выступало языковое единство русского народа: несмотря на наличие некоторых частных особенностей, древние памятники обнаруживают единство грамматического строя и основного словарного фонда русского языка.

§ 111. В XII—XIII вв. складываются определенные приемы русского письма, значительно приблизившие письмо к живой речи. Так, в частности, *ѳ* систематически стала заменяться буквой *ф*; йотированные *а* (Ꙗ) и *е* (Ѥ) получили ограниченное употребление, с тем чтобы со временем совсем исчезнуть из письма; там, где *ѣ* и *е* в живой речи слились в одном звуке, буква *е* стала постепенно вытеснять букву *ѣ*. В это время русское письмо крепнет, все более освобождаясь от болгарского влияния и превращаясь постепенно в самостоятельную систему. Но русская традиция письма не была

чем-то косным. Происходили сдвиги в языке — рушились, хотя и с большой задержкой, некоторые традиционные элементы письма. В этом отношении очень интересен такой исторический факт русского языка, как падение глухих.

В памятниках до половины XIII в. мы встречаемся с многочисленными словами, в которых там, где теперь произносятся *о* и *е* или нет никакого гласного звука, писались буквы *ъ* и *ь*, причем употребление их строго выдерживалось и они не смешивались с другими буквами и друг с другом. Так, например, в Мстиславовой грамоте 1130 г. встречаются написания: *мьстиславъ*, *държа*, *руськоу землю*, *почьнеть*, *дължьни*, *въ съмьрти*, *състоить* и др. Последовательное употребление этих букв свидетельствует о том, что им в языке соответствовали особые звуки, общие для всего русского языка, независимо от диалектных особенностей, свойственных языку того или другого писца.

Начавшись с середины XII в., падение глухих, заключавшееся в исчезновении их или в замене их гласными полного образования *о* и *е*, развивалось лишь постепенно и неодинаково в разных местах, населенных русским племенем. В той же Мстиславовой грамоте мы имеем уже три-четыре случая отсутствия *ъ* и *ь* там, где следовало бы их ожидать, например: *кнѧзь*, *кнѧжениѥ* (вм. *кънѧзь*, *кънѧжениѥ*), *всеволодъ* (вм. *вьсеволодъ*), хотя в других случаях эти буквы стоят на своих местах.

Некоторых писцов затрудняло создавшееся в связи с этим положение: с одной стороны, новое произношение, с другой — сложившиеся уже традиции. Например, в договорной грамоте Смоленска с Ригой и Готским берегом 1229 г. (список А) читаем: *что* (вм. *чьто*), *сѧ дѣѩтѣ* (вм. *дѣѩть*), *то ѿидето* (вм. *отъидеть*); *приказано боудѣте* (вм. *боудеть*), *вѣдомъ* (вм. *вѣдомо*), *кто* (вм. *къто*), *посль* (вм. *послѣ*), *хъчеть* (вм. *хочеть*), *зольта* (вм. *золота*), *берьгомь* (вм. *берегомь*). Подобные же явления встречаются и в других грамотах XIII—XIV вв. Здесь в некоторых словах *ъ* и *ь* опущены, а в других неправильно заменены буквами *е*, *ѣ*, *о* или, наоборот, последние буквы неправильно заменены буквами *ъ* и *ь*. В памятниках XIV в. *ъ* и *ь* уже более последовательно заменяются буквами *о* и *е* в нужных случаях, в соответствии с новым произношением.

С XVI в. буква *ь* сохраняется только как знак мягкости согласных и как разделительный знак. Возможно, что знаком мягкости он был еще и в первых памятниках. После же падения глухих эта роль *ь* оказалась естественной. Буква *ь* в этой роли оказалась обязательной в конце слов после мягких согласных. Это в свою очередь повело к тому, что

букве ъ в конце слов было присвоено значение твердого знака, в каковой роли она продержалась в русском правописании вплоть до реформы 1917—1918 гг. Впрочем, изредка встречались памятники и без ъ на конце. Например, И. Пересветов (XVI в.) пишет: *холоп, челом.* Многие памятники разной степени древности имеют написания предлогов без ъ; таковы, предлоги *к*, *с*, *в* и др. (см., например, Домострой XVI в.).

В качестве знака мягкости *ь* стал употребляться и в середине слова, причем частью здесь такое употребление находило себе оправдание в написаниях старших памятников, где *ь* обозначал особый звук, например: *тьма, сильный, царьский.*

Впрочем, надо сказать, что обозначение мягкости в середине слова всегда было слабым местом древних русских памятников. Вплоть до XVIII в. писцы и писатели не обращали особого внимания на эту сторону дела и не придерживались в этом отношении твердой традиции. Котошихин (XVII в.), например, пишет: *далние огороды, писма, жилцомъ, стрелцомъ, въ денгахъ, свадба, людми, сосѣдми, возмутъ, болши того, посолство, болшое, болных, волность, силно.*

Падение глухих привело к очень важным последствиям в истории языка. Произошло отвердение многих конечных согласных, например, в конце таких слов, как *дамъ* (1-е лицо), *моимъ, всѣмъ, тѣмъ* (твор. пад. ед. ч.), *о томъ* (местный пад. ед. ч.). Конечно, эти изменения в языке не могли не отразиться на письме, и соответствующие формы с ъ на конце довольно рано (XIII—XIV вв.) стали вытеснять формы с *ь*.

Однако другое явление языка, связанное с падением глухих, — переход конечных звонких согласных в глухие, — не нашло широкого отражения в письменности. Когда ъ и *ь* существовали как звуки, то стоявшие перед ними согласные отчетливо различались по звонкости и глухости, и написания *книгъ, книжькы* через *г* и *ж* прямо определялись произношением, т. е. были строго фонетическими. С исчезновением же гласных звуков, обозначавшихся буквами ъ и *ь*, исчезли и благоприятные условия для различения звонких и глухих на конце слов или непосредственно перед согласными. Поэтому можно было бы ожидать написаний согласно новому произношению („кникъ“ или „книхъ“, „книшкы“). Однако отмечаемые историками языка такие случаи, как *серпъ* (вм. *сербъ*), *доштъ, телѣхъ* и др., которые встречаются в памятниках, являются редкими. То же следует сказать и об озвончении в начале или середине слов. Правда, мы встречаем в памятниках уже XIII в. такие написания, как *здравъ* (из *съдравъ*), *здѣ* (из *сьде*), *вездѣ* (из *вьсьде*), *гдѣ* (из *къде*), *свадьба* рядом с *сватьба*, *дважды* (из *двашьды*), *пчела* (из *бъчела*) и некоторые другие,

и эти написания с тех пор утвердились в русской письменности. Но все же это единичные случаи, которые не изменили общей картины русского правописания. В Домострое (XVI в.) мы встречаем: *лошки*, *здѣлаютъ*, *ношки*, *пирошки*, *обрески*, *рогошка*, но эти написания противоречили не только традиции, но и образованию этих слов. То же следует сказать и о написаниях вроде *што*, *штобы* (Домострой, Стоглав, XVI в.). В других памятниках подобных написаний мы можем и не найти. Следовательно, в эпоху падения глухих и в последующие эпохи между письмом и произношением наметилось расхождение. Правил же, регулирующих правописание, не было — они появились позже, а пока правописание опиралось на традицию.

Падение глухих имело своим последствием и другие звуковые изменения, вроде указанных. Но не все эти изменения в одинаковой мере отразились на письме.

Всеобщими оказались отвердение мягких согласных перед твердыми: *женский*, *государство*, *правда* (*н*, *р*, *в* здесь произносятся твердо, и *ь* после них как знак былой мягкости не пишется), а также выпадение *л* в прошедшем времени глагола с основой на согласный (*несъ*, *пекъ*, *умеръ* из древних *неслъ*, *пеклъ*, *умьрлъ*). В других же случаях выпадение согласных проявилось в памятниках спорадически: *празной* (Ипат. летоп. по списку XV в.), *празновали* (Котошихин, XVII в.).

Другим фактом языка, так или иначе отразившимся на орфографии, было аканье. Достоверные случаи аканья относятся к XIV в. По крайней мере памятники не только церковного, но и светского происхождения в XIII в. не имеют написания *а* на месте безударного *о*, написания *и* или *я* на месте безударного *е*. Хотя А. И. Соболевский указывает, что уже в конце XIV, а еще более в XV и XVI вв. памятники часто имеют *а* вместо *о*[1], однако он правильно устанавливает и тот факт, что „в XIV и XV вв. наш Север (и Москва, в частности) имел определенную орфографию. Аканье оказалось не в состоянии ее поколебать“[2]. Отдельные случаи аканья нередко встречаются в памятниках XVII—XVIII вв. (ср. наши *барсук*, *завтрак*, *кавычки*, *калач*, *стакан*, *карман*, *крапива* и др.), однако это лишь отдельные случаи. Наше правописание и после появления аканья оставалось „окающим“, т. е. передавало старые *о* и *е* по традиции.

Древнерусский звук, обозначавшийся в памятниках буквой *ѣ* и имевший варианты произношения по отдельным русским диалектам, в памятниках XI—XIV вв. передавался

[1] Лекции по истории русского языка, 3-е изд., стр. 76—77.
[2] Там же, стр. 79.

на письме довольно точно (в новгородских памятниках — буквой *и*, в псковских, как правило, — тоже буквой *и*). Во всяком случае *ѣ* и *е* были разные звуки, и потому на письме они строго различались там, где оправдывались произношением. Но уже и в древности они могли смешиваться в списках старославянских оригиналов, так как русское и болгарское *ѣ* не совпадали в произношении. С течением времени *ѣ* и *е* стали смешиваться и в оригинальных произведениях в связи с изменением самих звуков, обозначавшихся указанными буквами. Начиная с XV в. в среднерусских памятниках мы видим вместо *ѣ* букву *е* и, наоборот, *ѣ* вместо *е*: *семѣна*, *светать* (Домострой, XVI в.), *тебе* и *тебѣ*, *стрелою*, *на цареве дворѣ*, *по нужде*, *в государстве*, *о поѣзде*, *после*, *вмѣсте*, *на Москве* (Котошихин, XVII в.); хотя памятники XV—XVII вв. (преимущественно московские) удерживали традиционные написания, несмотря на то, что в рукописных грамматиках XVI—XVII вв. мы читаем неоднократное напоминание: „ять с естемь разнити", памятники этой эпохи полны ошибок против *ѣ*. В памятниках XVIII и XIX вв. употребление на письме буквы *ѣ* удерживалось искусственно, но многие слова писались при этом неправильно; таковы, например, *блескъ*, *бредъ*, *ведро*, *мелкий*, *ночлегъ*, *песокъ*, *семья*, *темя*, *прилежно*, *трескъ*, *колебать*, в которых следовало писать *ѣ*, и, наоборот, *сѣкира*, *брѣю*, *змѣй*, *Алексѣй*, *Сергѣй*, *апрѣль*, в которых для написания *ѣ* не было никаких оснований.

§ 112. Сравнительно стройное, освященное многовековой традицией русское правописание с XIV в. начинает терять свой былой характер.

С этого времени, в результате деятельных сношений с Константинополем и Афоном, в России появились южнославянские богослужебные книги нового, исправленного образца; на их родине старые славянские переводы с греческого были подвергнуты пересмотру и исправлению на основании сличения с оригиналами. Кроме того, у нас стали встречаться и старые книги с исправлениями писцов. Новые богослужебные книги нашли сильного покровителя в лице митрополита Киприана, с именем которого и связана реформа церковного правописания. Правописание оригинальных русских памятников также испытало на себе некоторое влияние упомянутых книг.

Примечание. Южнославянское влияние на русскую графику сказалось в следующем:

1. Вместо обычных в то время русских сочетаний *ър*, *ьр*, *ъл* стали употреблять *ръ*, *рь*, *лъ*: *тръгъ* (торг), *врьхъ* (верх), *влъна* (волна).

2. Звук *у* обозначался не только буквами *оу и* ȣ, но и юсом большим (ѫ). Установлено правило об употреблении *оу* в начале слова, а ȣ — „в слоге".

3. Вместо ѩ после гласной стало писаться ѧ: *моѧ, спасенїѧ, всеѧ* (обычно ѩ в начале слова, ѧ — на конце).

4. Перед всеми гласными ставится *і*, а не *и*, чего не было ранее; в древности ї ставилось только тогда, когда недоставало места в конце строки.

5. „Фита", „ижица", „кси", вне числового значения в XIII—XIV вв. весьма редкие, стали употребляться, в подражание греческому правописанию, в словах заимствованных.

6. Широкое распространение получила буква ѕ вместо *з*: *кнѧѕь.*

7. В рукописях появляется буква ѡ, употребление которой подчиняется искусственным правилам (в начале слов, в окончаниях множественного числа).

Именно этим и подобным вопросам посвящались выходившие в то время грамматические работы. Уже в XVII в. один из „азбуковников" сущность орфографии полагал в следующем: „Что есть орфография? Орфография есть еже разумѣти всякую рѣчь писати право, еже бы не поставили остраго она вмѣсто троерогаго в сицевыхъ: *богомъ, сномъ*, но да пишеши: бг҃ѡмъ и сн҃ѡмъ, и не да поставиши ферта вмѣсто ѳиты в сицевых: Феодоръ, Феофанъ, но да пишеши сице: Ѳеодоръ, Ѳеофанъ, Ѳеофилактъ, Ѳома, Ѳока, Ѳомища, Ѳеотинія, Ѳеодора: во всѣхъ бо именехъ и рѣчахъ фертъ подлежитъ долгому слогу, а ѳита краткому; и да не поставити како вмѣсто ѯ въ сицевыхъ: Ксенофонтъ, Ксенія, Алексѣй, но да пишеши сице: Ѯенофонтъ, Ѯенія, Алеѯѣй" [1].

Таким же „орфографическим" темам было больше всего уделено внимания и в популярной в XVII в. и переизданной в XVIII в. грамматике Мелетия Смотрицкого. Смотрицкий добавил к тому, что было уже создано его предшественниками, ряд еще более дробных правил, которые, к сожалению, не упрощали дело, а усложняли его своей искусственностью. Так, например, в написаниях именительно-винительного падежа прилагательных множественного числа Смотрицкий отличал мужской род от женского и среднего: в мужском — *и*, в женском и среднем — ѧ; *свѧтїи, свѧтїѧ, свѧтаѧ.*

Правда, грамматика Смотрицкого была грамматикой церковнославянского языка, но ее правилами пользовались и светские писцы и писатели.

Были в этой грамматике и полезные правила. К их числу относятся, например, правила о слитном и раздельном написании слов.

---

[1] А. Карпов. Алфавиты, или азбуковники иностранных речей по спискам соловецкой библиотеки, Казань, 1878, стр. 186—187.

§ 113. До XVI в. в русских рукописях не было деления текста на слова: писцы писали одно слово за другим без промежутков между ними; только группы слов, то бо́льшие, то меньшие, отделялись друг от друга. Такое письмо продолжается вплоть до появления у нас книгопечатания.

В 1564 г. в Москве появилась первая печатная книга „Апостол“. В ней текст делится уже более четко на слова. Так, в записи о ее напечатании читаем:

„Да небываемъ ктомꙋ младенцы о҆умомъ влающеся искитающеся во всякомъ вѣтре о҆уче́нїя волжи чл҃чстей вковарьствѣ козneильще́нїя“.

Таким образом, только „важные“, т. е. самостоятельные, слова отделены друг от друга; слова же служебные (предлоги, союзы, частицы), а также местоимения сливались с другими словами. Впервые последовательное членение на слова появляется в южнорусских печатных книгах только с конца XVI в.; в севернорусских книгах членение на слова появляется лишь в первой половине XVII в., например, в изданной в Москве в 1634 г. „Азбуке“ Бурцева. С половины XVII в. оно начинает входить в общее употребление. Однако многие рукописные книги даже конца XVII в. не имеют четкого деления на слова. Грамоты почти в течение всего XVII в. обходятся без такого деления. Таким образом, раздельное написание слов связано с развитием книгопечатания.

В грамматиках XVI в. появляется специальное учение о „расстояниях“. Расстоянием называлось „разумное разлученiе рѣчей“, т. е. умение „разумно разлучать рѣчи, особо расставлять и имѣть по прилученiю (как надо), какова рѣчь велика или мала“.

Мелетий Смотрицкий довольно настойчиво проводит мысль о раздельном написании самостоятельных слов.

Примечание. В своей грамматике Смотрицкий, между прочим, подчеркнул необходимость писать слитно цельные выражения, по происхождению своему состоящие из двух слов: *вооутрiе*, *волжꙋ*, *вoправду*, *вконецъ*, *вмалѣ*, *повелику*, *помногу*, *значала*, *ксему*, *наединѣ*, *сегѡради*, *нетако*, *ащебо*, *благоже*, *двѣстѣ*, *триста*.

Смотрицкий определил также правила употребления прописных букв. В древности прописные буквы употреблялись только в начале книги, главы, иногда — абзаца. В памятниках более поздних (XVI в.), особенно после введения книгопечатания, там, где предложения отделялись друг от друга точками, первую букву предложения стали писать с прописной буквы. Иногда встречаются и собственные имена людей, городов, также написанные с большой буквы. Однако все это не подчинялось никаким правилам и определялось даже не обычаем, а собственным „усмотрением“ пишущего. Смо-

трицкий впервые внес некоторую ясность в эту практику, установив следующее правило:

„Ко правописанію належит вѧщшими писмены пишема быти“: 1. „Начало стіхѡвъ или вѣршовъ“. 2. „Имена собственная“: *Богъ*, *Адамъ* и т. д. 3. „Достоинства“: *Царь*, *Патріархъ*, *Воевода*. 4. „Художества“: *Грамматіка*, *Логіка*, *Философіа*. 5. „Части художеств“: *Имѧ*, *Мѣстоименіе*, *Глаголъ* и др.

Правда, сам Мелетий не всегда соблюдал эти правила; к тому же, эти правила были изложены без всякого обоснования. Во всяком случае употребление прописных букв долго еще не было упорядочено, так как самый принцип, лежащий в основе правил, не был четко выяснен.

Вообще надо сказать, что многие из рассмотренных нами указаний грамматик о правописании (точнее — о графике) имели искусственный характер и впоследствии были забыты.

Прав был академик А. А. Шахматов, когда на совещании по вопросу об упрощении русского правописания 11/24 мая 1917 г. говорил: „Можно с уверенностью сказать, что если бы русское духовное просвещение в конце XIV и в XV вв. не подверглось мертвящему влиянию южнославянских грамматических школ, задумавших регулировать искусственными правилами то, что на Руси регулировалось обычаем, стариной и пошлиной, наше письмо, следуя данному ему еще в XI в. в Киевской Руси направлению, было бы гораздо совершенней, чем наше современное, и гораздо точнее передавало бы на письме звуки живой речи“[1].

Впрочем, правила, излагавшиеся в грамматических руководствах, имели то положительное значение, что ставили вопрос о регламентации письма, об установлении единообразия в письменной речи. Еще бóльшую роль для установления единообразного правописания сыграло книгопечатание: выпускаемая типографиями печатная продукция имела повсеместное распространение и служила образцом для всех пишущих.

Однако для того, чтобы правила правописания имели действенное значение, чтобы они могли стать прочными и общеобязательными, необходимо было подвести под эти правила принципиальное основание. Эту задачу — теоретически обосновать правописание — под силу было разрешить ученым и писателям, которые имели в виду не церковнославянский, а русский язык, и из них прежде всего — великому русскому ученому Ломоносову и его ученикам.

[1] В. И. Чернышев. Ф. Ф. Фортунатов и А. А. Шахматов — реформаторы русского правописания. — Сб. „Академик А. А. Шахматов“, М.—Л., 1947, стр. 239.

ПРОБЛЕМА РУССКОГО ПРАВОПИСАНИЯ В XVIII в.

§ 114. В связи с общими реформами Петра I стоит и проведенная им реформа русской азбуки, состоявшая в замене старого (церковного) шрифта новым **гражданским** и в некотором упрощении состава азбуки. В значительной степени реформа эта была подготовлена графическими приемами, выработавшимися в русской скорописи, пользование которой было широко распространено. В связи с введением нового шрифта был несколько изменен состав русского алфавита: были исключены буквы ѵ, ѡ, ѯ, ѱ, ѕ, ȣ, и, ѧ, ѫ (впрочем, некоторые из этих букв были впоследствии опять восстановлены), устранены титла и ударения („силы"). Новая азбука вошла в обиход не сразу, а постепенно, со значительными колебаниями и приняла окончательный свой вид уже после смерти Петра.

Изменение внешнего вида и состава русской азбуки, хотя и не было реформой орфографии, однако не могло не отразиться на ней: некоторые старые правила об употреблении тех или других букв потеряли свой смысл. Но, кроме того, реформа свидетельствовала об упадке авторитета церковнославянского языка. Требование времени заключалось в том, чтобы разграничить церковно-книжные и живые разговорные элементы литературного языка, установить нормы этого последнего, определить основы русского правописания и формулировать его правила. Упорядоченность графики и орфографии не могла не повлиять положительно на развитие самого языка.

Серьезным фактором, содействовавшим в известной мере улучшению русского правописания, явилось открытие в 1727 г. академической типографии, которая в выпускаемых ею изданиях придерживалась определенной системы написаний.

Яркую характеристику правописания своего времени дал А. П. Сумароков в статье „О правописании": „Нынѣ писцы потеряли всѣ мѣры, и пишут не только не стыдяся, но ниже озираяся: и дерзновение невѣжества всѣ превзошло мѣры".

При таком положении дела становится вполне понятным, почему такие писатели, как Ломоносов, Тредиаковский, Сумароков, уделяли большое внимание орфографическим вопросам, спорили между собой, пытаясь устранить неурядицы в письме. По словам академика Сухомлинова, „вопрос о правописании был... одним из самых живых вопросов нашей научной литературы" [1]. Вопрос о правописании становится, таким образом, вопросом общественным.

---

[1] Сухомлинов. История Российской академии, т. IV, стр. 388.

§ 115. Первым по этим вопросам высказался Тредиаковский, написавший в 1747 г. трактат „Разговор между чужестранным человеком и российским об ортографии старинной и новой и всем что принадлежит к сей материи“ [1].

Сущность взглядов Тредиаковского на правописание сводится к следующему. Давая обстоятельную критику церковнославянской графике, он указывает на различия между церковнославянским и русским языками в грамматическом строе и делает вывод о необходимости писать в соответствии с фонетикой московского разговорного языка. Отмечая „несвойственность“ старого алфавита русской фонетике, Тредиаковский защищает новую, гражданскую азбуку, но предлагает исключить из нее лишние буквы, для которых нет оснований в русском произношении.

„Та ортография совершенно правильная, которая одни только наблюдает звоны“ (191). „Так писать подлежит, как звон требует: ибо должность писмен в том, чтобы хранить голосы и как заклад отдавать их читателям“ (187). Таким образом, провозглашается фонетический принцип в правописании.

С другой стороны, Тредиаковский подрывает авторитет традиции, — „употребления, которое великую власть имеет над языком“ (212); по его мнению, правила, основанные на „употреблении“, должны держаться только в том случае, если „разуму не противны“ (221). Традиция ради традиции, „как до сих пор было“, „противна разуму“, рациональной же орфография становится в том случае, если она следует живому русскому языку. Он как бы предвидит возражения против фонетического принципа в пользу принципа „словопроизводственного“, разбирает их и опровергает. Скажут, что при письме „по звону“ не будет виден „корень первообразных“: если писать *слѣтствіе*, то не видно будет, что оно произошло от с л ѣ д у ю. С другой стороны, пропадает различие между многими одинаково произносимыми словами: если слово *род* писать по произношению, то оно не будет отличаться от слова *рот*, *os*, *bucca*. Тредиаковский так опровергает эти возражения: „Что мне нужды, что произведения корень виден не будет? Старается ли о кореняx все обычество пишущчих, которым невозможно писать без правил ортографических; а остновательнейшия и легчайшия

---

[1] В дальнейшем мы будем ссылаться на это сочинение Тредиаковского. Надо иметь в виду, что, кроме других особенностей, в его письме вместо *и* употребляется *ї*, кроме того, всегда пишется *s*, а не *з*. Эти особенности, как и особенности правописания с *ѣ*, не передаются в приводимых здесь написаниях.

ортографическия правила на одном токмо звоне утверждаются. Вся польза происходит от кореней ученым людям, которыи оными иногда доказывают прямое знаменование слова, во время случающчихся споров". Да и ученый ничего не теряет от письма по звонам. Звуки в таких парах, как *б — п*, *з — с*, *д — т*, *в — ф* и т. п., „кровное родство, так сказать, имеют", потому что „каждая пара одним и тем же органом произносится"; „тогоради едвал можно сказать, что в наших производных трудно будет находить корень ученому человеку, ежели писать их по звону" (188—189).

Тредиаковский считал свое фонетическое письмо наиболее доступным массам, а письмо по словопроизводству называл ученым письмом.

Делая уступки „употреблению", традиции, Тредиаковский не мог до конца провести свой принцип. Он ни в коем случае не желает следовать диалектам и признает правильным произношение лишь „знаюшчих" людей, владеющих нормами литературного языка. Кроме того, будучи, как он сам себя называет, „первым примечателем" многих особенностей „московского выговора", Тредиаковский нигде не требует, например, передачи гласных звуков в безударных положениях по акающему произношению.

Орфографическая практика Тредиаковского была отражением его взглядов на основы русской орфографии: помимо своеобразного употребления некоторых букв (везде *і*, *s*), некоторых особенностей в употреблении *ѣ*, отсутствия *ѳ*, *щ* (вместо которой писал *шч*), особенностей в слитном и раздельном написании слов, мы видим значительные отличия его орфографии от орфографии его современников и от ныне действующей орфографии: 1) *іи* (м. р.), *іе* (ж. р.), *ія* (ср. р.) в окончании именительного падежа мн. ч. прилагательных; 2) две согласные вместо трех, если они стоят рядом: *шчасливый*, *извѣсно*, *срогій* (вм. *строгій*), *свецкій*, *учасникъ*; 3) одно *о* в таких случаях, как *вобиче*, *собичение*, *первобразный* („слова без раззевания выговариваются лехче и приятнее"); 4) употребление глухих согласных вместо звонких перед глухими и в конце слов: *порятку*, *непосретственно*, *близко*, *бутто*, *дватцать*, *бумашка*, *образцы*, *тетрать*; 5) родительный падеж местоимений на *ова: такова*, *никакова*; 6) *шн* вместо *чн* в словах типа *нарошно*; 7) особенности в обозначении мягкости согласных: *полза*, *писменъ*, *церьковь*, *верьхъ*; 8) особенности в употреблении гласных в некоторых словах: *стисненіе*, *слабинькій*, *клену* (вместо *кляну*).

Взгляды Тредиаковского на правописание не определили судьбы нашей орфографии, хотя отголоски этих взглядов мы постоянно встречаем в последующей ее истории.

§ 116. Тредиаковский, впервые поставив принципиальный вопрос об основе русского правописания, однако не разрешил его, оставшись со своей теорией в одиночестве на долгое время. Задачу эту разрешил великий русский ученый М. В. Ломоносов. С 40-х годов XVIII в. он начал собирать материал для грамматики и в 1755 г. издал свою „Российскую грамматику".

Заслуга Ломоносова состоит в том, что он, поняв актуальность и важность орфографической проблемы, подвел под правописание теоретическую основу, включив рассуждение о правописании и основные правила его в систему своей грамматики.

По мнению Ломоносова, „в правописании наблюдать надлежит: 1) Чтобы оно служило к удобному чтению каждому знающему Российской граммате, 2) Чтобы не отходило далече от главных Российских диалектов, которые суть три: Московской, Северной, Украинской, 3) Чтобы не удалялось много от чистого выговору, 4) Чтобы не закрылись совсем следы произвождения и сложения речений" (§ 112)[1]. Можно сказать, что последующая разработка орфографических вопросов пошла по пути, указанному Ломоносовым. В самом деле, в приведенной формулировке сжато, но ясно установлены известные последующей литературе принципы правописания. Здесь мы видим знакомый нам фонетический принцип („чтобы не удалялось много от чистого выговору") в сочетании с морфологическим принципом („следы произвождения и сложения речений").

Второй пункт приведенной формулы указывает на смешанный характер литературного произношения и на разнородность населения, говорящего на русском языке. Признавая акание основной чертой московского произношения, Ломоносов тем не менее считает невозможным допустить *хачу* вм. *хочу*, *гавари* вм. *говори*, как иногда пишут „московские уроженцы, а больше те, которые немного и невнимательно по церковным книгам читать учились, в правописании часто погрешают, пишучи *а* вместо *о*"; „ежели положить, чтобы по сему выговору всем писать и печатать, то должно большую часть России говорить и читать снова переучить насильно" (§ 115).

Высказывание Ломоносова в другом месте („О множественном окончании прилагательных имен") о том, что „как во всей грамматике, так и в сем случае одному употреблению повиноваться должно"[2], свидетельствует о внимании, которое уделял Ломоносов традиции. На традицию он ссылается,

[1] Цитаты из „Российской грамматики" приводятся со ссылками на параграфы.

[2] Сочинения М. В. Ломоносова, изд. Академии наук, 1898, т. IV, стр. 2. Цитируя Ломоносова, мы не сохраняем *ѣ*, *ѳ*, *ѵ*, *ъ*, *і*.

когда говорит об употреблении *е* и *я* во множественном числе прилагательных. Он прямо сознается, что „к постановлению окончаний прилагательных множественных имен никакие теоретические доводы не довольны“[1], что „... для избежания сих погрешностей не можно предписать других правил, кроме прилежного учения Российской граммате и чтения книг церковных, без чего и во всем Российском слове никто тверд и силен быть не может“ (§ 116).

Устанавливаемые грамматикой правила всегда важны постольку, поскольку помогают пишущему передавать свои мысли, а читателю — легко понимать прочитанное. Вот почему Ломоносов первым пунктом своей вышеприведенной формулы, характеризующей основы правописания, ставит условие — „чтобы оно служило к удобному чтению каждому знающему Российской граммате“. Это указание на роль единообразия и четкости орфографии в процессе чтения до сих пор не утратило своего значения и вновь всплывает каждый раз, когда возникает вопрос о реформе или урегулировании правописания.

Рассматривая вопрос о составе русского алфавита, Ломоносов находил, что буквы *і*, *щ*, *э*, *іо̂* (= *ё*) в азбуке „числиться не должны“ (§ 88). Из них он допускает на письме лишь букву *і* перед гласными ради таких случаев, когда *и* повторяется, при этом не делает никаких исключений. Букву *щ* Ломоносов считал знаком звуков *шч*; по его мнению, она „не больше права имеет быть в азбуке, как „кси“ или „пси“.

Отрицательное отношение к букве *э* было у большинства писателей того времени. Ломоносов пишет: *етот*, *ей* (= *эй*) (IV, 43), *електрическая* (V, 322), *ефиръ* (IV, 342), *поезия* (IV, 11), считая, что „ежели для иностранных выговоров вымышлять новыя буквы, то будет наша азбука с Китайскую“. Ломоносов разрешал употреблять букву *іо̂* „в нужных случаях“; однако, считая ее „за двуписьменное начертание“ из *і* и *о*, он в азбуке в ряд с другими буквами ее не ставит и в своих сочинениях не употребляет. Как известно, буква *ё* была введена позже, Карамзиным. Сумароков отвергал *іо̂*, а в случае необходимости рекомендовал *ьо*: *Альона* (Алёна), *Семьон* (Семён).

Ломоносов выключает из азбуки также фиту (*θ*). Признавая, что буквы *ѣ* и *е* „в просторечии едва имеют чувствительную разность“ (§ 104), Ломоносов все же не решился выбросить из алфавита первую из этих букв. Он считал, что уничтожение *ѣ* затруднит чтение книг теми, кто „разделять *е* от *ѣ* умеют“, что оно нужно для различения некото-

[1] Сочинения, т. IV, стр. 2.

рых слов (*лечу* — *лѣчу*) и т. п. Основное правило, которое он дает здесь, сводится к тому, что многочисленные слова „требуют к различению букв *е* и *ѣ* твердого учения граммате и прилежнаго книг чтения“ (§ 117). Конечно, подобные правила не могли облегчить положения, поэтому писатели XVIII в. постоянно смешивают эти две буквы. Сумароков откровенно признавался, что ему „трудняе многих научиться было отличать *ѣ* от *е*“ (Сочинения, т. X, 42).

Буква ъ, хотя и была признана Ломоносовым чем-то вроде „пятого колеса“, однако в „Российской грамматике“ и в собственной практике Ломоносова эта буква оставалась не только как отделительный знак (*отъемлю, объявляю*), но и как показатель твердости конечного согласного: *буквъ, какъ, столъ* и т. д. В существительных же на шипящий согласный можно различать у Ломоносова два случая: после твердых шипящих всегда пишется ъ: *ножъ, рубежъ, чертежъ, гужъ, барышъ, грошъ, шабашъ*; после же *ч* и *щ* — то ъ, то ь: *кирпичъ, лещъ, овощъ*, но: *харчь, сургучь* (§ 196), *грачь, ключь, калачь, лучь, мечь* и др. (§ 143); в соответствии с этим и *Москвичь* (§ 235), *Михайловичь* (IV, 369).

Мягкий знак (ь), как знак мягкости, употребляется Ломоносовым достаточно последовательно, хотя он и не дает твердого правила, ограничиваясь указанием на то, что „в просторечии ь больше, нежели в письме, изображается промеж другими буквами: *твердитъ* пишем, а выговариваем *тверьдитъ*“ (§ 120). Такие слова, как *верьхъ* (§ 175, § 119), *церьковный* (§ 111), пишутся с ь по произношению; *возмите* (§ 417) — без ь; в некоторых словах замечаем колебания: *писменная* — *въ письме, весьма* — *весма, перьвый* — *первый*.

Как знак грамматических категорий, ь употребляется Ломоносовым без колебаний, почти так же, как употребляется он в современном письме: *знаешь* (III, 4), *пишешь* (§ 272), *мажь, режь* (§ 333), *беречь, стричь, волочь* (§ 338), *лишь* (III, 2). Форма 2-го лица на *ши* (вм. *шь*), неопределенная форма на *ти* (вм. *ть*) в произведениях Ломоносова, по крайней мере той поры, когда он писал „Российскую грамматику“, отсутствуют.

Устанавливается твердое правило о правописании корней „по произвождению“, например: *хочу*, а не „хачу“, *говори*, а не „гавари“, *тяну, ему*, а не „тену“, „яму“; *легок, легка*, а не „лехка“, *сладок* — *сладка*, а не „слатка“, *лечу* от *лететь*, *лѣчу* от *лѣчить*; в сущности, сюда же относится правописание *твердитъ* вм. *тверьдитъ* (§§ 115, 116, 118, 120). Это правило устанавливало единообразное написание большинства слов, сохраняя связь с исторической традицией.

В соответствии с морфологическим принципом пишутся и приставки; они пишутся однообразно, «не взирая на „мягкость“ или „твердость“ следующих согласных». Отступлением от общего принципа о приставках является правило о приставках *воз*, *из*, *низ*, *раз*, которые перед „мягкими“ (т. е. глухими, кроме *с*) пишутся через *с*: *истребляю*, *воскресеніе*, но *избытокъ*, *разрыть*, *возбраняю* (§ 127), *безсильный* (III, 4).

Приставки *при* и *пре* пишутся Ломоносовым очень последовательно, хотя и не устанавливается правило. Впрочем, надо сказать, что *пре* и *при* очень хорошо различались всеми писцами и литераторами древнего периода нашей письменности (до XVIII в.).

В области правописания окончаний Ломоносов установил несколько правил, причем некоторые из них отличаются большой определенностью, исключающей какое-либо другое написание; в других случаях он допускает варианты, которые объяснялись особенностью языковых процессов, происходивших в то время. Например, слова типа *лицо* пишутся *лице* или *лицо*, *лицемъ* или *лицомъ* (§ 154). Всего больше таких двойственных начертаний в окончаниях прилагательных. В именительном падеже единственного числа мужского рода — *ой*, *ей* или *ый*, *ій*: *первой* (пример) (§ 148), *третей* (пример) (§ 161), *божей* (§ 161), *мужскій*, *женскій*, *средній* (род) (§ 273), *личной*, *безличный* (глагол) (§ 282); однако такие написания находим только в парадигмах склонения (§ 161), в примерах же, которые приводятся в грамматике, обычно пишется *ой* и *ей*. В родительном падеже единственного числа прилагательных мужского рода Ломоносов устанавливает только *аго*, *яго* (*истиннаго*, *прежняго*) (§ 161) и даже под ударением: *никакаго* (IV, 419), *другаго*, *втораго* (IV, 117); это окончание он предпочитает и в своих произведениях, но иногда у него встречаются и русские просторечные формы на *ова*, *ово*: *никакова* (IV, 116), *одново* (II, 18). Относительно подобных окончаний сам Ломоносов делает разграничения: одни из них — „славянские, другие — в разговорах употребляемые“ (§§ 172, 173), одни — „в штиле высоком“, другие — в „простом слоге“ (§ 190). Все эти двойные написания долго держались в нашей орфографии.

Особенно много споров в те времена велось вокруг окончаний прилагательных множественного числа. О правилах Тредиаковского было сказано выше (§ 115); Ломоносов в „Российской грамматике“ утвердил правило об употреблении *е* в мужском роде и *я* в женском и среднем роде, ссылаясь на историю и отчасти на произношение. Сумароков рекомендовал для всех родов *я* (X, 42). Как бы то ни было,

утвердилось ломоносовское правило, господствовавшее до реформы 1917—1918 гг.

Большой интерес представляет правописание Ломоносова, а также его современников в области слитного и раздельного написания слов. Традиции в отношении начертаний частиц, предлогов-приставок к этому времени еще не сложилось. В течение всего XVIII в. наблюдается большая пестрота в этой области.

Отметив ошибки в написаниях, указав на изменение слова как на один из способов различения предлога и приставки перед именами, Ломоносов устанавливает критерии, по которым можно узнавать наречия: следует обращать внимание на изменяемость слова, на его значение, на употребительность данного слова без предлога, на обособленность данной формы от других форм слова.

В этих правилах Ломоносова сквозит одна определенная тенденция — не соединять в одно таких слов, которые имеют хоть какие-либо основания для раздельного написания, не умножать количества слов, которые писались бы слитно с предлогами, частицами. Грот более чем через 100 лет, рассматривая этот же вопрос, опирался на рассуждения Ломоносова на эту тему.

Рассмотрение орфографических явлений, отмеченных и регламентированных Ломоносовым, показывает, что круг этих явлений очень широк; по крайней мере то, что связано с грамматикой, нашло у него довольно полное отражение. Объяснения, которыми он сопровождал свои правила, придавали им силу убедительности и становились предметом научных рассуждений современников. А авторитет их автора заставлял пишущих считаться с этими правилами, чаще же всего не только считаться, но и принимать их в качестве обязательных.

§ 117. Укреплению правописания Ломоносова много содействовал В. Светов, автор грамматических работ школьного типа, которые в конце XVIII в. имели широкое распространение. Светову принадлежит работа, изданная в последней четверти XVIII в. под названием „Опыт нового российского правописания, утвержденный на правилах Российской Грамматики и на лучших примерах Российских писателей“. Правописание, которое здесь представлено, по сравнению с тем, что дано в трудах Ломоносова, не является существенно новым, и если оно названо новым, то, очевидно, потому, что оно, как и ломоносовское, было правописанием русского языка, а не церковнославянского. Действительно новое Светов дает по сравнению с тем, что было в первой половине XVIII в. до Ломоносова. Книга Светова содержит

систематическое изложение правил, приводит примеры „сомнительного и трудного правописания“ (впервые в трудах по правописанию) и дает объяснения, „для чего их так писать надлежит“. Это — краткий свод орфографических правил второй половины XVIII в.

Одновременно с В. Световым в области правописания большую и полезную работу проводил профессор московского университета А. А. Барсов. Ему принадлежит книга „Краткие правила Российской грамматики, собранные из разных Российских грамматик в пользу обучающегося юношества в гимназиях Московского Университета“, выдержавшая восемь изданий (1-е в 1771 г., 8-е — в 1802 г.). Важнейшие правила, заключенные здесь, реализуют установленный Ломоносовым „словопроизводный“ принцип. Нельзя писать, „по некоторому деревенскому выговору“, *великаю* или *великою побѣду*, *выиграть*, *дѣлаится*, *чесы*, *честей*, *началъ*, *можитъ*, *держутъ*, *ходютъ*, *строетъ*, *проигровать*, *твояво*, *скоряе*, *малинькой*; в рассуждении согласных букв надлежит остерегаться, чтобы, обманываясь вольностью выговора или сходством других слов, не писать: *к* вм. *г* (*крук*, *мок*), *х* вм. *г* (*нох*, *мох*), *ц* вм. *с* (*делатца*) и т. д., т. е. нельзя писать „*по звонам*“.

§ 118. Однако не следует думать, что взгляды Ломоносова на правописание быстро нашли применение в орфографической практике его современников. И в правописании самого Ломоносова бывала непоследовательность, да и не сразу выработалась система его правописания. Кроме того, правила, установленные Ломоносовым в его „Грамматике“, не были санкционированы каким-либо высшим государственным учреждением, а держались лишь в силу его личного авторитета, который, к тому же, не всеми тогда признавался. Для понимания создавшегося положения очень характерны высказывания Сумарокова.

Сумароков выступил уже после Ломоносова и Тредиаковского со статьями „О правописании“, „Примечание о правописании“, „Наставления ученикам“, „К типографским наборщикам“ и др.[1] Все эти статьи написаны почти исключительно с полемической целью: в них Сумароков выступал против Тредиаковского, Ломоносова, Светова и др.

По словам Сумарокова, грамматика Ломоносова „ни каким Ученым Собранием не утверждена, и по причине, что он Московское наречие в колмогорское превратил, вошло в нее множество порчи языка“ (X, 38).

---

[1] Полное собрание сочинений Сумарокова, изд. 2-е, т. III, VI, X. М., 1787. Здесь, как и в дальнейшем, при цитировании авторов, мы не передаем особенностей дореформенного правописания, кроме специальных случаев.

Упрек, сделанный Сумароковым Ломоносову, показывает, какую большую роль сыграл Ломоносов в выработке основ русского литературного языка и русского правописания: он объединил здесь элементы и книжные, славянские, и живые, русские. То, что казалось его современникам, а особенно врагам порчей языка и правописания, было делом большой исторической важности.

Вполне естественно, что литературные и лингвистические распри, происходившие между писателями второй половины XVIII в., неблагоприятно действовали на состояние правописания в школах, в печати. И Светов и Сумароков жалуются на пестроту правописания в изданиях своего времени. Положения Ломоносова как академика и писателя, конечно, было все же недостаточно для того, чтобы сообщить высказываниям его по орфографическим вопросам и его орфографической практике силу закона.

Как исправить существующее положение, как установить рациональное правописание? Сумароков приходил в отчаяние, когда думал об этом. „Но чем пособить, — писал он, — когда Россия ни какова не имеет собрания, пекущегося о языке и словесных науках: да и в школах ни Российскому правописанию, ни грамматике Российской не учат. Ето удивительно, и достойно великаго примечания“ (X, 36—37).

§ 119. Однако, несмотря на то, что правительство ничего не предпринимало для урегулирования орфографического разнобоя, труды по этим вопросам Ломоносова, Светова, Барсова, Соколова, Козицкого (на которого ссылаются Светов и Сумароков) все же способствовали установлению норм правописания. В самом начале XIX столетия, благодаря этим трудам, могла уже появиться изданная Российской Академией „Российская грамматика“ (1802, 1809, 1819 гг.). Здесь имеются более тщательно разработанные правила, касающиеся правописания частей речи (окончаний и суффиксов). Например, таким является правило об употреблении ъ и ь в окончаниях имен существительных (§ 31); подробно регламентировано, с приведением списков слов, употребление ь в середине слова, а также в окончаниях (*сельскiй*, *беленькiй*, *легонько*, *льняный*, *льстивый*, *косьба*, *рѣзьба*, *весьма*, *двигаться*, *двиньте* и т. п.). А самое главное, что было сделано Академией в выпущенной ею грамматике, — это окончательное утверждение „словопроизводного принципа правописания“.

Для орфографической нормализации имел значение также и „Словарь Академии Российской“ 1789—1794 гг.

Подводя итоги вышесказанному, следует кратко формулировать те результаты, к которым пришла орфографическая

мысль к началу XIX столетия: 1) установлен „словопроизводный" принцип правописания и определены случаи, когда он уступает произношению; 2) сформулированы важнейшие правила, касающиеся употребления отдельных букв и правописания отдельных частей речи; 3) правила не только сформулированы, но в известной мере аргументированы; 4) важнейшим доводом в пользу тех или иных трудных написаний, в случае сомнения, является ссылка на традицию.

УСТАНОВЛЕНИЕ НОРМ ПРАВОПИСАНИЯ В XIX в.

§ 120. Ломоносов впервые, как было указано, установил общие принципы русского правописания и выработал некоторые отдельные частные правила (не всегда при этом утвердившиеся в дальнейшем). Но ни сам Ломоносов, ни его ближайшие последователи не дали более или менее полного свода орфографических правил, которыми определялись бы отдельные конкретные случаи написаний. Как уже было указано, у самого Ломоносова не было устойчивости в отдельных написаниях, не было их и у современников великого ученого. К тому же, установленные в середине XVIII в. орфографические нормы не были санкционированы авторитетом какого-либо правительственного учреждения и, следовательно, не имели силы закона.

Историк русского правописания Я. К. Грот в своей книге „Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне"[1] приводит довольно красноречивые факты неудовлетворительного состояния русского правописания после Ломоносова (конец XVIII и начало XIX в.). И официальные документы, и периодические издания, и произведения крупнейших писателей того времени не отличались единообразным правописанием. Даже в каждом отдельном журнале редко соблюдалось одно и то же правописание; один и тот же писатель писал по-разному в разных своих произведениях. Карамзин в своей „Записке о древней и новой России" говорил: „В целом государстве едва ли найдешь человек сто, которые совершенно знают правописание". Грот считает, что литературная деятельность Карамзина составила „эпоху в успехах русского правописания"; однако он вынужден признать, что и Карамзин „вначале писал не так, как сам он писал впоследствии".

Карамзин, много сделавший для русского литературного языка, и в орфографию внес немало полезного. Дело, конечно, не в том, что он ввел букву *ё* вм. *iô*[2], на что обычно принято

[1] „Филологические разыскания", т. II.
[2] См. „Аониды", кн. 2, 1797, стр. 176.

указывать, когда говорят о Карамзине, но он упорядочил правописание тем, что стал употреблять более обоснованные написания многих русских и заимствованных слов. Хотя он не оставил каких-либо высказываний по вопросам правописания, но своим авторитетом крупнейшего писателя он влиял на современную ему орфографическую практику. Из неудачных нововведений Карамзина надо отметить излишнее употребление прописных букв, с которых он начинал все заимствованные имена существительные (не только имена собственные) и многие русские — „имена почтенные" (Автор, Литература, Герой, Наука, Искусство и пр.)[1].

Как известно, большой разнобой наблюдается и в рукописях Пушкина, особенно в его письмах. В правописании Пушкина отмечают: 1) написания, согласные с установившейся традицией; 2) написания по произношению, расходящиеся с практикой современного ему письма (*здаровъ, брадяга, каляска; большова, другова* и др.); 3) написания, противоречащие традиции, но вносящие в тогдашнюю орфографию более рациональные элементы и приближающие письмо поэта к нашему письму. Корректоры и редакторы сочинений Пушкина исправляли при издании отступления от традиционной орфографии. Однако эти исправления не вносили единообразия в орфографию его произведений, выходивших из печати, так как тогда не было единой общепринятой орфографической системы. Так, в изданиях сочинений Пушкина, вышедших при его жизни, имеются написания: *щастье* и *счастье; ключь, лучь* и *ключъ, светочъ; цалую* и *цѣлуетъ; пошолъ, лицо, кольцо, кружокъ, горшокъ* и *пошелъ, лице, пятачекъ; тихій* (взор) и *тихой* (глас); *грѣшной* и *празднословный* (язык); ср. также *смѣшной, круговый, родный, худый* и т. д. Такая непоследовательность и пестрота характерны для русской орфографии в начале XIX в. Г. О. Винокур даже считает, что в рукописной орфографии Пушкина можно найти больше последовательности, чем в его первопечатных изданиях[2].

§ 121. Составители грамматик начала XIX в. стремились к возможно большему урегулированию вопросов правописания, к установлению прочных и единообразных правил. Особенно много сделал для нормализации правописания Греч, автор ряда „практических", „начальных", „сокращенных" и тому подобных грамматик (20—30-е годы).

---

[1] Я. К. Грот. Спорные вопросы... Изд. 2-е, стр. 205—207.

[2] Г. О. Винокур. Орфография и язык Пушкина в академическом издании его сочинений. „Пушкин. Временник Пушкинской комиссии", т. 6; ср. В. И. Чернышев. Замечания о языке и правописании А. С. Пушкина, там же.

Греч был далек от намерения реформировать или упрощать правописание; он известен вообще как охранитель старых порядков и выразитель принципов реакционных правящих кругов его времени. Ему, между прочим, приписывали крылатое выражение: „ѣ нужен для того, чтобы отличить благонадежного от крамольника“. Основным принципом правописания Греч считал соблюдение единообразия в написании слов, хотя бы они и изменяли свое произношение, в зависимости ли от места ударения или от сочетания с другими звуками. Изменение слова с тем, чтобы ударение падало на искомую гласную или чтобы согласная стояла перед гласной, — вот те приемы, к которым Греч рекомендует прибегать в затруднительных случаях.

Правила излагаются Гречем весьма обстоятельно и сопровождаются бо́льшим числом примеров, чем это было у писателей XVIII в. При этом он заостряет внимание на тех написаниях, которые в его время оставались сомнительными.

Слова и формы, принятое правописание которых представлялось Гречу неправильным, отмечались им особо, причем он дает список таких слов и форм. Так, Греч указывает, что надо писать: *адьютантъ* (вм. *адъютантъ*), *бесподобной* (вм. *безподобный*), *бѣдненькій* (вм. *бѣдниенькій*), *верхомъ* (вм. *верьхомъ*), *восшествіе* (вм. *возшествіе*), *волошскій* (вм. *воложскій*), *впрочемъ* (вм. *въ прочемъ*), *въ теченіе* года (вм. *въ теченіи*), *голубочекъ* (вм. *голубочикъ*), *гречневой* (вм. *грешневой*), *двадцать* (вм. *дватцать*), *драма* (вм. *драмма*), *дышитъ*, *дышатъ* (вм. *дышетъ*, *дышутъ*), *заяцъ* (вм. *заецъ*), *этотъ* (вм. *етотъ*), *сдѣлать* (вм. *здѣлать*) и т. п. Строгая определенность правил, казалось бы, создавала устойчивость орфографической системы русского языка. Но не все правила Греча вошли в общий свод русского правописания; однако он регламентировал очень многое из того, что оставалось до него неопределенным, неустойчивым, его правила даже чересчур детальны, мелочны. Немногое оставалось добавить вышедшей уже в пятидесятых годах „Сравнительной грамматике русского языка“, составленной академиком И. Давыдовым.

§ 122. И все же нельзя сказать, что установленные грамматиками Востокова, Греча, Давыдова (позже — Буслаева) правила вполне уничтожили орфографический разнобой.

Грот приводит много ярких примеров той пестроты, которая наблюдалась в правописании 40—50-х годов прошлого века, т. е. уже после выхода названных грамматик. Такое положение отчасти объяснялось опять-таки тем, что изложенные в этих грамматиках правила не были утверждены

как обязательные; а с ними не все соглашались, тем более что правила давались без оснований — как готовые рецепты.

Разнобой в орфографической практике не устранялся и словарями, выходившими в свет в то время (двухтомный „Общий церковно-славяно-российский словарь" П. С. Соколова, 1834 г., и четырехтомный „Словарь церковно-славянского и русского языка", составленный вторым отделением Академии наук, 1847 г., переизданный затем без изменений в 1867 г.). Словарь Соколова, как сказано в предисловии, предназначался „для введения в употребление по училищам Российской Империи" и потому был согласован с „Краткой грамматикой" Востокова. Между тем в правописании словаря не было последовательности; в нем нередко давались двоякие формы и написания для одного и того же слова. Так, в нем указывались два варианта формы мужского рода единственного числа имен прилагательных: на *ый* и на *ой* (*вторый* и *второй*, карандаш *черный*, *красной; глухій*, *годовый*, *голубый*, *алый*, но человек *тупой*, *непонятной*, *безпамятной*); в нем одинаково допускались написания: *изъимать* и *изымать*, *объиграть* и *обыграть*, *объимать* и *обымать*, *объискъ* и *обыскъ*, *отъиграть* и *отыграть;* также: *писчій* и *пищій* (бумага), *душеприказчик* и *душеприкащик*, *нещастіе* и *несчастіе; мѣшекъ* и *мѣшокъ*, *лице* и *лицо*, *изслѣдовать* и *изслѣдывать*, *крупеный* и *крупяной*, *междометіе* и *междуметіе*. По-разному давались в словаре и написания однотипных по образованию слов, например: *кушачекъ*, *кружекъ*, *косячекъ*, но *козачокъ; книженка*, но *дѣвчонка;* давались слитные написания: *вправду*, *впрокъ*, *едвали*, но раздельные: *къ стати*, *по просту*, *на двое*, *по поламъ* и т. д. Имеется много необоснованных написаний: *дворняшка*, *димократическій*, *искуство*, *матрозъ*, *матрозкій*, *маштабъ*, *мамантъ*, *иступленіе*, *прозьба* и др.

Лучше с орфографической точки зрения словарь 1847 г., но и в нем имеются двойственные и противоречивые написания: *бутошный* и *будочный*, *ведреный* и *ведряный*, *велблюдъ* и *верблюдъ*, *водорасль* и *водоросль*, *возрасти* и *возрости*, *выпехать* и *выпихать*, *вѣтія* и *витія*, *вѣтреный* и *вѣтряный* (с одним и тем же значением), *генварь* и *январь*, *зеркальце* и *зеркальцо*, *грушевка* (грушевая наливка) и *грушовка* (растение), *жавронокъ* и *жаворонокъ*, *пугвица* и *пуговица*, *ярмонка* и *ярмарка* и др.

В академическом словаре 1847 г. слитно пишутся слова: *безумолку*, *вверхъ*, *вверху*, *вдали*, *вдвое*, *вдвоемъ*, *вдевятеро*, *вдесятеро*, *взаперти*, *взапуски*, *взаймы*, *вконецъ*, *вкорень*, *вкось*, *вкривь*, *вкратцѣ*, *вкругъ*, *влѣво*, *вмѣсто*, *вмѣстѣ*, *вначалѣ*,

внизу (пример: „написать внизу страницы"), *вовремя, впервые, впередъ, вплавь, вплотную, вполпьяна, вполы* (т. е. „в половину"), *впопадъ, впорожнѣ, впору, впослѣдокъ, впотьмахъ, вправду, вправѣ, впроголодь, впрокъ, впросакъ, налету, наоткось, наотмашь, наотрѣзъ, наприкладъ* (т. е. „например"), *напрокатъ, напролетъ, напроломъ, наряду* и др. (в приведенный список вошли лишь слова с приставками *без, в, на*). Слитные написания этих слов значительно расходились с традицией и практикой того времени.

Заметная неустойчивость многих написаний, отсутствие в грамматических и словарных трудах твердых руководящих принципов и связанные с этим необоснованность и дробность правил отмечались многими учеными, писателями, педагогами. Ценные замечания о правописании были высказаны Белинским и Добролюбовым.

В. Г. Белинский писал: „Запутанность и затруднительность русской орфографии происходит от произвольности правил. Скажите ученику общее правило, он скоро поймет его и скоро привыкнет писать сообразно с ним; ему небольшого труда будет стоить упомнить и немногие исключения из правила. Но скажите ему, что вот-де на это нет правила, но уже так принято писать, — и тогда для него ваша грамматика и ваша орфография обратятся в мучение. Головоломны ложные правила, но произвол еще хуже их" [1].

Подобную же мысль высказал и Добролюбов. Указав на большое количество имеющихся пособий по грамматике и правописанию, Добролюбов писал: „При всем этом обилии правописание наше однако не только не двигалось вперед, но даже не устанавливалось никогда, а все колебалось и колеблется до сих пор..." „Это смекнули и умели этим воспользоваться некоторые люди. Не представляя никаких убеждений, не выдавая новых правил, они начали выпускать книжки, в которых постепенно вводили кое-что и отвергали кое-что в принятом правописании. Книжки выходили ежемесячно, читали их очень многие и мало-помалу начали привыкать к некоторым новостям, а там и сами стали подражать им. А ученые все еще не могут решить этого процесса, напоминающего тяжбу об одном чересполосном владении. Два человека судились из-за него, а третий построил на нем дом: и через десять лет, когда процесс кончился, место было присуждено последнему, по праву десятилетней давности. Не мудрено, что нечто подобное случится и с нашей орфографией. Да и не лучше ли это будет?"[2]

---

[1] В. Г. Белинский. Сочинения, М., 1860, т. IX, стр. 95.

[2] Н. А. Добролюбов. Полное собрание сочинений, под ред. Лебедева-Полянского, т. III, стр. 574—575.

Интерес Белинского и Добролюбова к орфографии говорит о том, насколько велико было общественное значение этих вопросов.

О запутанности и пестроте правописания говорили также многие журналы, по-разному разрешая сложную орфографическую проблему. В течение 50—70-х годов эти вопросы не сходят со страниц тогдашней прессы.

§ 123. В 1873 г. вышел первым изданием капитальный труд академика Я. К. Грота „Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне" (второе издание— в 1876 г., третье — в 1885 г.). Это был очень основательный, не утративший значения и до настоящего времени труд, посвященный истории и теории русского правописания. Практическую задачу своего труда Грот выразил в предисловии к нему: „Цель настоящего труда заключается вовсе не в каких-либо нововведениях и даже не в окончательном решении всех спорных вопросов нашего правописания (такая задача была бы слишком смела), а в том только, чтобы историческим путем уяснить мыслящему читателю настоящее состояние русской орфографии и способствовать к большему единообразию письма" [1].

Указанная задача для того времени была очень важна. Чтобы урегулировать правописание, надо было установить основные тенденции в его развитии, наметить важнейшие принципы правописания, выяснить его современное состояние. Очень важно было и то, что осуществление этой задачи было связано с Академией наук. Освещение практических вопросов орфографии с научных позиций поднимало авторитет самой орфографии. Вопросы орфографии стали предметом лингвистического изучения. И в то же время решались совершенно конкретные задачи орфографической практики. Не было таких орфографических вопросов, которые не нашли бы освещения в этом труде. К книге приложен справочник, в котором указано и комментировано правописание около 3000 слов.

Однако для практических целей нужна была несколько иная книга, которая могла бы быть удобным справочником для всякого пишущего. По поручению Академии наук такая книга под названием „Русское правописание" была составлена тем же академиком Я. К. Гротом. Первое ее издание вышло в 1885 г. Эта книга и стала руководством для школы и для печати. Основную задачу книги определил сам автор. „Настоящее краткое руководство, — писал он, — имеет целью

[1] Я. К. Грот. Спорные вопросы русского правописания, изд. 2-е, стр. 18.

удовлетворить сознаваемую всеми потребность привести русское правописание к желательному единообразию". Грот ставит своей задачей не реформу правописания, не ее упрощение, а лишь ее упорядочение и регламентацию. „Во многих случаях, — говорит Грот, — наше правописание установилось давно уже, хотя и не всегда правильно; изменять его в подобных случаях не представлялось удобным, потому что такого рода изменения могли бы только поколебать существующее соглашение и вызвать новые разноречия в нашем письме. Поэтому принято было за правило по возможности держаться утвердившегося обычая, отступая от него только тогда, когда общеупотребительные начертания оказывались положительно неверными или слишком непоследовательными".

Таким образом, в труде академика Грота к концу XIX в. русское правописание было кодифицировано. Русское общество получило своего рода свод орфографических правил. Общеобязательную силу правописание, установленное Гротом, приобрело главным образом потому, что оно самим же Гротом было рекомендовано как академическое: „Каждый вопрос подвергался тщательному пересмотру в собрании всех наличных членов Отделения русского языка и словесности и решен был с общего согласия"[1]. Хотя позднее, лет 20 спустя, Академия не признала руководство Грота своим[2], однако за этим руководством утвердилась слава академического. К тому же, „Русское правописание" было рекомендовано в качестве руководства для школ министерством народного просвещения. Книги, в частности учебники, стали печататься в соответствии с руководством Грота. Это обстоятельство не могло не отразиться положительным образом на состоянии правописания того времени: оно стало более единообразным, чем было до тех пор.

„Русское правописание" Грота не встретило однако единодушного и полного признания в ученом и образованном обществе. Несмотря на авторитет Академии наук, по поручению которой составлялось „Руководство", несмотря на известность и ученые заслуги автора, книга вызвала множество возражений. Правописание Грота стало применяться не во всех изданиях, хотя оно как будто и получило официальное утверждение, сделано было обязательным для школы и считалось в широких кругах общества академическим.

Действовавшая до выхода в свет „Русского правописания" орфография, сторонником которой был Грот, заключала в себе,

---

1 „Русское правописание", предисловие.

2 См. „Протокол первого заседания комиссии по вопросу о русском правописании", состоявшегося 12 апреля 1904 г., СПб., 1905, стр. 3—4.

как это он и указывал в своих „Спорных вопросах“, много недостатков. Так, многие написания, признанные Гротом правильными, не находят себе опоры в северновеликорусском произношении, на показания которого, по его мнению, орфография в основном должна бы опираться, равно как и на показания древнерусской письменности. „Русское правописание“ Грота, основывая свои написания на материале устарелых словарей Рейфа, Шимкевича и др., не учло, а в иных случаях и не могло учесть данных исторического словаря Срезневского, областных словарей.

Иногда Грот довольствуется лишь установлением правила, не пытаясь мотивировать его. Например, он утверждает, что „если имя среднего рода, кончающееся на *ье (платье, именье)*, является в уменьшительной форме с суффиксом *це*, то предшествующий последнему звук *е* без ударения изменяется в *и: платьице;* ударяемый же *е* только теряет акцент: от *копье* образуется уменьшительное *копьецо*“. Почему в одном случае *е* изменяется в *и*, а в другом сохраняется — автор не указывает, при этом он смешивает факты орфографии с фактами языка. Явления одного и того же разряда (уменьшительные существительные среднего рода на *ье*) расщепляются, и нарушается единообразие написания.

От традиции Грот отступал в очень немногих случаях. Так, он допустил написание *ого* в ударяемом окончании родительного падежа единственного числа имен прилагательных *(золото́го, больно́го)*, оставив в неударяемом положении *аго, яго (све́тлаго, си́няго)*. Грот мотивировал это тем, что в именительном падеже единственного числа мужского рода уже установилось различие окончаний *ый (ій)*, с одной стороны, и *ой* — с другой: *добрый, синій — хромо́й, больно́й*. Попытки писать эти окончания по произношению (например, *злово, великово)* были и раньше; Ломоносов и Карамзин допускали окончание *ого* в просторечии; Павский находил, что „если писать *худой* вместо *худый*, то почему не писать: *худого* или *худово* вместо *худаго*?“

Но, допустив правописание *ого* под ударением и оставив *аго* в безударном положении, Грот нарушил „этимологический принцип“, основная черта которого заключается прежде всего в единообразии написания одной и той же значащей части слова. Чтобы быть последовательным, надо было допустить окончание *ого* и в безударном положении.

Грот установил правило об употреблении *ы* вместо *и* в сочетаниях конечного согласного приставки со следующим гласным *и*, т. е. в таких словах, как *предыдущій, возымѣть, безымянный*. Он пишет: „Звук *ы*, вообще являющийся только после согласных, и всегда не что иное, как ъ + *и*, но для

краткости придуман знак *ы*: им и надобно всегда пользоваться, тем более что в некоторых сложных словах употребление его уже бесспорно установилось; никто не пишет: *взъисканіе*, *съищикъ*, *объискъ*, *подъимать*"[1]. Во времена Грота употребление *ы* было довольно распространенным; эта практика и была узаконена Гротом, хотя этим увеличивалось количество фонетических написаний и ослаблялось действие „этимологического принципа".

Изредка Грот отступал все же и от действовавшей в то время практики, создавая свои этимологии и устанавливая новые написания. На таких этимологиях, например, основаны данные Гротом написания: *вядчина* (вм. *ветчина*), *изьянъ* (вм. *изъянъ*); эти написания он обосновал в „Спорных вопросах" и включил их в свой указатель в „Русском правописании". Однако в последующих изданиях „Русского правописания" Грот вынужден был отказаться от своих написаний и вернуться к традиционным, частью же допустить двоякие написания. Сделано это было под влиянием критических указаний ученых, в частности высказываний академика А. И. Соболевского.

В „Руководстве" встречается и непоследовательность в отдельных написаниях. Так, Грот, придерживаясь морфологического принципа в таких, например, словах, как *окрестный*, *свистнуть*, ввел написания *блеснуть* (хотя *блестеть*), *хлеснуть* (хотя *хлестать*).

Некоторые правила Грота усложняли и без того запутанное правописание. В древних памятниках после шипящих под ударением писалось *е*, так как такое написание вполне соответствовало произношению того времени. Но в дальнейшем, когда в русском языке ударяемое *е* перед твердым согласным стало звучать, как *о(ё)*, стали возникать колебания между написанием *е* и *о*. Ломоносов, Востоков, Буслаев склонялись в таких случаях к *е*. Во времена Грота написания *жо*, *шо*, *чо*, *що* под ударением стали все больше распространяться. Эти написания оправдывались общим стремлением сближать письмо с произношением, желанием различить сходные или близкие по произношению, но различные по значению слова и формы: *жены́* и *жо́ны*, *черта́* и *чо́рта*, *ду́шенька* и *душо́нка* и т. п. Грот утвердил своим авторитетом употребление *о* под ударением после шипящих лишь в суффиксах и окончаниях (*дружо́къ*, *сверчо́къ*, *мешо́къ*, *душо́й*, *свечо́й*, *мечо́мъ*, *ножо́мъ*, *большо́й*, *меньшо́й*, *чужо́й*). Но относительно корней он создал правило, по которому в них *о* пишется лишь в открытых слогах (*шорохъ*, *шопотъ*, *трущоба*, *чопорный*), в закрытых же слогах

[1] „Филологические разыскания", т. II, стр. 319.

требовалось написание *е*: *жесткій*, *шелкъ*, *счетъ*, *щетка*. Это правило вызывало вполне естественное недоумение: при чем тут закрытые и открытые слоги, тем более что в одном и том же слове в разных его формах может быть то закрытый, то открытый слог: *счетъ* — *счеты*, *щетка* — *щетокъ*, *щеточка*? Да и сам Грот пишет *чортъ*, хотя это слово представляет собой закрытый слог.

Не внес ясности Грот в правописание приставок *без*, *воз*, *из*, *низ*, *раз*, *через*. В первой четверти XIX в. писалось безразлично: *воз*, *из*, *раз* и *вос*, *ис*, *рас*. Востоков уже установил правило об употреблении в этих приставках буквы *с* перед следующим глухим. В конце 50-х годов это правило распространилось и на приставку *низ*, а в дальнейшей орфографической практике стало захватывать и приставку *без*. Грот утвердил написание *с* перед глухими согласными (кроме *с*) только для приставок *воз*, *из*, *низ*, *раз* (*восхищеніе*, *исходъ*, *ниспускать*, *распускать*); перед *с* эти же приставки должны были писаться через *з* (*возстаніе*, *разсказъ*); в *без* и *чрез* буква *з* никогда не заменялась буквой *с* (*безконечный*, *безпечный*, *черезполосица*). Правило в целом не было обосновано и без необходимости осложняло правописание.

§ 124. „Русское правописание" Грота вышло в 1885 г.; за один год потребовалось четыре издания, к 1900 г. было уже восемь изданий; всего же вышло 20 изданий. Но, несмотря на такое широкое распространение книги, введенные Гротом начертания, по словам одного из его современников, „прививаются очень туго". Таким образом, в конце XIX в. в русской орфографической практике попрежнему продолжал существовать большой разнобой.

Мысль об упрощении и облегчении русского правописания была совершенно чужда Гроту; он держался принципа — узаконить обычай, сохранить традицию. Так, Грот отмечает, что употребление буквы *ѣ* есть дело предания и обычая, хотя ему и приходится указывать на случаи нарушения этого предания[1].

Он тщательно перечисляет все корневые слова с буквой *ѣ* в систематическом порядке, всего в количестве 130 слов. Между тем усвоение буквы *ѣ* признавалось труднейшей частью традиционного правописания. Об этом говорили и ученые, начиная с Ломоносова (признававшего, что для многочисленных случаев с буквой *ѣ* „никаких правил показать нельзя, кроме твердого учения граммате и прилежного книг чтения"), и педагоги, как, например, К. Д. Ушинский,

---

[1] „Филологические разыскания", т. II, стр. 309, 311.

считавший букву ѣ капитальной трудностью русского правописания, и В. Я. Стоюнин, еще в 1862 г. говоривший: „Чем меньше будет число слов с буквой нелюбимой, ненавистной, вражеской для учащихся и для многих выучившихся, — тем лучше“.

Точно так же, ясно и правильно сознавая ненужность буквы ъ в конце слов, Грот однако не решался посягнуть на эту ненужную букву, говоря: „Сила привычки и традиции так велика, что едва ли можно ожидать когда-либо в общеупотребительном письме отмены ера в конце слов“[1]. Грот ошибся в прогнозе, но на долгое время задержал в правописании этот ненужный знак.

С этим нельзя не сопоставить отношения к вопросам реформы правописания со стороны В. Г. Белинского.

Прекрасно понимая значение грамотности для широких масс, тонко разбираясь в вопросах правописания, В. Г. Белинский весьма сочувственно относился к попыткам реформы русского правописания в сторону его упрощения. Когда в 1842 г. появилась книга К. М. Кадинского „Упрощение русской грамматики“, Белинский написал на нее рецензию; критикуя проект Кадинского, он представил свои предложения по упрощению правописания. Как бывший преподаватель русского языка, он очень хорошо знал, какие трудности таит в себе современное ему правописание, и с большой страстностью критиковал его недостатки. Он стоял за полное исключение буквы ѣ; букву ъ он предлагал оставить только в качестве разделительного знака (*объявить, изъявить*), окончание именительного падежа множественного числа прилагательных сделать единым: *ый, ий* (*красный, синий*), в родительном падеже писать: *ово, ево* (*красново, синево*). „Если бы писали так, ученику было бы ясно правило, не допускающее ни противоречий, ни исключений, и ему ничего бы не стоило запомнить его“, — писал он[2].

В сущности, с Белинского следует начинать историю вопроса об упрощении русского правописания. Но проведение реформы казалось Белинскому в условиях того времени чрезвычайно затруднительным. „Разве решиться, ни на что не смотря, печатать свои книги новоизобретенным способом? Но кто рискнет на это? У кого столько материальных средств, чтобы не печалиться о том, что его книги не найдут себе покупателей, и столько нравственной силы, и — еще хуже насмешек — видеть, что его великолепное предприятие кончится ничем“[3].

---

1 „Труды“, т. II, стр. 742.
2 Белинский. Сочинения. Под ред. Венгерова, т. IX, стр. 496—498.
3 Там же.

УПРОЩЕНИЕ РУССКОГО ПРАВОПИСАНИЯ

§ 125. Между тем чем дальше, тем яснее становилось, насколько назрела необходимость реформы русского правописания в сторону его упрощения.

Вопрос об упрощении правописания особенно волновал педагогические круги. В связи с политическим подъемом в 50—60-е годы движение в пользу упрощения письма приняло широкий общественный размах. В 1862—1863 гг. в Петербурге состоялось восемь совещаний, посвященных вопросу об упорядочении правописания.

Еще более важной была деятельность московского педагогического общества при московском университете. Проект реформы, выработанный в самом начале XX в. по поручению общества П. Н. Сакулиным, был направлен в министерство народного просвещения с ходатайством об образовании комиссии из компетентных лиц для рассмотрения вопроса. Проект был разослан также в различные общества — ученые, просветительные и педагогические. Этим вызвано было обсуждение вопроса о правописании в разных городах России: Петербурге, Одессе, Казани, Риге.

В проекте говорилось: „Положение ненормальное и поистине драматическое. Грамотность — это какой-то Молох, в жертву которому мы безжалостно приносим и интересы общего образования и судьбу учащихся“.

Предлагаемые в проекте упрощения сводились к следующему: 1) исключить из азбуки буквы *ѣ*, ъ, ѵ, *і*, *ѳ*; 2) не писать *ь* в словах *ночь*, *мощь*, *рожь*, *тишь*, *лечь* и т. п.; 3) в качестве отделительного знака употреблять *ь* *(обьем, сьесть)*; 4) после *ж*, *ш*, *ц* писать *ы*: *жыр*, *сушыть*, *станцыя;* 5) после *ж*, *ш*, *щ*, *ч*, *ц* под ударением писать *о* *(жорнов, шол, течот);* 6) приставки *воз*, *низ*, *раз*, *без*, *через* писать по этимологии (всегда с *з*); 7) в родительном падеже единственного числа прилагательных, местоимений, числительных мужского и среднего рода писать *ово*, *ево;* 8) в именительном-винительном падеже множественного числа прилагательных — *ый*, *ий;* 9) писать *её* вм. *ея;* *они*, *одни* вм. *онѣ*, *однѣ;* 10) в дательном и предложном падежах слов женского рода типа *Мария* и в предложном падеже слов мужского и среднего рода типа *Василий*, *здание* писать по общему правилу не *и*, а *е;* 11) слова переносить по слогам[1].

Правительство насторожилось, министерство народного просвещения в феврале 1903 г. ответило отказом на ходатайство московского педагогического общества. Мало того, министр внутренних дел Сипягин создал проект циркуляра, запрещающего печатать книги без *ѣ* и ъ. По поста-

новлению Отделения русского языка и словесности Академии наук в министерство просвещения 22 декабря 1901 г. был послан ответ, составленный академиками А. И. Соболевским и А. А. Шахматовым. „Запрещать печатное слово по таким внешним основаниям, как несоблюдение правил орфографии, представляется в интересах русского языка и русской литературы вредным и нежелательным“, — говорилось в ответе. Повидимому, письмо Академии наук возымело действие: распоряжения об обязательном употреблении в печати букв ѣ и ъ не последовало.

Но враги реформы были не только в министерстве внутренних дел. Они были и в министерстве народного просвещения, и в синоде, и среди более реакционной части ученых. При этом нападки производились с разных позиций. Одни отрицали реформу как всякое вообще прогрессивное нововведение, как уступку демократическому в своей основе движению (например, Победоносцев). Другие стремились доказать, что трудность усвоения правописания зависит не от трудностей русского правописания, а от неправильных методов обучения; самое же правописание является научно обоснованным и нетрудным для усвоения (проф. А. И. Томсон).

В противоположность орфографическому движению XIX в., носившему преимущественно педагогический характер, в начале XX в. выявляются все более широкие общественные задачи орфографической реформы. Началась борьба между реакционными правительственными кругами и заинтересованными в просвещении широких народных масс передовыми слоями интеллигенции и организациями рабочего класса.

Новым фактором является руководящая роль Академии Наук при решении орфографических вопросов.

В 1904 г. Академия наук образовала специальную Орфографическую комиссию, которая должна была заняться вопросом об упрощении правописания. В заседании 12 апреля было выяснено, что руководство Грота „Русское правописание“ является трудом, составленным по поручению Отделения русского языка и словесности Академии наук, „но не от имени Отделения“, что „таким образом критическое отношение к правилам русского правописания, рекомендованным академиком Гротом, не затрагивает интересов Академии наук. На заседании комиссии были выслушаны мнения ученых, представителей ведомств, учебных заведений, обществ и печати, было выслушано также извлечение из письма одного

---

[1] „Вопросы воспитания и обучения“. „Труды Педагогич. об-ва, состоящего при И. М. У.“, I, М., 1901.

сельского учителя о том, что „нынешнее правописание тормозит народное просвещение, как тормозило крепостное право развитие России. Сотни тысяч людей с трепетом ожидают благополучного решения этого вопроса".

Постановлением комиссии были исключены из азбуки *ѳ* (фита), *ъ*, одна из букв *и* или *і*, *ѣ*. Для разработки вопросов, не связанных с исключением из алфавита лишних букв, комиссия выделила подкомиссию под председательством академика Ф. Ф. Фортунатова; в состав подкомиссии вошли А. А. Шахматов, А. И. Соболевский, Ф. Е. Корш, П. Н. Сакулин, И. А. Бодуэн-де-Куртенэ и др.[1]

В мае того же года подкомиссия выпустила „Предварительное сообщение Орфографической подкомиссии"[2], которое представляло собой изложение проекта упрощения правописания. „Предварительное сообщение" вызвало целый ряд замечаний, возражений, пожеланий, которые и были рассмотрены подкомиссией в декабре того же года; решения подкомиссии однако не были опубликованы. События 1905—1906 гг. прервали работу подкомиссии, но многочисленные материалы в виде дополнений, возражений, даже новых проектов не переставали поступать.

§ 126. Орфографическая подкомиссия Академии наук возобновила свои занятия лишь в декабре 1910 г. Подкомиссия составила окончательный проект реформы, который был напечатан в 1912 г. в брошюре „Постановления Орфографической подкомиссии". Подкомиссия, имея в виду, что *ѣ*, *ъ*, *ѳ*, одно из начертаний для звука *и* уже исключены постановлением комиссии, пришла к следующим заключениям, которые должны были войти в доклад, представляемый в комиссию: 1) исключить букву *і*, оставив *и;* 2) сохранить *ъ* в конце приставок в значении отделительного знака; 3) признать излишним написание буквы *ь* в конце слов после *ж* и *ш*, *ч* и *щ* в именительном и винительном падеже единственного числа женского рода (*рож*, *ноч*, *плеш*, *вещ*), во 2-м лице единственного числа настоящего и будущего времени (*ходиш*, *даш*), в окончании наречий и союзов (*лиш*, *сплош*, *настеж*), в неопределенной форме глагола (*толоч*, *збереч* — *толочся*, *уберечся*); 4) сохранить написание *ться* в инфинитиве (*делаться*, *считаться*); 5) признать употребление буквы *ё* желательным, но не обязательным (*тётка*, *вёл*, *рёбра*); 6) передавать звук *о* под ударением после шипящих и *ц*

[1] „Протокол первого заседания Комиссии по вопросу о русском правописании, состоявшегося 12 апреля 1904 г.", СПб., 1905.

[2] „Предварительное сообщение Орфографической подкомиссии", СПб., 1904.

через *о* (*крючок*, *толчок*, *чорный*, *печот*, *ещо*, *жолтый*, *лжот*, *свежо*, *шол*, *шолк*, *шопот*, *лицо*, *яйцо*), „оттенки“ же звуков *о* и *е* в безударных слогах — через *е* (*пчела*, *чернослив*, *щенок*, *топорище*, *вышел*, *желток*, *жернова*, *сердце*); 7) признать правильным написание *с* в приставках *воз*, *из*, *низ*, *раз*, *без*, *чрез* (*через*) перед глухими согласными (*восприятие*, *рассудить*, *бесполезно*, *рассада*, *чересполосный*); 8) в окончании родительного падежа единственного числа мужского и среднего рода писать *ого* и *его* (*слепого*, *чужого*, *меньшого*, *синего*, *волчьего*, *прочего*, *горящего*, *меньшего*, *куцего*); 9) установить одно написание — *ые* и *ие* для именительного-винительного множественного числа всех родов (*добрые люди*, *тесные улицы*, *глубокие знания*); 10) ввести для всех трех родов написания *они*, *одни*, *одних*, *одним*, *одними*; 11) исключить из правописания правило, требующее писать *ея* в родительном падеже; 12) упростить правила переноса слов, ограничившись лишь тем, чтобы не отделять: а) согласную или группу согласных от гласной, перед которой она стоит, б) *й* перед согласной от предшествующей гласной, конечную гласную или группу согласных, а также *й* от предыдущей гласной, в) согласную в конце приставки, если эта согласная стоит перед согласной (*под-ходить*, а не *по-дходить*, *раз-вязать*, а не *ра-звязать*).

Так как „Постановления Орфографической подкомиссии“ не получили окончательного утверждения, то в Академию наук не переставали и дальше поступать ходатайства и предложения о скорейшем упрощении правописания. Между прочим, I Всероссийский съезд по вопросам народного образования (декабрь 1913 г.) в своих резолюциях указал на необходимость скорейшего проведения орфографической реформы и на желательность, чтобы современная печать, не дожидаясь реформы, явочным порядком изъяла из употребления буквы *ѣ*, *і*, *ѳ*, *ъ*. За необходимость реформы высказался и Всероссийский съезд преподавателей русского языка и словесности, происходивший в декабре 1916 г. — январе 1917 г. в Москве: съезд признал скорейшую реформу правописания в том направлении, какое она получила в трудах Орфографической комиссии при Академии наук, настоятельно необходимой в интересах русской школы и всей русской культуры и постановил возбудить соответствующие ходатайства перед Академией наук, министерством и комиссией по народному образованию в Государственной думе.

Несмотря на широкое общественное движение в пользу реформы, судьба ее была под большим вопросом. Доведя историю орфографической реформы до 1916 г., Д. Н. Ушаков вынужден был сказать: „Дальнейшую судьбу реформы

предугадать невозможно. Проект подкомиссии, конечно, должен поступить на обсуждение комиссии и будет или принят, или отвергнут, если только комиссии суждено когда-либо вновь собраться..."[1] Действительно, трудно было предугадать, когда же, наконец, будет осуществлена долгожданная реформа. Нужно было произойти революции, чтобы народ получил „новое правописание".

Избранная Академией наук подготовительная комиссия созвала 11 мая 1917 г. совещание, на котором присутствовали, кроме членов этой комиссии, члены Орфографической комиссии 1904 г., члены Отделения русского языка и словесности, представители ученых и просветительных учреждений и некоторые другие.

Постановление совещания сводилось к следующему:

1. Исключить букву *ѣ* с последовательной заменой ее через *е (колено, вера, семя, в избе, кроме)*.

2. Исключить букву *ѳ*, заменив ее через *ф (Фома, Афанасий, кафедра)*.

3. Исключить букву *ъ* в конце слов и частей сложных слов *(хлеб, посол, мел, пять куч, контр-адмирал)*, но сохранить ее в середине слов в значении отделительного знака *(съемка, разъяснить, адъютант)*.

4. Исключить букву *і* с заменой ее через *и (учение, Россия, пиявка, Иоанн, высокий)*.

5. Признать желательным, но не обязательным употребление буквы *ё*.

6. Писать приставки *из*, *воз*, *вз*, *раз*, *роз*, *низ*, *без*, *чрез*, *через* перед гласными и звонкими согласными с *з*, но заменять *з* буквой *с* перед глухими согласными, в том числе и перед *с (извините, воззвание, взыскать, разумно, низвергнуть, безвольный, чрезвычайно, исправить, ниспосланный, бесполезно, чересполосица, чересседельник)*.

7. Писать в родительном падеже прилагательных, причастий и местоимений *ого*, *его* вм. *аго*, *яго (доброго, пятого, которого, синего, свежего)*.

8. Писать в именительном и винительном падеже множественного числа женского и среднего рода прилагательных, причастий и местоимений *ые*, *ие* вм. *ыя*, *ия (добрые, старые, скорые, синие)*.

9. Писать *они* вместо *онѣ* в именительном падеже множественного числа женского рода.

10. Писать в женском роде *одни*, *одних*, *одним*, *одними* вм. *однѣ*, *однѣх*, *однѣм*, *однѣми*.

---

[1] Д. Н. Ушаков. Русское правописание, изд. 2-е, 1917, стр. 94—95.

11. Писать в родительном падеже единственного числа личного местоимения женского рода *её* (или *ее*) вм. *ея*.

12. При переносе слов ограничиться следующими правилами:

Согласная (одна или последняя в группе согласных) непосредственно перед гласной не должна быть отделяема от этой гласной. Равным образом группу согласных в начале слов не отделять от гласной. Буква *й* перед согласной не должна быть отделяема от предшествующей гласной. Также конечная согласная, конечное *й* и группа согласных в конце слов не могут быть отделены от предыдущей гласной. При переносе слов, имеющих приставки, нельзя переносить в следующую строку согласную в конце приставки, если эта согласная находится перед согласной, например надлежит делить: *под-ходить*, а не *по-дходить*, *раз-вязать*, а не *ра-звязать*.

13. Допустить слитное и раздельное написание в наречиях, составленных из сложных существительных, прилагательных и числительных с предлогами (*всторонe* и *в стороне*, *втечение* и *в течение*, *сверху* и *с верху*, *вдвое* и *в двое*).

Примечание. Вопреки предложениям Орфографической подкомиссии, опубликованным в 1912 г., совещание постановило: 1) сохранить без изменения существующие теперь правила употребления букв о и е после *ч*, *ш*, *ж*, *щ*, *ц*; 2) сохранить букву *ь* во всех случаях, где эта буква употребляется в современном правописании (в частности, писать: *речь*, *вещь*, *прочь*, *рожь*, *ходишь*, *настежь* и т. п.).

Министерство народного просвещения в мае того же года циркулярами сообщило попечителям учебных округов о необходимости принять меры к осуществлению реформы русского правописания с начала учебного 1917/18 г. Но реформированное правописание оставалось необязательным для печати.

Представители реакционной печати, надеявшиеся еще на возвращение царских порядков, стали нападать на новую орфографию. Нам теперь кажутся непонятными и смешными слова резолюции, принятой по докладу художника-архитектора на одной конференции, будто „благодаря своей графической нецелесообразности, новое правописание может нанести огромный и непоправимый ущерб как духовной, так и материальной культуре русского народа“[1]. В то время такие выступления не были редкостью. Они, конечно, угрожали успехам нового правописания.

Но то, чего не решилось сделать реакционное Временное правительство, со свойственной ему решительностью сделало

[1] „Известия АН“, VI серия, 15 октября 1917 г.

Советское правительство. 23 декабря 1917 г. Народный комиссариат просвещения издал декрет о введении нового правописания. В декрете говорилось:

„В целях облегчения широким народным массам усвоения русской грамоты, поднятия общего образования и освобождения школы от ненужной и непроизводительной траты времени и труда при изучении правил правописания, предлагается всем, без изъятия, государственным и правительственным учреждениям и школам в кратчайший срок осуществить переход к новому правописанию".

Был установлен следующий порядок проведения реформы в жизнь:

„Все правительственные и государственные издания, периодические (газеты, журналы) и не периодические (книги, труды, сборники и т. д.), должны печататься согласно новому правописанию с 1 января 1918 г.

Во всех школах республики переход к новому правописанию должен быть произведен согласно следующим основаниям:

1. Реформа правописания проводится постепенно, начиная с младшего отделения начальной школы.

2. При проведении реформы не может быть допущено принудительное переучивание тех, кто уже усвоил правила прежнего правописания.

3. Для всех учащихся и вновь поступающих остаются в силе лишь те требования правописания, которые являются общими и для прежнего и для нового правописания, и ошибками являются лишь нарушения этих правил. Государственной комиссии поручается принять меры для проведения в жизнь нового правописания".

Дальше шли „Изменения правописания и новые правила", уже известные нам по постановлениям совещания 11 мая 1917 г. (всего 13 пунктов).

10 октября 1918 г. был издан Советом Народных Комиссаров специальный декрет, который подтвердил декрет Народного комиссариата просвещения.

В новых правилах были опущены из изданных в 1917 г. пункты 5 и 13. Остальные пункты остались без изменений, были лишь опущены примеры к правилам.

Правительственное постановление о новых правилах правописания 1918 г. остается до настоящего времени в полной силе.

Это постановление обеспечило новому правописанию окончательную победу: не только школа перешла на новое правописание, но и вся страна; новое правописание было объявлено обязательным для всех советских граждан.

Реформа, утвержденная и вошедшая в жизнь в 1918 г., разрешила основные вопросы системы русского правописания, изъяв лишние буквы, с одной стороны, а с другой — обобщив и уточнив ряд правил, охватывающих большие ряды более или менее однородных случаев, до того без нужды различавшихся в своих написаниях.

Но, разрешив крупные основные вопросы по упрощению русского правописания, реформа не затронула более мелких, частных вопросов по упорядочению отдельных написаний, дававших значительный разнобой в практике письма. Так, например, продолжался разнобой в отношении слитного или раздельного написаний, а также написаний с дефисом (*на половину* и *наполовину*, *в насмешку* и *внасмешку*, *в миг* и *вмиг*, *без толку* и *бестолку*, *юго-западный* и *югозападный* и т. п.); не была устранена и даже увеличилась неустойчивость в написании двойных согласных во многих словах (*официальный* и *оффициальный*, *агрегат* и *аггрегат*, *галерея* и *галлерея* и др.); не было ясности в правилах написания суффиксов *енск* и *инск* в именах прилагательных, образованных от названий населенных пунктов (например, *Мытищенский* и *Мытищинский*, *Охтенский* и *Охтинский* и т. п.); не было устойчивости и в написаниях отдельных слов (например, *пескарь* и *пискарь*, *бечева* и *бичева*, *мачеха* и *мачиха*, *тароватый* и *тороватый* и др.). Для окончательного упорядочения всех таких написаний нужен был полный пересмотр и составление новой редакции свода всех правил правописания, а также составление большого орфографического словаря, что в свое время не входило в задачи Орфографической комиссии, подготовившей реформу. Однако задача упорядочения русского правописания довольно скоро встала во весь свой рост, и в настоящее время специальной правительственной комиссией составлен проект нового полного свода, а также большой орфографический словарь[1].

---

[1] Положительную роль в упорядочении написания многих слов сыграли изданные в период сталинских пятилеток орфографические справочники К. И. Былинского и словари Д. Н. Ушакова и С. Е. Крючкова.

ОГЛАВЛЕНИЕ

III. Краткий очерк истории русского правописания

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Академии Наук СССР

Редакторы издательства *В. А. Мамонов, Д. П. Плешкова*
Технический редактор *Г. Н. Шевченко*
Корректор *В. Б. Несвижский*

РИСО АН СССР № 4551. Т-06939. Издат. № 3052. Подп. к печ. 11/IX 1951 г.
Формат бум. 60×92. Бум. л. 6,25. Печ. л. 12,5. Уч.-изд. л. 13,1. Тираж 20000.
Тип. заказ № 87.

1-я типография Издательства Академии Наук СССР Ленинград, В. О., 9 линия 12.

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
10	8 св.	е	э
89	14 св.	отдельно	отдельное
98	5 сн.	„Упрощения	„Упрощение
102	6 св.	*ский*	*ск*
126	14 св.	*поллиста́*	*пол-листа́*
192	1—2 сн.	Сноску к стр. 191	см. на стр. 192

А. В. Шапиро. Русское правописание.

Школьные учебники СССР

sheba.spb.ru/shkola

